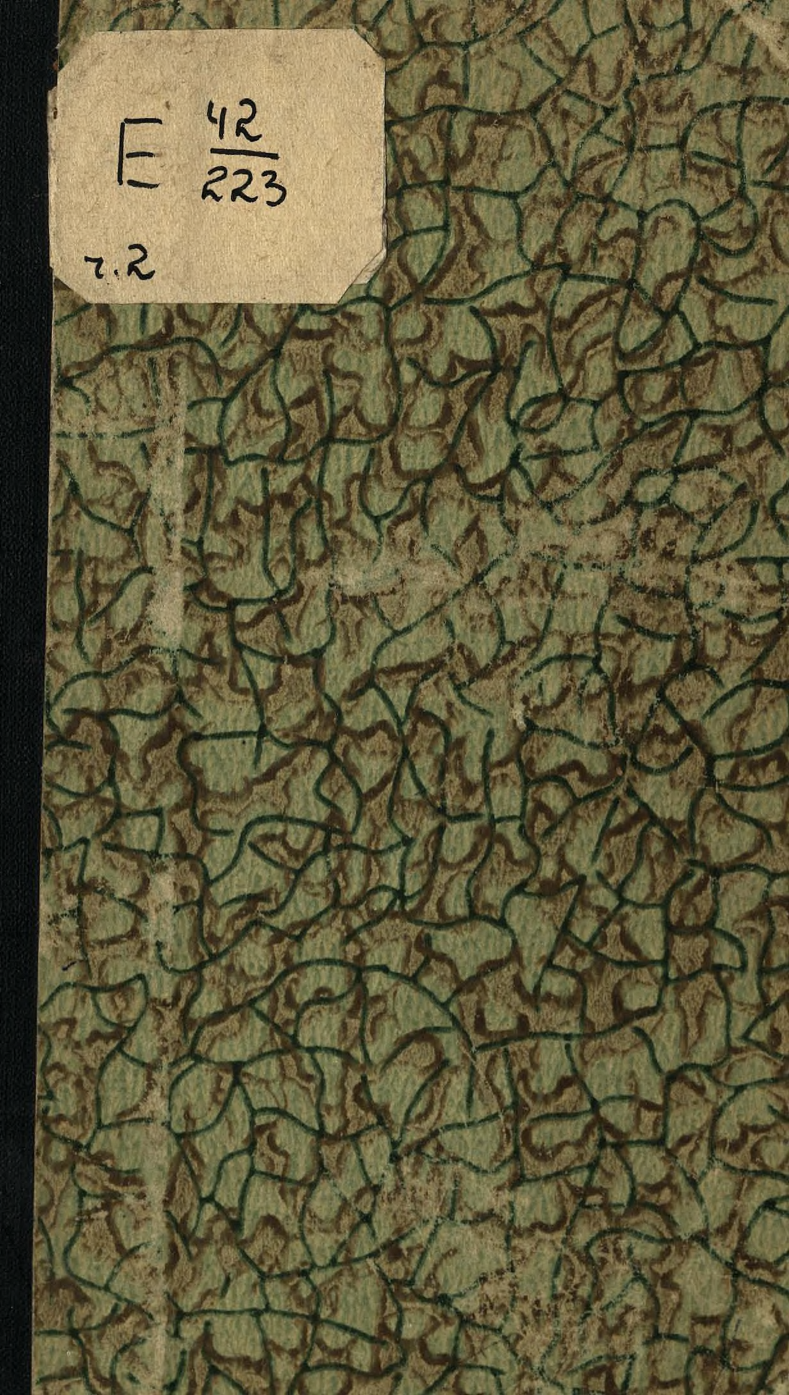
Е 42/223
т. 2

НЕ КОПИРОВАТЬ

СМѢШЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Часть II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на Россійской языкъ, и въ печать изданныхъ

СОЧИНЕНІЙ

Г. ВОЛТЕРА

Второе изданіе

Съ поправленіемъ противъ прежнихъ, и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя, и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои никогда еще изданы не были.

ЧАСТЬ II.

Собрано и издано И Р

Печатано съ Указнаго дозволенія

Въ городѣ Козловѣ
1791 года.

ИР

I.

КОРОЛЕВСКІЙ НАБАТЪ

Для потревоженія Европейскихъ Государей.

Вся Европа вострепетала при убїйствѣ Короля Польскаго; поразившїе его удары, всѣхъ сердца пронзили. Но какая держава устремилась на него отмстить? Предъ иконою Богоматери, сїи убїйцы присягали и цѣловали Евангелїе, которое въ рукахъ своихъ держалъ Доминиканецъ, чтобъ умертвить наилучшаго Государя, каковаго никогда не бывало въ Польшѣ: и до сихъ поръ никто больше, какъ только едина РОССІЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА отмщаетъ за честь и за права престола. Еще и нынѣ, ко стыду всѣхъ Христїянъ, находятся Турецкїе гарнизоны въ городахъ Польскихъ, и ежели бы не произ-

водили истинныхЪ чудесЪ Россійскіе войски, то Оттоманы вступили бы и вЪ самую Варшаву.

ИмператорЪ Римскій зная совершенно исторію и будучи рожденЪ для дѣлЪ, достойныхЪ прославленія во оной, вѣдаетЪ довольно, что сіи Турки два раза осаждали Вѣну, и брали вЪ плѣнЪ болѣе трехЪ сотЪ тысячь ВенгерцовЪ.

Безчеловѣчные мучители Константинопольскіе, обагряясь, столь часто кровію братій своихЪ и Визирей, поступаютЪ со всѣми Европейскими Государями, такЪ какЪ вЪ древнее мремя Римляне поступали сЪ малыми владѣтелями Кападокійскими и Іудейскими; они принимаютЪ нашихЪ пословЪ, равно какЪ консуловЪ купеческихЪ.

Г. *ПортерЪ*, будучи недавно полнополномочнымЪ посломЪ вЪ Константино-

полѣ, даетъ намъ знать, что все уваженїе нашимъ министрамъ, состоитъ въ нѣкоторыхъ только самыхъ малыхъ дозволенныхъ свободностяхъ, съ которыхъ вручаютъ имъ одни только списки, неимѣющїе въ себѣ ни малой дѣйствительности, и въ нѣкїихъ преимуществахъ введенныхъ въ обычай; но и въ тѣхъ часто имъ отказываютъ.

Онъ также насъ увѣдомляетъ, что великїй Визирь *Жеинъ Али Паша*, недавно хотѣлъ опредѣлить, чтобъ всѣ Европейскїе послы жили на островѣ *Принцовъ*.

Когда случится какому послу быть на Аудїенцїи у великаго Визиря, тогда сей варваръ растянувшись на софѣ, сажаетъ его на маломъ табуретѣ, и сказавъ ему слова четыре, назадъ отъ себя отсылаетъ; два придверника берутъ его подъ руку, не допускаютъ оборачивать-

ся задомъ, и заставляютъ безпрестанно уклоняться предъ ихъ господиномъ; а предстоящіе тутъ служители ему насмѣхаются и подсвистываютъ. По крайней мѣрѣ, не въ давнемъ времяни обрядъ сей совершенно былъ наблюдаемъ.

Ежели же посолъ захочетъ быть допущенъ на безполезную Аудіенцію къ Султану, тогда заставляютъ его, два часа дожидаться, иногда на дозжѣ и на снѣгу, на маленькомъ треугольномъ дворикѣ, подъ однимъ деревомъ, послѣ коего находится старая и гнилая лавка, на которую повара его Величества садятся. И такъ бываетъ онъ провождаемъ изъ одного уничтоженія въ другое, притворяясь, будто безчестія сего онъ не примѣчаетъ, и увѣряетъ своихъ путеводителей, что пріемъ его былъ со всякою честію.

Извѣстно, какія наглости часто въ Туреціи претерпѣвали Венеціанскіе *Баилы*. Дворъ Французскій, не долженъ еще позабыть, что въ блистательное время *Лудовика* XIV, въ 1658 году, великій *Визирь Махметъ Кулроглифъ*, во время Аудіенціи, велѣлъ ударить кулакомъ по щекѣ, господина *Делагей Вантвлета*, сына Французскаго посланника, который въ тогдашнее время, и самъ уже былъ тамъ посломъ и посредникомъ между Турецкою державою и Венеціанскою республикою. Тогда у сего министра вышибли зубъ, и его заключили въ темницу, а за что Порта употребила противъ него таковую жестокость? За то, что онъ не хотѣлъ истолковать письма, которое писалъ онъ цыфрами, къ одному вельможѣ, или Проведитору Венеціанскому.

Какъ сія Оттоманская Порта поступаетъ съ министрами той державы, съ которою войну начинать хочетъ? Она тотъ часъ сажаетъ ихъ въ тюрьму; такимъ образомъ *Мустафа* нынѣшній Султанъ, велѣлъ запереть въ замокъ *семи башенъ* Полномочнаго Посланника Россійскаго. Сіе наглое оскорбленіе, нанесенное всѣмъ государямъ въ особѣ сего министра, получило довольное за себя отмщеніе, многими побѣдами графа *Румянцова*; Россійскими флотами, выплывшими изъ нѣдръ Сѣвернаго моря, подъ предводительствомъ графовъ *Орловыхъ*, которые сожгли и превратили въ пепелъ Оттоманскіе флоты, предъ самымъ почти Константинополемъ; и завоеваніемъ четырехъ провинцій, которыя Князья *Голицынъ* и *Долгоруковъ*, и многіе другіе славные генералы отняли у Имперіи Оттоманской.

Таковыя собранныя вкупѣ многія побѣды, вопіютъ велегласно прочимъ странамъ Европы: *Подражайте вы намъ и тѣмъ тиранство Турецкое истребится.*

По истиннѣ, ежели бы Римская Императрица *Марія Терезія*, захотѣла поручить свои войски, своему достойному сыну, то кто бы могъ ему воспрепятствовать, въ одну компанію, овладѣть всею *Босніею* и всею *Болгаріею*? Въ то время, какъ побѣдоносная ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, армія прошла бы до самаго Константинополя.

Колико разъ, графъ *Марсилли*, которому толь свѣдомо было Турецкое правленіе, намъ говорилъ, что легко бы можно было повергнуть не землю, сего великаго Колосса, который силенъ не отъ чего больше, какъ токмо отъ нашего другъ съ другомъ несогласія; и я то же самое вмѣстѣ съ нимъ под-

тверждаю; что мы сами въ томъ виноваты, ежели Европа за себя отмстить не можетъ.

Страшатся того, чтобъ Австрїйскїй домъ не усилился, и чтобъ Императоръ Римскїй не завладѣлъ Римомъ? Но лучше ли то будетъ, когда Турки имъ завладѣютъ? Давно уже намѣренїе ихъ къ тому стремится, и они могутъ когда нибудь произвести то въ дѣйство, ежели дадутъ имъ время отдохнуть и поправить свои убытки.

Еще болѣе того страшатся Россїи. Но чѣмъ сїя Имперїя могла бы быть опаснѣе Турецкой? и по что страшиться злополучїй отдаленныхъ и не извѣстныхъ, когда можно отъ себя отвратить ближайшїе и настоящїе?

Возможно ли! Тоскану, отдали брату Императорскому; Пармезанскую область, сыну Короля Гишпанскаго; а у

Папы отняли Беневанъ и Авиньонъ; однакожъ никто на то не возроптапъ; а страшатся отнять Европейскіе владѣнія у непримиримаго врага всей Европы! не смѣютъ ли Венеціане отобрать къ себѣ паки Кандію; устрашатся ли возратить Родосъ его Ковалерамъ, и воспрепещутъ ли изгнать изъ Греціи Турка!

Въ будущее время потомки наши не возмогутъ понять: какъ имѣя столь способный случай мы имъ не воспользовались. И ежели бы тотъ славный Піастъ *Іоаннъ Собіевски*, тотъ побѣдитель Турковъ, возвратился опять въ здѣшній свѣтъ, то чтобы онъ сказалъ, увидя своихъ соотечественниковъ соединившихся съ Турками противъ его преемника!

Глупые крестовые походы, продолжались въ прежнее время болѣе ста

лѣтъ; а нынѣ мудрое соединеніе двухъ или трехъ Государей кажется не возможнымъ! тогда многіе милліоны людей, шли охотно на погибель въ Сирію и въ Египетъ, а нынѣ трепещутъ и страшатся допустить взять Константинополь, когда и салъ Египетъ простягаетъ къ намъ руки! и сіе нещастное нерадѣніе называется у насъ политикою! истинная политика кажется должна быть та, чтобы изгнать наискорѣе общаго всѣхъ непріятеля. Ежели въ предбудущее время потщится онъ васъ вооружить одного противъ друга, то безъ сумнѣнія вы не пропустите случая между собою перерѣзаться.

II.

Извѣстіе о спорѣ произшедщемъ въ Китаѣ.

Въ первыя лѣта царствованія великаго Китайскаго Императора *Камъхи*, одинъ Мандаринъ живущій въ городѣ Кантонѣ, услышалъ нѣкогда изъ дома своего великой шумъ происходящій въ сосѣднемъ домѣ; онъ послалъ провѣдать, не убили ли тамъ кого до смерти; но ему сказали, что то милостинной надзиратель Датской компаніи, священникъ изъ Батавіи и Езуитъ, между собою спорили. Онъ приказалъ позвать ихъ къ себѣ, потчивалъ ихъ чаемъ и конфектами, и наконецъ спрашивалъ у нихъ, о чемъ они съ такою жестокостію спорили?

Езуитъ отвѣтствовалъ ему, что для него крайне было досадно, будучи съ своей стороны всегда справедливымъ,

имѣть дѣло съ такими людьми, которые во мнѣніяхъ своихъ совсѣмъ неправы; что съ начала доказывалъ онъ имъ справедливость съ великою воздержностію, но наконецъ потерялъ всю терпѣливость.

Мандаринъ давалъ имъ чувствовати со всевозможною скромностію и снисхожденіемъ, сколь вѣжливость и учтивость нужны во время спора; говорилъ имъ, что въ Китаѣ никогда такимъ образомъ не горячатся и вопрощалъ ихъ, о какой матеріи происходилъ споръ ихъ? Езуитъ ему отвѣтствовалъ: милостивый государь! будьте вы нашимъ судіею; сіи два монаха не хотятъ покориться положенію Трентскаго собора. (*)

(*) Трентской былъ всеобщій XX, или только XVII соборъ назначенный съ начала въ Мантуѣ, по томъ въ Византіи, а наконецъ начатъ въ Трентѣ 16 Декабря 1543 года, и окончанъ въ 1563 году противъ за-

Сїе меня удивляетъ, говорилъ Мандаринъ, и по томъ оборотясь къ симъ двумъ ослушникамъ, имъ сказалъ: мнѣ кажется, государи мои, что вы должны бы были имѣть почтенїе къ рѣшенїямъ положеннымъ въ великомъ собранїи. Хотя я и не знаю, какой-то былъ Трентской соборъ; однакожъ думаю, что многїе люди всегда быть могутъ болѣе свѣдущи нежели одинъ. Никакой человѣкъ на свѣтѣ не долженъ о себѣ думать, чтобъ онъ зналъ болѣе другихъ, и что въ одной только его головѣ поселенъ здравый разсудокъ; такимъ точно образомъ поучаетъ нашъ великїй философъ *Конфуцїи*, и такъ если вы хотите мнѣ повѣрить, то я вамъ отъ искреннѣйшаго сердца совѣтую во всемъ

блужденїй *Лютера Зинглера* и *Калвина*, и для исправленїя Христїянскаго ученїя и нравовъ; во Францїи же принятъ оный соборъ за истинный догматъ вѣры.

согласиться съ положенiемъ Трентскаго собора.

Тогда священникъ Датской сказалъ: вы мисостивый государь говорите весьма премудро; мы такъ какъ должно почитаемъ всѣ великiя собранiя, и во всемъ держимся мнѣнiя многихъ другихъ собововъ бывшихъ прежде еще Трентскаго.

О! Когда такъ, сказалъ Мандаринъ, то прошу меня простить, я вижу ясно, что вы очень справедливы, по етому вы оба съ симъ Голландцемъ держитесь одинакаго мнѣнiя, а противитесь только сему бѣдному Езуиту?

Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ Голландецъ; сей человѣкъ имѣетъ почти столь же нелѣпыя мнѣнiя, какъ и оный Езуитъ, хотя здѣсь предъ вами и показываетъ онъ себя тихимъ человѣкомъ; нѣтъ никакого способа воздержаться отъ досады.

Я васъ не понимаю, говорилъ Мандаринъ; не всѣ ли вы трое Христїяне? не всѣ ли вы приѣхали въ здѣшнее государство для проповѣдыванїя Христїянскаго закона? слѣдственно не должны ли вы быть всѣ одинакаго мнѣнїя въ разсужденїи правилъ Христїянской вѣры?

Вы видите, милостивый государь, говорилъ Езуитъ, что сїи два человѣка суть злѣйшїе мои враги; ибо они оба совокупно противъ меня спорятъ; изъ чего видно ясно, что они оба виновны, а я только одинъ во всемъ справедливъ. Сїе не столь еще ясно, говорилъ Мандаринъ, легко можетъ статься, что вы всѣ трое несправедливы; желалъ бы я охотно выслушать ваши мнѣнїя одного послѣ другаго.

Езуитъ говорилъ тогда весьма продолжительную рѣчь, во время которой Датчанинъ и Голландецъ пожимали пле-

чами; а Мандаринъ не выразумѣлъ ни одного слова. Потомъ Датчанинъ говорилъ въ свою очередь его два сопротивника съ сожалѣнїемъ на него смотрѣли, и Мандаринъ не болѣе и изъ его рѣчи понялъ. Голландецъ послѣ того имѣлъ ту же самую участь. Наконецъ говорили они всѣ трое, и насказали другъ другу множество гнусныхъ браней и ругательствъ Честной Мандаринъ съ великимъ трудомъ могъ прекратить ихъ крикъ и наконецъ имъ сказалъ: ежелили вы хотите, чтобы здѣсь терпѣли ваши законныя поученїя, то старайтеся сами наблюдать терпимость и не будьте столь сварливы и ненавистны.

Вышедъ изъ дома Мандаринова, Езуитъ встрѣтился съ Миссїонеромъ Якобиномъ, которому возвѣщалъ, что онъ въ присудствїи Мандарина оспорилъ своихъ непрїятелей, уверяя при томъ, что справедливость всегда восторже-

ствуетъ; на что Якобинъ ему сказалъ: если бы я тамъ былъ, то бы ты въ спорѣ твоемъ не одержалъ побѣды, ибо я бы тебя уличилъ во лжи и безбожіи. Тотчасъ послѣ сего ссора между ими возгорѣлась, и наконецъ Якобинъ съ Езуитомъ вцепились другъ другу въ волосы. Мандаринъ будучи увѣдомленъ о семъ ихъ дерзновеніи, приказалъ обоихъ ихъ посадить въ тюрму. Нижній Мандаринъ спрашивалъ у сего судьи: сколько времени ваше превосходительство прикажете содержать ихъ въ заключеніи? доколѣ они во мнѣніяхъ своихъ согласятся, отвѣтствовалъ судья. Ахъ! сказалъ нижній Мандаринъ, по етому они во всю жизнь свою освобождены не будутъ. Такъ держи ихъ до тѣхъ поръ, сказалъ судья, покуда они примирятся. Я ихъ довольно знаю, говорилъ нижній Мандаринъ, они во вѣки не примирятся. Ну,

такъ выпусти ихъ тогда, сказалъ вышній Мандаринъ, когда они покажутъ хотя наружный видъ примиренія.

III.

Полезно ли содержать простой народъ въ суевѣріи.

Такова-то есть слабость и непостоянство рода человѣческаго, что безъ сомнѣнія гораздо лучше для него быть преданнымъ всѣмъ возможнымъ суевѣріямъ, лишь только бы не были оныя смертоносны, нежели жить безъ всякаго закона. Человѣку всегда нужно было нѣкоторое убузданіе, и хотя смѣшно было приносить жертвы *Фавнамъ*, *Сильвенамъ* и *Найядамъ*; однакожъ гораздо было разумнѣе и полезнѣе боготворить сіи вымышленныя изображенія божества, нежели предаваться безбожію; ибо безбожникъ умствующій, жестокій и имѣющій сильную власть и могущество, былъ бы столько же опасенъ, какъ и кровожаждущій суевѣръ.

Когда люди не имѣютъ здраваго понятія о божествѣ, тогда и ложныя

изображенія объ ономъ могутъ занимать то мѣсто; подобно, какъ иногда въ нещастныя времена производятъ торгъ дурными монетами, ежели имѣютъ недостатокъ въ добрыхъ. Язычникъ страшится учинить злодѣяніе, опасаясь отъ ложныхъ боговъ себѣ наказанія; а Малабарецъ боится своего идола. Во всѣхъ странахъ, гдѣ учреждено сообщество, законъ весьма нуженъ; ибо гражданскія права бдятъ надъ явными преступленіями, а законъ божественный надъ сокровенными.

Но естьли люди когда нибудь достигнутъ уже до того, что воспріимутъ священный и чистѣйшій законъ, тогда уже суевѣріе бываетъ не токмо полезно, но и весьма вредно и опасно; ибо не надлежатъ кормить желудями тѣхъ, коимъ Богъ ниспосылаетъ хорошую хлѣбную пищу.

Суевѣріе для закона, есть то же самое, что астрологія для астрономіи; то есть, весьма глупая дочь разумнѣйшей матери, однакожъ оба они долгое время надъ всею землею владычествовали.

Когда у насъ въ прежніе непросвѣщенные вѣки едва было ли два знатныхъ вельможъ, обладающихъ великими помѣстьями, которые имѣли бы у себя Новый Завѣтъ, то тогда могло быть простительно предлагать нелѣпыя простонародныя басни, какъ самимъ симъ вельможамъ, такъ ихъ слабоумнымъ женамъ и глупымъ ихъ подданнымъ. Ихъ забавляли сказками о колдунахъ и о бѣснующихъ; они легко вѣрили, что *с. Жену* исцѣлялъ отъ подагры, а *с. Клеръ* отъ глазной болѣзни. Малые ребята вѣрили оборотнямъ, а старики веревкѣ *с. Франциска*.

Таковыя гнусныя суевѣрїя, и послѣ того нѣсколько еще времени между простымъ народомъ продолжались, даже до тѣхъ времянъ, какъ наконецъ законъ отъ оныхъ совсѣмъ былъ очищенъ.

Тѣ, коихъ называли *Янсенистами* не мало способствовали къ нечувствительному истребленїю изъ головы цѣлаго народа, большей части таковыхъ ложныхъ мнѣнїй, обезчещивающихъ законъ Христїянскїй.

Послѣ того времяни, простой народъ перестаръ уже вѣрить, что святая *Женевїева* ниспосылала, или удерживала дождь; но что самъ Богъ управляетъ всѣми стихїями. Монахи весьма удивлялись, что ихъ святые не творили больше никакихъ чудесъ; и ежели бы описатели житїя святаго *Францискa Ксавїера* явились паки на семъ свѣтѣ, то не осмѣлились бы написать,

яко бы оный святой воскресилъ девять усопшихъ, что онъ находился въ одно время и на землѣ и на морѣ, и что морской ракъ принесъ къ нему изъ моря уроненныя имъ чотки.

То же самое происходило и съ проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. Наши историки пишутъ, что въ то время, когда Король *Робертъ* былъ отлученъ отъ церкви Папою *Григоріемъ* V за то, что совокупился бракомъ съ Принцессою *Верфою* своею кумою, служители придворные побросали въ окна поставленныя предъ Короля кушанія, а Королева *Верфа* въ наказаніе за сей кровосмѣшенный бракъ родила гуся. Въ нынѣшнія времяна совсѣмъ уже не вѣрятъ, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ гофмейстеръ отлученнаго отъ церкви Короля Французскаго, могъ выбросить въ окно королевское кушанье, и чтобъ Королева могла произвести на свѣтъ гусенка.

Ежели случаются быть въ какомъ городѣ одержимые судорожными припадками, то сїю болѣзнь наипаче почитаютъ, какъ глупою и сумазбродною, которой одни только подлые люди бываютъ подвержены. Каждый день разсудокъ прїумножается во Францїи, какъ въ купеческихъ лавкахъ, такъ и въ домахъ господскихъ. И такъ надлежитъ сохранять плоды сего разсудка, тѣмъ паче, что не возможно возпрепятствовать произращенїю оныхъ. Послѣ того какъ Францїя получила свое просвѣщенїе отъ *Паскалевъ*, *Николевъ*, *Арнольдовъ*, *Боссюетовъ*, *Картезїевъ*, *Гассендїевъ*, *Белевъ*, *фонтенлловъ* и проч. не такъ уже должно оною управлять, какъ во время *Гарассовъ* и *Менотовъ*.

Ежели бы тѣ ложные мудрецы преисполненные великимъ заблужденїемъ, кои чрезъ толь долгое время были отъ

всѣхъ высокопочитаемы, и получали великiя награжденiя за то, что развращали родъ человѣческой, повелѣвали нынѣ вѣрить: что хлѣбное зерно должно прежде согнить, и по томъ начать свое растѣнiе; что земля стоитъ неподвижно на своихъ основанiяхъ; что она не обращается около солнца; что приливъ и отливъ морской не есть естественное дѣйствiе привлекательной силы; что радуга бываетъ не отъ преломленiя и отбрасыванiя лучей и проч. и если бы оныя мнѣнiя, дабы лучше во оныхъ удостовѣрить, утверждали они нѣкоторыми темными и мало вразумительными мѣстами изъ Священнаго Писанiя; то за какихъ бы сiи мудрецы почтены были отъ всѣхъ людей просвѣщенныхъ? не за глупыхъ ли и несмысленныхъ скотовъ? а ежели бы еще для утвержденiя сего наглаго своего

невѣжества употребили они насилïе и мучительное гоненïе, то непочли ли бы ихъ за лютыхъ и свирѣпыхъ звѣрей?

Чѣмъ болѣе суевѣрïя монаховъ презираемы, тѣмъ большее начинаютъ имѣть почтенïе къ Епископамъ и уважать священниковъ; ибо оные дѣлаютъ только дѣла добродѣтельныя, а монашескïя суевѣрïя множество зла причиняли. Но изъ всѣхъ суевѣрïй не опаснѣйшее ли есть то, которое *побуждаетъ* ненавидѣть своего ближняго, единственно за противныя его мнѣнïя? и не лучше ли бы было боготворить ложныя божества, нежели мучить и притѣснять своего брата?

IV.

Произшествіе случившееся въ Индіи.

Пифагоръ во время пребыванія своего въ Индіи, какъ всѣмъ то извѣстно, обучался въ училище Гимнозофистовъ языку скотовъ и травъ; прохаживаясь нѣкогда по лугу близъ берегу морскаго, услышалъ онъ произносимыя слѣдующія слова: Увы! какъ я нещастна, что родилась травою; едва только выросту я вышиною въ два дюйма, какъ лютое чудовище, страшное животное топчетъ меня широкими своими лапами, срываетъ меня острыми зубами, и безъ всякаго милосердія пожираетъ. Люди называютъ сего чудовища овцою. Я не думаю, чтобъ нашлося въ свѣтѣ свирепѣе сего животнаго.

Пифагоръ прошедъ еще нѣсколько шаговъ, увидѣлъ отверстую устерцу на камнѣ лежащую; тогда не слѣдо-

валЪ онЪ еще тому человѣколюбивому правилу, которое запрещаетЪ пожирать животныхЪ себѣ подобныхЪ. ОнЪ хотѣлЪ сїю устерцу проглотить, но она произнесла сїи жалобныя слова: О природа! колико трава, будучи также какЪ и я твоимЪ произведенїемЪ, благополучна? когда ее срываютЪ или срѣзываютЪ, то на мѣсто ее выростаетЪ другая; и такЪ она безсмертна, а мы! мы бѣдныя устерцы! тщетно покрыты крѣпкою раковиною; жестокїе поѣдаютЪ насЪ при завтрикѣ цѣлыми дюжинами, и мы тогда совсѣмЪ погибаемЪ. Сколь ужасна участь нещастныхЪ устерцЪ, и колико люди противЪ насЪ немилосерды!

ПифагорЪ услыша сїе возтрепеталЪ и почувствовалЪ чрезмѣрность преступленїя, которое намѣрялся онЪ содѣлать. ОнЪ просилЪ прощенїя у устерцы, и па-

ки положилъ ее съ великою осторожностїю на тотъ же камень.

Поелику углублялся онъ мыслями о семъ чудномъ случившемся съ нимъ произшествїй, то при возвращенїи своемъ въ городъ, увидѣлъ пауковъ поѣдающихъ мухъ, ласточекъ поглощающихъ пауковъ, ястребовъ пожирающихъ ласточекъ, и взирая на сїе самъ себѣ говорилъ: конечно сїи животные не обучались философїи.

Между тѣмъ входя въ самой городъ, Пифагоръ былъ толкаемъ, ударяемъ, и наконецъ поверженъ на землю многими бѣгущими людьми, которые кричали: очень хорошо, очень хорошо, они того достойны. Кто? кто? вопрошалъ Пифагоръ, возставъ отъ своего паденїя; но люди повергшїе его, невзирая на него и неслушая его словъ, непрестанно бѣжали и кричали: ахъ! какъ мы будемъ радоваться, когда увидимъ ихъ изжаренныхъ.

Пифагоръ думалъ, что они говорили о чечевицѣ, или о другомъ какомъ произрастѣніи; однакожъ наконецъ увидѣлъ, что то говорено было о двухъ нещастныхъ Индѣйцахъ. Ахъ! безъ сомнѣнія, сказалъ Пифагоръ, оные Индѣйцы суть великіе философы, скучившіе своею жизнію, и желающіе съ радостію скорѣе превратиться въ другой видъ. Правда, всегда утѣшно перемѣнить свой домъ, хотя чрезъ то и не лучше пріобрѣтетъ спокойство; не надлежитъ препятствовать человѣческимъ желаніямъ.

Онъ шествовалъ купно съ народомъ до самой площади, гдѣ увидѣлъ великую кучу зазженныхъ дровъ, напротивъ которыхъ поставлены были скамейки, на коихъ сидѣли судіи, изъ которыхъ каждый держалъ въ рукахъ коровей хвостъ, а на головѣ имѣлъ шапку здѣланную наподобіе ушей, того животнаго, на ко-

торомъ Силена приѣзжала нѣкогда въ сїю землю съ Бахусомъ.

Между сими судїями былъ одинъ честной человѣкъ коротко знакомой Пифагору. Сей мудрецъ Индѣйской изъяснилъ мудрецу Самосскому, что такое хотѣли они дѣлать для торжествованїя праздника народовъ Индусскихъ.

Сїи два Индѣйца, говорилъ онъ, не имѣютъ ни малой охоты быть сожженными; а мои почтенные сотоварищи на сїе ихъ усудили; одного за то, что почиталъ *Ксаку* не равнымъ съ *Брамою*, а другаго за то, что увѣрялъ, будто бы можно угоднымъ быть вышнему Существу и безъ того, чтобъ держаться за хвостъ коровей, а одними добрыми дѣлами; для того, какъ говорилъ онъ, что не всегда и не вездѣ можно найти корову. Наши набожныя городскїя женщины въ толикой приведены были ужасъ отъ

сихъ двухъ соблазнительныхъ прегложеній, что не отступно просили судей, чтобъ осудили они на сію казнь оныхъ двухъ нещастныхъ.

И такъ Пифагоръ изъ сего познал, что отъ травы даже до человѣка, все подвержено неизбѣжному нещастію; однакожъ убѣдилъ своими доказательствами и заставилъ почувствовать несправедливость предразсудка, какъ сихъ судей, такъ и набожныхъ женщинъ.

Послѣ сего отправился онъ для проповѣданія о терпимости въ Кротонъ; но одинъ нетерпимецъ зажегъ его домъ, и онъ спасши двухъ Индѣйцевъ отъ созженія, самъ сгорѣлъ въ стѣнахъ своего дома. *Всякому надлежитъ мыслить о собственномъ своемъ спасеній.*

V.

О всеобщей терпимости.

Не требуется ни великаго искусства, ниже отменнаго краснорѣчїя, дабы доказать, что Христїянѣ должны другъ друга терпѣть; сверьхъ же того я еще скажу: что всѣхъ людей вообще надлежитъ почитать нашими братьями. Возможно ли! скажутъ мнѣ, чтобъ почитать братомъ своимъ Турка, Китайца, Жида, Сїамца. Конечно такъ, повторяю я; ибо, не всѣ ли мы дѣти единаго отца и созданїя единаго Бога.

Но сїи народы насъ презираютъ и почитаютъ идолопоклонниками! такъ чтожъ! я бы имъ сказалъ, что они въ семъ случаѣ поступаютъ несправедливо. Мнѣ кажется, что я бы покрайней мѣрѣ весьма удивилъ надмѣнное упорство *Имана* или *Талапонца*, ежели бы гово-

рилъ имъ такимъ образомъ. Сей малый шаръ, есть не что иное какъ самомалѣйшая точка, обращающаяся въ неизмѣримомъ пространствѣ такъ, какъ и другїе въ безчисленные мїры; мы сами теряемся въ сей неизмѣримости, ибо человѣкъ будучи вышиною неболѣе пяти футовъ, дѣйствительно есть самая малость въ сравненїи съ прочими творенїями. И такъ ежели бы нѣкто изъ сихъ малѣйшихъ тварей, сказалъ нѣкогда своимъ сосѣдямъ живущимъ въ Аравїи, или въ Кафферїи: „Будьте мнѣ „послушны, друзья мои, понеже Богъ „Творецъ всѣхъ мїровъ просвѣтилъ „меня лучемъ своея премудрости; хотя „и находится на землѣ девять сотъ „милїоновъ таковыхъ малыхъ червяч„ковъ каковъ я, однакожъ моя только „малая кучка земли любима Богомъ, про„чїя же всѣ отъ самой вѣчности имъ „ненавидимы; она только одна всегда

„пребудетъ блаженною, а другія всѣ
„во вѣки будутъ нещастны.„

При сихъ словахъ, ежели бы остановя меня спросили: какой безумецъ навралъ сію нелѣпость? то я принужденъ бы былъ отвѣчать: вы сами сіе говорите, и раздраживъ ихъ сими словами, я старался бы ихъ всячески успокоить; однакожъ то было бы весьма трудно.

Теперь я буду говорить Христіянамъ, и осмѣлюсь сказать, *на примѣръ*: Доминиканцу Инквизитору за вѣру: „Любезный братъ! ты знаешъ, что въ „Италіи каждая провинція имѣетъ особливый свой языкъ, и что въ Венеціи „и въ Бергамѣ не такъ говорятъ, какъ „во Флоренціи. Академія города *Куско* со„ставила правильный языкъ, и ея сло„варь можетъ служить примѣромъ въ „правилахъ; грамматика же *Буонъ Ма-*

„*тея* есть истинный путеводитель, ко-
„ему всѣ послѣдовать должны: но ду-
„маешъ ли ты, чтобъ начальникъ оной
„Академіи, или въ его отсудствіе самъ
„Буонъ *Матей*, могли безъ угрызенія
„совѣсти повелѣть рѣзать языки всѣмъ
„Венеціянскимъ и Бергамскимъ жителямъ,
„кои стояли бы упорно въ прежнихъ сво-
„ихъ простыхъ нарѣчіяхъ?

Инквизиторъ на оное бы мнѣ отвѣт-
ствовалъ: „Между симъ великое есть
„различіе; ибо здѣсь касается до спа-
„сенія души твоей; и сіе дѣлается для
„собственнаго твоего блаженства, что
„судъ святой Инквизиціи повелѣваетъ,
„чтобъ задержали тебя по доносу на
„тебя нѣкоего человѣка, хотя бы онъ
„былъ самый безчестный, и хотя бы не
„показалъ въ судѣ никакого точнаго въ
„доносѣ своемъ на тебя свидѣтельства;
„чтобъ непозволено было тебѣ имѣть
„стряпчаго, защищающаго твою невин-

,,ность; чтобЪ имя доносителя твоего ,,совсѣмЪ было отЪ тебя скрыто; чтобЪ ,,ИнквизиторЪ обѣщая тебѣ прощенїе, ,,осудилЪ бы тебя по томЪ кЪ наказа-,,нїю; чтобЪ онЪ употреблялЪ надЪ то-,,бою многїя различныя мучительныя пыт-,,ки, и чтобЪ послѣ того ты былЪ, или ,,сѣченЪ, или сосланЪ на галеры, или бы ,,сожженЪ сЪ церемонїею; все сїе служи-,,ло бы кЪ твоему блаженству. А по-,,елику отецЪ *ИвонетЪ*, докторЪ *Шу-,,калонЪ*, *ЗанхинусЪ*, *Камлежїй*, *Рой-,,асЪ*, *ТелинусЪ*, *ГомарусЪ*, *ДїабарусЪ* ,,*и ЖемелинусЪ* учавствовали вЪ семЪ ,,узаконенїи, то сей благочестивый по-,,рядокЪ никакого не можетЪ терпѣть ,,противорѣчїя.

,,Я осмѣлюсь напротивЪ сего ему ,,отвѣтствовать; ахЪ! любезный братЪ, ,,можетЪ быть ты говоришЪ и справед-,,ливо, и я весьма увѣренЪ вЪ томЪ со-

„вершенномъ блаженствѣ, которое ты
„мнѣ обѣщеваешъ; однакожъ не могу ли
„я равнымъ образомъ спастись и безъ
„онаго.„

То правда, что таковыя мерзости не каждый день поверьхность земли оскверняютъ; но въ прежнія времена весьма часто оныя случались; легко бы можно было написать объ нихъ превеликую книгу. Не только что весьма безчеловѣчно мучить въ сей краткой жизни тѣхъ, кои не одинаково съ нами мыслятъ; но я еще не знаю, не великая ли есть дерзость, осуждать ихъ и въ будущемъ вѣкѣ на вѣчную муку? Мнѣ кажется, что нималаго не имѣютъ права таковыя какъ мы самомалѣйшія пылинки, предъузнавать такимъ образомъ судьбы нашего Создателя. Я не намѣренъ опровергать здѣсь сію статью изъ Священнаго Писанія: *внѣ церкви несть спа-*

сенія; понеже я чту Божїю церковь и всѣ ея уставы; но если сказать по истиннѣ: познаемъ ли мы всѣ пути Господни и всю чрезмѣрность Его милосердія? не позволено ли человѣку уповать на него столько же, сколько его страшиться? не довольно ли того, чтобъ пребывать вѣрнымъ сыномъ его церквѣ и подлежитъ ли, чтобъ каждый честный человѣкъ присвоялъ себѣ неправильно Божественныя права, и судилъ бы самъ собою о вѣчной участи всѣхъ человѣковъ.

Когда мы носимъ трауръ по Королѣ Шведскомъ, или Дацкомъ, или Аглинскомъ, или Прусскомъ, то говоримъ ли мы, что мы носимъ сей трауръ по невѣрномъ, который вѣчно будетъ мучиться во адѣ? есть можетъ быть въ Европѣ болѣе сорока миліоновъ жителей, которые не пріобщены къ Римской церквѣ; то долженъ ли кто говорить каждому

изъ нихъ: „Государь мой! послику ты „неминуемо осужденъ на вѣчную муку, „то я не хочу съ тобою ни ѣсть, ни „дѣлать дружескихъ обязательствъ, ни„же имѣть какихъ разговоровъ.„

Посланникъ Французскаго двора, будучи представленъ на аудіенцію къ Турецкому Султану, скажетъ ли самъ себѣ во внутренности своего сердца: „Его Сул„танское Величество будетъ неминуе„мо въ вѣчной мукѣ за то, что слѣду„етъ закону обрѣзанія? ежели бы онъ вѣрилъ дѣйствительно, что великій Султанъ есть смертный врагъ Богу и предмѣтъ его мщенія, то могъ ли бы онъ съ нимъ говорить, и должно ли бы было ему быть у него посланникомъ? съ кѣмъ бы тогда можно было имѣть сообщество, и какую бы должность гражданской жизни можно было исполнять, если бы въ самомъ дѣлѣ были увѣрены сихъ мысляхъ,

что имѣютъ обхожденіе съ людьми отчужденными Божія благодати.

О вы исповѣдующіе разные законы, но вѣрующіе въ единаго милосердаго Бога! ежели вы нѣкогда имѣли звѣрское сердце; если покланяяся тому, котораго законъ состоитъ въ сихъ словахъ: *люби Бога и твоего ближняго*, обременяли вы сей святый и чистѣйшій законъ ложными ученіями и неудобопонятными спорами; ежели вы возжигали вражду, иногда за одно только нововымышленное слово, а иногда за одну азбучную букву, и если осуждали на вѣчную муку за пропущеніе только нѣкоторыхъ словъ и за неисполненіе нѣкіихъ обрядовъ, кои другимъ народамъ совсѣмъ не могли быть извѣстны; то вотъ что скажу я вамъ съ пролитіемъ слезъ о крайнемъ нещастіи человѣческаго рода: „Пренеситель мысленно купно со мною

,,къ тому дни, въ который всѣ люди ,,предстанутъ предъ страшный судъ, ,,когда Богъ каждому воздастъ по дѣ- ,,ламъ его.

,,Тамо зрю я всѣхъ умершихъ, какъ ,,прошедшихъ вѣковъ, такъ и нынѣшня- ,,го, предстоящихъ предъ лицемъ Гос- ,,поднимъ. Скажите мнѣ, не уже ли вы ,,точно увѣрены, что нашъ Создатель, ,,и нашъ милосердый Отецъ скажетъ: ,,мудрому и добродѣтельному *Конфуцію*, ,,законодателю *Соломону*, *Пифагору*, ,,*Залевку*, *Сократу*, *Платону*, божест- ,,веннымъ *Антонинамъ*, добродушному ,,*Траяну*, *Титу* утѣшителю человѣче- ,,скаго рода, *Еликтету* и многимъ дру- ,,гимъ служившимъ примѣромъ въ добро- ,,дѣтеляхъ: *Идите гнусныя чудовища*, ,,*идите вкуситъ безчисленныя, жесто-* ,,*чайшія и вѣчныя муки! а Іоанну Ша-* ,,*талю, Равальяку, Доміенсу, Карту-*

,,шу и проч. умершим̃ слѣдуя пред-
,,писанным̃ уставам̃: сядьте одес-
,,ную меня и воспріимите часть въ не-
,,бесном̃ моем̃ царствѣ и въ вѣчном̃
,,блаженствѣ.

При сих̃ словах̃ вы содрагаете от̃ ужаса; но послѣ оных̃, я ничего уже больше сказать вам̃ не намѣрен̃.

VI.

Молитва къ Богу.

Се уже не къ человѣкамъ я днесь прибѣгаю; но къ Тебѣ Боже! Творецъ всѣхъ тварей, всѣхъ мiровъ и всѣхъ временъ; буде позволено слабѣйшимъ созданiямъ, теряющимся въ неизмѣримомъ пространствѣ, и едва примѣтнымъ во вселенной, дерзать чего-либо у Тебя просить; у Тебя, который намъ все подалъ, и коего судьбы суть вѣчны и непремѣнны. Благоволи воззрѣть съ благосердiемъ на заблужденiя присоединенныя къ нашей природѣ; да не причинятъ намъ оныя великихъ напастей! Ты не для того вложилъ въ насъ сердца, дабы мы ненавидѣли другъ друга, и не на то даровалъ намъ руки, чтобы мы другъ друга умерщвляли. Учини, дабы мы единъ другому помогали взаимно сносить тягостное бремя сей трудной и маловре-

менной жизни; да не будутъ тѣ малыя различїя: какъ между одеждами прикрывающими немощные тѣлеса наши, такъ и между всѣми нашими недостаточными нарѣчїями; между всѣми смѣтными нашими обычаями: между всѣми нашими несовершенными законами; между всѣми безумными нашими мнѣнїями и между всѣми нашими чинами и достоинствами, столь несоразмѣрными въ очахъ нашихъ, но весьма равными предъ Тобою; да не будутъ всѣ сїи малѣйшїя мечты, различающїя между собою оныхъ пылинокъ, коихъ именуютъ *человѣками*, являть знаковъ побуждающихъ ихъ къ ненависти и злобнымъ гоненїямъ. Учинили, дабы тѣ, кои во время приношенїя тебѣ жертвы возжигаютъ, днемъ предъ Тобою свещи, терпѣли тѣхъ, кои довольствуются единымъ токмо свѣтомъ исходящимъ отъ Твого солнца! чтобъ тѣ, кои прыкрываютъ свою одежду бѣ-

лымъ полотномъ въ то время, когда поучаютъ Тебя любить, не питали ненависти къ тѣмъ, кои при дѣланіи таковыхъ же поученій, бываютъ прикрыты черною епанчею. Да будетъ равно простирать къ Тебѣ теплыя молитвы на древнемъ ли языкѣ, или на новомъ. Благоволи, чтобъ тѣ, кои украшаютъ себя червленою и фіалетовою одеждою, которые владычествуютъ надъ маленькою частичькою людей обитающихъ на небольшей грязной кучькѣ, и кои обладаютъ нѣсколькими кругленькими дощечками сдѣланными изъ нѣкоего металла наслаждалися безъ гордости и высокомѣрія тѣмъ, что называютъ они *богатствомъ и высокомочіемъ*, и да взираютъ на нихъ другіе безъ зависти; ибо ты вѣдаешъ Господи! что въ сихъ суетныхъ мечтахъ, нѣтъ ничего такого, чему завидовать и чемъ гордиться.

Да возмогутъ всѣ люди помнить, что они суть братія! да мерзятъ они безчеловѣчнымъ мучительствомъ исполняемымъ надъ человѣческими душами, равно какъ чувствуютъ омерзѣніе къ гнусному грабительству, которое силою похищаетъ плоды трудовъ спокойнаго рукодѣлія! естьли бѣдствія войны суть неизбѣжны, то по крайней мѣрѣ не будемъ мы другъ друга ненавидѣть и терзать посреди тишины и покоя; употребимъ кратчайшую минуту нашея жизни на единодушное прославленіе на многихъ различныхъ языкахъ, отъ самаго Сіама даже до Калифорніи, Твоея благости и Твоего милосердія, которыя намъ для жизни минуту сію даровали.

VII.

О сектахъ.

Секты и *заблужденія* суть однозначущими, *на прим.* Ты Перипатетикъ, а я Платоникъ: однакожъ оба мы несправедливы; ибо ты опровергаешъ Платоновы мнѣнія только по тому, что его пустыя мечтанія возмутили твой разумъ, а я удаляюсь отъ мнѣнія *Аристотелева* только по тому, что онъ кажется мнѣ такимъ человѣкомъ, который самъ не зналъ что говорилъ. Ежели бы оба они доказали самую истинну, то не могло бы быть никакой *Секты*. Держаться мнѣнія одного человѣка, въ противность мнѣнію другаго, есть равно, какъ бы держать одну которую нибудь сторону, въ междоусобномъ прѣніи въ Математикѣ и въ Експериментальной Физикѣ. Не можетъ быть никакой *Секты*; ибо человѣкъ изслѣды-

вающїй равенство Конуса и Сферы, не можетъ о себѣ сказать, что онъ держится Секты *Архимедовой*; равнымъ образомъ и тотъ, который усматриваетъ ясно, что *Квадратура* длинной стороны прямаго треугольника, равняется съ *квадратомъ* двухъ другихъ сторонъ, не есть Секты *Пифагоровой*.

Естьли ты и говоришь: что кровь обращается въ жилахъ; что воздухъ имѣетъ въ себѣ тягость; и что солнечные лучи имѣютъ въ себѣ семь преломленїи; однакожъ ты не можешь себя назвать ни *Гарвеевой*, ни *Торрисселевой*, ни *Невтоновой* Секты: ибо въ семъ случаѣ ты соглашаешься только съ тѣми истинами, которыя сими людьми были доказаны; въ чемъ и цѣлой свѣтъ будетъ всегда одинакаго съ тобою мнѣнїя.

Вотъ свойство совершенной истины, которая служитъ равно во всякое

время и для всѣхъ людей. Для точнаго ея познанія, потребно только нѣкоторое доказательство, послѣ котораго ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ спорить противъ ея не можетъ; продолжительной же споръ не что иное значитъ, какъ, что обѣ *стороны несправедливы.*

ПИСЬМА АМАБЕДА

ПИСЬМО I.

От Амабеда к Шастазиду, великому Браме: (1) в Мадуре.

Из Бенареи: втораго числа месяца мыши, лета от возобновления міра 115652 (2).

Свет моей души! отец моих мыслей! ты который наставляешь человеков на пути Превечнаго! тебе премудрый Шастазид! изъявляю почтеніе мое и нежную любовь.

---

(1) Брама есть законник и первосвященник у Индейцов.

(2) Сіе число, следуя нашему простонародному счисленію, согласуется с 1512 годом: два года спустя после того, как Алфонс Албукерк взял вооруженною рукою Гою. Надлежит знать, что Индейцы считают 111000 лет от возмущения и паденія небесных сил и 4552 года от изданія *Шасты* их первой священной книги; что сложа вместе, составит 115652 года: по нашему же счисле-

Слѣдуя твоимъ мудрымъ совѣтамъ, я столь уже много успѣлъ въ познаній Китайскаго языка, что читаю съ великою пользою ихъ пять Кингсовъ, кои, какъ кажется мнѣ, равняются древностію съ нашею *Шастою*, (3) которой ты истолкователь; съ прави-

нію оное происходило точно въ 1512 году, въ то время когда царствовали: Бабаръ въ Моголѣ; Измаилъ Софій въ Персіи; Селимъ въ Турецій; Максимиліянъ I. въ Германій Лудовикъ XII, во Франціи, Юлій II. въ Римѣ; Іоганна слабая въ Гишпаніи; и Еммануилъ въ Португаліи.

(3) *Шаста* есть книга, заключающая въ себѣ четыре книги божественнаго ученія: въ ней изображается ученіе Брамы, законодателя Индейцовъ. Простота и чистота сихъ ученій были послѣ того измѣнены многими толкованіями Браминовъ, кои ученіе Брамово обезображивали многими баснями и непонятными Аллегоріями, такъ что оная книга здѣлалася наконецъ совсѣмъ непостижимою для простыхъ Индѣйцовъ. Чрезъ сіе самое Брамины, или духовные ихъ мужи приобрѣли себѣ довѣренность и почтеніе отъ простаго народа; ибо во всякомъ случаѣ надлежало прибѣгать къ нимъ, для изъясненія истиннаго понятія того, что Брама написалъ въ сей книгѣ.

лами перьваго мудреца *Зороастра* и сЪ книгами Египтянина *Фаута*.

Представляется моей душѣ, которая всегда предЪ тобою обнаженна, что сїи писанїя и жертвоприношенїя, ничего одно отЪ другаго не заемлютЪ: ибо намЪ только единымЪ Брама, любимецЪ Превѣчнаго, возвѣстилЪ о возмущенїй небесныхЪ силЪ, о прощенїй, которое даровалЪ имЪ Превѣчный, и о сотворенїи человѣка; другїе же народы, какЪ кажется, ничего о сихЪ высочайшихЪ произшествїяхЪ не говорили.

СверьхЪ того думаю я, что ни мы ни Китайцы, ничего не заемлемЪ отЪ ЕгиптянЪ; ибо они не прежде, какЪ уже долгое время спустя послѣ насЪ, могли сдѣлаться народомЪ вЪ наукахЪ просвѣщеннымЪ: надлежало имЪ укрощать рѣку свою НилЪ прежде, нежели учинилися они способными удобрять поля и созидать свои грады.

Признаюсь, что хотя наша божественная *Шаста* имѣетъ свое происхожденіе не древнѣе четырехъ тысячь пяти сотъ пятидесяти двухъ лѣтъ; однакожъ чрезъ многія наши достопамятности доказано, что сія наука, по преданію отъ родителей къ дѣтямъ, была доставляема болѣе, нежели за сто вѣковъ прежде обнародованія сей божественной книги: о семъ ожидаю я отеческаго твоего наставленія.

Со взятія Португальцами Гои, пріѣхало нѣсколько Европейскихъ учителей въ Бенарею, изъ коихъ одного обучаю я Индѣйскому языку: за что въ награжденіе обучаетъ и онъ меня нѣкоему лепетанію, которое въ великомъ употребленіи въ Европѣ, и называется языкомъ Италіянскимъ. Какой это забавной языкъ! всѣ въ немъ почти слова кончатся на а, на е, на і, и на о. Я уже понимаю

его безъ всякой трудности и вскорѣ надѣюсь имѣть удовольствіе читать Европейскія книги.

Сей учитель называется отецъ *фатуто*; онъ показался мнѣ человѣкомъ довольно учтивымъ и ласковымъ: я представилъ его *Прелести очей*, прекрасной моей *Адатеѣ*, которую мои и твои родители въ супругу мнѣ назначили: она вмѣстѣ со мною учится по Италіянски, и мы съ самаго перваго дня нашего ученія выговаривали на семъ языкѣ оба вмѣстѣ: *я люблю*; а потомъ еще два дни употребили на изученіе другихъ любовныхъ словъ. По ней ты, перьвой изъ смертныхъ, занимаешь ближайшее мѣсто въ моемъ сердцѣ; я молю Бирму и Браму, дабы сохранили они дни твои до ста тридцатилѣтней старости; ибо по прошествіи сихъ лѣтъ жизнь бываетъ уже несноснымъ бремянемъ.

Отвѣтъ отъ Шастазида.

Я получилъ твое письмо, *Разумъ, рожденный отъ моего разума*! да будетъ всегда простирать на тебя *Друга* (4), сѣдящая на своемъ драконѣ свои десять рукъ, побѣждающихъ гнусные пороки.

Хотя то правда, (однакожъ мы не должны ни мало тѣмъ превозноситься), что мы древнѣе всѣхъ народовъ на землѣ получили наше просвѣщенїе, о чемъ и сами Китайцы не будутъ спорить; ибо Египтяне есть народъ совсѣмъ новой, которой многому научался отъ Халдѣянъ; однакожъ не будемъ никогда тщеславиться древнимъ нашимъ про-

(4) *Другга*: слово Индѣйское, означающее *добродѣтель*. У Индѣйцовъ изображается она съ десятью руками, сѣдящая на драконѣ и стремящаяся къ побѣжденїю пороковъ, какъ то *неумѣренности, невоздержанїя, воровства, смертоубивства, клеветы, ругательства, злословїя, праздности, неповиновенїя родителямъ и неблагодарности*. Сїе-то самое изображенїе многїе Миссїонеры почитали изображенїемъ дїавола.

исхожденïемъ, а будемъ лучше помышлять о томъ, чтобъ быть намъ справедливѣйшими.

Будь извѣстенъ, любезный мой Амабедъ! что съ самаго недавняго времяни слабый лучь откровенïя о паденïй силъ небесныхъ и о возобновленïй мïра проникъ до западныхъ народовъ. Я читалъ одинъ Арабской переводъ изъ книги Ассирïйской, которая сочинена не болѣе тысячи четырехъ сотъ лѣтъ, гдѣ написаны точныя сïи слова: *Превѣчный содержитъ связанныхъ вѣчными узами до дни страшнаго своего суда, тѣхъ небесныхъ силъ, кои осквернили первое свое достоинство.* (5) Сочинитель

(5) По видимому *Шастазидъ* читалъ когда нибудь нашу библïю на Арабскомъ языкѣ, и въ ней видѣлъ написанныя въ Посланïи Іудиномъ слѣдующïе слова: ст: 6. *Ангелы же несоблюдшыя своего начальства, но оставльшыя свое жилище, на судъ великаго дне, узами вѣчными подъ мракомъ соблюде.* Оный Апостолъ Іуда въ томъ

онаго приводитъ въ доказательство нѣкую книгу, сочиненную однимъ изъ первыхъ ихъ мудрецовъ, имянуемымъ Енохомъ. Изъ сего ты видишь, что варварскіе народы всегда не иначе были просвѣщаемы, какъ только слабѣйшимъ и обманчивымъ лучемъ, простирающимся до нихъ изъ нѣдръ нашего свѣта.

Ахъ! дражайшій мой сынъ, я весьма страшусь пришествія сихъ Европейскихъ варваровъ въ наши щастливые предѣлы. Мнѣ довольно извѣстно, кто таковъ сей Албукеркъ, пришедшій отъ западныхъ береговъ въ нашу страну, покровительствуемую дневымъ свѣти-

---

же своемъ посланіи въ ст: 14 и 15, говоритъ о Пророчествѣ Енохономъ сими словами: *Пророчествова же и о сихъ седьмый отъ Адама Енохъ глаголя: се пріидетъ Господь во тьмахъ святыхъ Ангелъ своихъ, сотворити судъ о всѣхъ, и изобличити всѣхъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, ими же нечествоваша, и о всѣхъ жестокихъ словесѣхъ ихъ, яже глаголаша нанъ грѣшницы нечестивіи.*

ломъ: онъ есть славнѣйшій разбойникъ, опустошающій землю; онъ овладѣлъ Гоею въ противность всеобщему праву, и пролилъ великими ручьями кровь людей тихихъ и справедливыхъ. Сіи западные народы населяютъ страну совсѣмъ бѣдную, которая не доставляетъ имъ ничего, кромѣ весьма малаго количества шелку, хлобчатой бумаги и сахару, пряныхъ же зелій никакихъ совсѣмъ у нихъ не родится: даже и самой той глины, изъ которой дѣлаемъ мы фарфоръ, они у себя не имѣютъ. Богъ также не далъ имъ кокосоваго дерева, которое осеняетъ, одѣваетъ, питаетъ и напояетъ чадъ Брамовыхъ; имъ извѣстенъ только одинъ напитокъ, лишающій ихъ разума; истинное ихъ божество есть злато, и они стремятся для исканія сего Идола на самой край свѣта.

Я вѣрю, что учитель твой человѣкъ доброй; но Превѣчный позволяетъ намъ не довѣряться симъ иностранцамъ; ибо хотя они и кажутся намъ агнцами въ Бенареѣ; но онижъ какъ сказываютъ, бываютъ совершенными тиграми въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ Европейцы обитаютъ.

Дай Богъ, чтобъ ни твоя прекрасная *Адатея*, ни ты, не имѣли никогда причины приносить жалобу на сего отца *Фатутто* *Прости*: да вкуситъ вскорѣ *Адатея*, соединясь съ тобою священнымъ бракомъ, во объятіяхъ твоихъ, небесныя удовольствія.

Сіе письмо достигнетъ до тебя чрезъ одного Баніана, которой поѣдетъ не *прежде*, какъ при полной лунѣ *слона*.

ПИСЬМО II.

От *Амабеда* к *Шастазиду*.

Отец моих мыслей! я имел уже время выучиться сему Европейскому лепетанью, прежде нежели твой Баніанской купец мог приехать на берег реки Ганги. Отец *фатуто* оказывает мне всегда искреннейшее дружество: по истинне я начинаю уже верить, что он ни мало не подобен тем вероломцам, коих злобы справедливо ты страшишься. Одно только то может меня побудить иметь к нему некую недоверчивость, что он меня чрезвычайно хвалит: а *Прелести очей* никогда достойной похвалы не делает; однакож при всем том, кажется он мне человеком преисполненным добродетели и благочестія. Мы читали вместе с ним одну его земли книгу, которая показалась мне весьма чудною; она на-

зывается *Всеобщая Исторія:* то есть, описаніе цѣлаго свѣта, однакожъ въ ней ни одного слова не упомянуто о нашей древней Имперіи; также ничего не сказано о пространныхъ предѣлахъ по ту сторону рѣки Ганги, ни о Китаѣ, ни же о обширной Татаріи. Надобно думать, что Европейскіе авторы очень незнающи; я ихъ сравниваю съ деревенскими жителями, которые съ восхищеніемъ говорятъ о своихъ бѣдныхъ хижинахъ: а совсѣмъ не знаютъ, въ которой сторонѣ находится столичной городъ; или съ тѣми, которые мыслятъ, что конецъ свѣта простирается не далѣе, доколѣ достигаетъ ихъ зрѣніе.

Болѣе же всего удивило меня то, что они дѣлаютъ изчисленіе времянъ отъ сотворенія ихъ міра совсѣмъ отличнымъ отъ насъ образомъ. Мой Европейскій учитель показывалъ мнѣ одинъ свой свя-

щенный лѣтописецъ, по которому соотечественники его щитаютъ нынѣ отъ созданія міра 5552, или 6244, или 6940 лѣтъ, (6) какъ кому угодно. Сія разность чрезвычайно меня удивила, и я спрашивалъ у него: какъ возможно быть тремъ различнымъ лѣтосчисленіямъ отъ одного произшествія? Ты не можешь, говорилъ я ему, имѣть вдругъ тридцать, сорокъ, и пятдесятъ лѣтъ: какимъ же образомъ созданіе твоего міра можетъ имѣть столь различныя лѣтосчисленія? Иное отвѣтствовалъ онъ мнѣ что сіи три счисленія находятся у нихъ въ одной книгѣ и что они бываютъ принужденными вѣрить таковымъ противорѣчіямъ, для укрощенія человѣческаго высокоумія.

---

(6) Сіе различіе находится отъ разныхъ переводовъ Библіи Еврейскаго Самаритянскаго и Седмидесяти толковниковъ. *Примѣчаніе сочинителево.*

Въ сей книгѣ говорится о перьвомъ человѣкѣ, называющемся *Адамомъ*; о *Каинѣ*, о *Мафусаелѣ*, о *Ноѣ* насадившемъ виноградъ, послѣ уже того, какъ весь земной шаръ потопленъ былъ Океяновыми водами, и о многихъ другихъ такихъ вещахъ, о коихъ никогда я не слыхивалъ и не читывалъ ни въ одной нашей книгѣ (7). Мы оба съ прекрасною *Адатѣею* сему смѣялись въ отсудствіе От: *фатуто*; ибо будучи хорошо воспитаны и довольно наставлены твоими правилами, мы почитаемъ великою неблагопристойностію насмѣхаться надъ людьми въ ихъ присудствіи.

Я весьма сожалѣю о сихъ нещастныхъ Европейскихъ жителяхъ, которые сотворены не болѣе 6940 лѣтъ; между тѣмъ какъ наше времясчисленіе отъ со-

(7) Въ Индѣйской законной книгѣ, называемой Шастою, о созданіи міра написано много нелѣпыхъ баснословій.

зданія міра простирается до 115632 лѣтъ: а еще болѣе сожалѣю, что земля ихъ не произращаетъ ни перцу, ни карицы, ни чаю, ни кофію, ни шелку, ни хлобчатой бумаги, ни лаку, ни ладану, ни же другихъ благовонныхъ зелій: и они ничего того у себя не имѣютъ, что можетъ учинить человѣческую жизнь пріятною; надобно думать, что Высочайшее Провидѣніе на долго оставило ихъ въ забвеніи; паче же всего жалки они тѣмъ, что пріѣзжаютъ изъ такой отдаленности, съ претерпѣніемъ толикихъ опасностей, единственно для похищенія отъ насъ сихъ нашихъ произрастѣній вооруженною рукою. Сказываютъ, что въ Каликутѣ учинили они ужаснѣйшія безчеловѣчія за перецъ. Сіе приводитъ въ содраганіе всю Индѣйскую природу, которая во всемъ отъ ихъ отлична; ибо Европейцы имѣютъ грудь и ноги косматыя, длинныя бо-

роды, и питаются мясомъ, выжатымъ изъ виноградныхъ ягодъ. Самъ отц: *Фатуто*, сколь ни кажется учтивымъ и благосклоннымъ, удушилъ при насъ двухъ маленькихъ цыплятъ, которыхъ приказавъ въ котлѣ сварить ѣлъ безъ всякой жалости. Таковое звѣрство привело его въ великую ненависть у всѣхъ Индѣйцовъ, коихъ съ трудомъ могли мы успокоить; Боже меня прости! я думаю, что сей иностранецъ поѣлъ бы всѣхъ нашихъ священныхъ коровъ, (8) которыя даютъ намъ молоко, ежели бы его до того допустили; однакожъ онъ намъ обѣщался не дѣлать впредь смертнаго

---

(8) Коровы въ великомъ почтенiи у Индѣйцовъ; почтенiе ко онымъ предписывается у нихъ первѣйшею должностiю между знатными; да и самъ ихъ Царь новопожалованнымъ вельможамъ обыкновенно говоритъ: любите коровъ и браминовъ. Изъ почтенiя къ коровамъ они вѣрятъ, что все проходящее чрезъ тѣло сего животнаго имѣетъ силу очищенiя и цѣленiя.

убiйства цыплятамъ: а довольствоваться только свѣжими яицами, молошнымъ кушаньемъ, сорочинскимъ пшеномъ, превосходными нашими овощами, пистацiями, финиками, кокосами, миндальными и сахарными конфектами, ананасами, апельсинами, померанцами, и всѣмъ тѣмъ что произращаетъ наша страна благословенная Превѣчнымъ.

От: *Фатуто* съ нѣсколькихъ дней оказываетъ болѣе ласки къ *Прелести очей*; онъ даже сочинилъ для ее два Италiянскихъ стиха, кончащiеся на о. Сiя учтивость мнѣ очень понравилась; ибо тебѣ извѣстно, что все мое блаженство состоитъ въ томъ, чтобъ отдавали достойную похвалу моей дражайшей *Адатѣ*.

Прости; я повергаюсь ко стопамъ твоимъ, кои всегда наставляютъ тебя на путь правый, и цѣлую твои руки,

которые не писали никогда и ничего кромѣ справедливости.

ПИСЬМО III.

Отъ Амабеда къ Шастазиду.

Да будетъ на вѣки благословенъ Бирма, сотворившій мужа для жены! буди блаженъ и ты дражайшій Шастазидъ! пріемляй толикое участіе въ моемъ благополучіи. *Прелесть очей* здѣлалась уже моею супругою! я соединился съ нею брачными узами, и мнѣ кажется, что я не дотрогиваюсь ногами до земли, а обитаю въ небѣ. Тебя только одного не доставало при семъ божественномъ торжествованіи. Учитель нашъ *Фатуто* былъ свидѣтелемъ при сихъ нашихъ священныхъ обязательствахъ: и хотя онъ не нашего закона, однакожъ не сказывалъ ни малаго

сопротивленія, слушая наши пѣсни и молитвы, и былЪ очень веселЪ во время праздновaнія нашего брака. Хотя я восхищаюсь моимЪ благополучіемЪ; но ты наслаждаешься другимЪ превосходнѣйшимЪ блаженствомЪ; ибо ты обладаешЪ премудростію, а несравненная *Адатея* обладаетЪ мною. Живи многія лѣта благополучнымЪ и неподверженнымЪ никакимЪ страстямЪ, между тѣмЪ какЪ я предаюся роскоши и любострастію. Я не могу тебѣ ничего сказать болѣе; лечу вЪ объятія кЪ *Адатеѣ*.

ПИСЬМО IV.

ОтЪ Амабеда кЪ Шастазиду.

Любезный другЪ! дражайшій отецЪ! я сЪ нѣжною *Адатѣею* отправляюся вЪ путь, для испрошенія у тебя твоего благословенія. Наше блаженство было бы не совершенно, ежели бы мы не

исполнили сей должности сердецъ нашихъ; но повѣришь ли ты, что мы поѣдемъ чрезъ *Гою* въ сопровожденіи *Курзома* славнаго купца и жены его. *Фатуто* говоритъ, что *Гоя* зделалася наипрекраснѣйшимъ городомъ въ *Индіи*; что тамъ великій *Албукеркъ* пріиметъ насъ такъ, какъ посланниковъ и дастъ намъ корабль съ тремя парусами, для отвезенія насъ въ Мадурѣю; онъ совершенно въ томъ увѣрилъ жену мою, почему и я тотчасъ на путешествіе сіе согласился, какъ скоро она того пожелала. *Фатуто* также увѣряетъ насъ, что въ *Гоѣ* говорятъ болѣе по Италіянски, нежели по Португальски, и для того *Прелесть очей* нетерпѣливо желаетъ видѣть употребленіе того языка, которому она обучалась: а я пріемлю участіе во всѣхъ ея жаланіяхъ. Сказываютъ, что есть гдѣ-то такіе люди, кои имѣютъ двѣ воли; но что принадлежитъ

до насъ, что мы оба съ *Адатѣею* имѣемъ одно желанїе, по тому что оба составляемъ одну душу. Наконецъ завтрешнїй день отправляемся мы въ нашъ путь, съ прїятною надеждою, прежде двухъ мѣсяцовъ излїять въ твоихъ объятїяхъ радостныя и нѣжнѣйшїя наши слезы.

ПИСЬМО I.

Отъ Адатеи къ Шастазиду.

Изъ Гои пятаго числа мѣсяца Тигра, лѣта отъ возобновленїя мїра 115652.

Бирма! внемли вопль мой! воззри на мои слезы! спаси дражайшаго моего супруга. *Брама*! (9) сынъ *Бирмовъ*! отне-

---

(9) Многїе писатели Браму и Бирму почитали за одного, у Индѣйцевъ же оба сїи Существа почитаются весьма различными. Браму почитаютъ они однимъ изъ числа Ангеловъ, созданныхъ Существомъ Всевышнимъ: а

си скорбь мою и страхъ ко отцу твоему. Великодушный *Шастазидъ* ! ты будучи премудрѣе насъ предузналъ наше злощастіе. Дражайшій мой *Амабедъ*, твой ученикъ, а мой нѣжный супругъ болѣе уже писать къ тебѣ не будетъ; онъ поверженъ въ яму, которую Европейскіе варвары темницею называютъ. Нѣкоторые люди, коихъ описать я не въ силахъ, и которыхъ называютъ здѣсь Инквизиторами. (я не знаю, что сіе названіе значитъ) Сіи чудовища, на другой день нашего сюда пріѣзда, захвативъ моего мужа и меня, повергли каждаго въ особливую яму, такъ какъ бы мы были уже мертвые; но ежели бы мы и померли, то и тогда надлежало бы, по крайней мѣрѣ, погребсти насъ обѣихъ

Вирма почитается у нихъ начальнымъ надъ сими Ангелами. Однакожъ совсѣмъ тѣмъ Брама есть первымъ предмѣтомъ богопочитанія Индѣйцевъ.

вмѣстѣ. Не знаю, что сдѣлали они съ любезнымъ моимъ *Амабедомъ*; я спрашивала у сихъ человѣкоядцевъ: куда сокрыли они *Амабеда*? не убивайте его, говорила я имъ, убейте лучше меня; но они ничего мнѣ на оное не отвѣчали? Гдѣ онъ? продолжала я, почто вы меня съ нимъ разлучили? но они при всемъ ономъ хранили глубокое молчанiе, и меня самое оковали цѣпями. Не болѣе часа, какъ получила я нѣсколько свободы; купецъ *Курзомъ* нашелъ способъ доставить мнѣ бумагу, кисть и чернила: и я принявъ отъ него сiи вещи, омочаю ихъ моими слезами; руки мои трепещутъ, глаза помрачаются, я умираю.

ПИСЬМО II.

Отъ Адатей къ тастазиду, писанное изъ темницы Инквизицiи.

Божественный *Шастазидъ*! я бывъ вчерась долгое время въ обморокѣ, не могла окончить моего письма; я сложила его тогда, когда пришла не много въ чувство, и положила къ грудямъ моимъ, кои никогда уже не будутъ питать молокомъ дѣтей, которыхъ надѣялася я имѣть отъ *Амабеда*; ибо я умру прежде, нежели *Бирма* благоволитъ учинить меня пледоносною.

Въ сiе утро на самомъ разсвѣтѣ вошли въ мою яму два чудовища, вооруженные длинными топорами, (алебардами) имѣющiе на шеѣ низанныя перла, а на груди четыре небольшихъ красныхъ бантовъ, связанныхъ крестъ на крестъ. Они взявъ меня за руки, не говоря ни слова

повели въ комнату, въ которой никакого не было украшенія, кромѣ одного большаго стола, пяти стульевъ и нѣсколькихъ картинъ.

Въ тотъ же самый часъ, вошли туда пять человѣкъ, одѣтыхъ въ черное длинное платье, по сверьхъ котораго накинута бѣлая рубашка: а сверьхъ оной висѣли два лоскута изъ пестрой матеріи. Увидя ихъ, отъ страха упала я на полъ; но сколь велико было мое удивленіе, какъ между сими пятью страшилищами увидѣла я и отца *Фатуто*; при взглядѣ моемъ на него онъ закраснѣлся, и взиралъ на меня съ видомъ жалости и соболѣзнованія, что на ту минуту поселило во мнѣ нѣкоторую надежду. Ахъ отецъ *фатуто*! возопила я къ нему, куда меня привели? что сдѣлалося съ *Амбедомъ*? въ какую бѣздну я повержена? Сказываютъ, что есть на свѣтѣ люди, питающіеся человѣческою

кровїю; то не хотятъ ли уже и насъ здѣсь умертвить? не растерзаютъ ли насъ? но онъ на свѣтѣ мои вопросы ничего мнѣ не отвѣчая, поднималъ только глаза свои и руки къ небу, съ видомъ столь болѣзненнымъ и нѣжнымъ, что я не знала уже больше на что подумать.

Начальствующїй надъ симъ нѣмымъ совѣтомъ, разверзлъ наконецъ свои уста, и произнесъ ко мнѣ слѣдующїе слова: правда ли то, что вы были крещены? Я столь была объята удивленїемъ и скорьбїю, что съ начала ничего не могла ему на сїе отвѣтствовать. Онъ повторилъ мнѣ тотъ же самый вопросъ, грознымъ и жестокимъ голосомъ, такъ что отъ страха вся кровь моя застыла, и языкъ мой не могъ поворотиться. Потомъ подтвердилъ онъ еще въ третїй разъ тѣ же слова, и я наконецъ ему сказала: *да.* (ибо никогда лгать не дол-

жно). Я знаю, что я была погружена въ водахъ рѣки Ганги такъ, какъ и всѣ вѣрные чада *Брамовы*: равнымъ образомъ какъ и ты божественный *Шастазидъ*, и мой дражайшїй и нещастный *Амабедъ* въ оныхъ погружены были. Конечно я была погружена; въ чемъ полагаю мое утѣшенїе и славу, и для того признала́ся торжественно предъ сими страшилищами.

Едва сїе слово: *да*, подтвержденїе справедливости, излетѣло изъ устъ моихъ, какъ одинъ изъ сихъ пяти бѣлыхъ и черныхъ чудовищъ вскричалъ: *Апостата*; другїе за нимъ повторяли то же *Апостата*! Сїе слово произносили они такимъ унылымъ и страшнымъ голосомъ, что при воображенїи онаго отъ ужаса пальцы мои при писанїи къ тебѣ сего письма окостенѣли.

Въ то время и отецъ *фатуто* говорить началъ, и непрестанно взирая не меня съ пріятностію увѣрялъ ихъ, что во внутренности моей имѣю я весьма хорошія чувства; что онъ за меня отвѣчать будетъ; что благодать Божія надо мною восторжествуетъ; что онъ пріемлетъ на себя испытать мою совѣсть; и окончилъ рѣчь свою такими словами, которыя на Италіянскомъ языкѣ значатъ, сколько я понять могла: *Я ее обращу, или возвращу.*

Какимъ образомъ, мыслила я сама въ себѣ, онъ меня возвратитъ? что разумѣетъ онъ подъ симъ возвращеніемъ? не значитъ ли ето, что онъ меня возвратитъ въ мое отечество? Ахъ! отецъ *фатуто*, говорила я ему, возврати также и *Амабеда*, моего нѣжнаго супруга: возврати мнѣ мою душу, возврати мнѣ мою жизнь.

Тогда онъ, опустивъ въ изъ глаза, говорилъ нѣчто въ одномъ углу той комнаты тихо съ четырьмя страшилищами; послѣ чего всѣ они отъ меня вышли, оставя со мною одного отца *фатуто*.

Онъ проводилъ меня въ изрядно прибранную комнату, и обнадѣжявалъ, что ежели захочу я положиться на его совѣты, то не буду уже больше заключена въ яму. Я равно съ тобою, говорилъ онъ мнѣ, при семъ нещастномъ приключенiи былъ въ великомъ отчаянiи. Я, сколько могъ, въ ономъ сопротивлялся: но руки мои были связаны нашими священными законами; однакожъ наконецъ, слава Богу! моимъ старанiемъ ты освобождена изъ темницы и переведена въ сiю комнату, изъ которой чрезъ нѣсколько времени никуда еще выттти не можешь; я не рѣдко здѣсь буду имѣть съ тобою свиданi; во всемъ ста-

ну тебя утѣшать, и постараюсь о твоемъ какъ настоящемъ, такъ и будущемъ блаженствѣ.

Ахъ! отвѣтствовала я ему, никто кромѣ *дражайшаго* моего *Амабеда* не можетъ составить моего блаженства: но онъ лежитъ поверженный въ ямѣ: за что же онъ тамъ погребенъ? за что и я была туда вержена? кто таковы тѣ страшилища, которыя меня вопрошали: была ли я крещена? куда вы меня привели? не обманулъ ли ты меня? не ты ли былъ причиною сихъ жестокихъ безчеловѣчїй? Велите ко мнѣ привести купца *Курзома*, которой изъ одной со мною земли, и человѣкъ добродѣтельной. Возвратите мнѣ мою подругу, мою любезную *Деру*, съ которою вы меня разлучили. Не заключена ли и она также въ темницу за то, что была крещена? Пусть она сюда ко мнѣ придетъ;

позвольте мнѣ паки увидѣться съ *Амабедомъ*, или предайте меня смерти.

На всѣ мои слова и стенанія; коими оныя были прерываемы, отвѣчалъ онъ увѣреніями, во оказаніи мнѣ своихъ услугъ и усердія, чѣмъ я чувствительно была тронута. Онъ обѣщался увѣдомить меня о причинахъ его ужаснаго произшествія и испросить, чтобъ возвратили мнѣ нещастную *Деру*, увѣряя, что между тѣмъ не оставитъ онъ стараться и о свобожденіи моего супруга. Повидимому онъ обо мнѣ сожалѣлъ, и глаза его омочены были слезами Наконецъ при удареній колокола изъ комнаты моей онъ вышелъ, и при выходѣ взявъ руку мою, приложилъ къ своему сердцу. Тебѣ извѣстно, что оное почитается у насъ явнымъ знакомъ той искренности и чистосердечія, которыя во внутренности человѣческой отъ насъ сокрыты;

и такЪ я довольно уверена, что ежели онЪ клалЪ мою руку на свое сердце, конечно меня не обманетЪ. Увы! да для чего же ему меня обмануть? что я ему зделала, чтобЪ такЪ жестоко меня мучить? Мы оба сЪ мужемЪ вЪ Бенаресѣ обходилися сЪ нимЪ сЪ великою ласкою. Сколько дарила я ему подарковЪ, когда обучалЪ *онЪ* меня Италїянскому языку! онЪ сочинилЪ для меня Италїянскїе стихи; почему я и надѣюсь, что онЪ ненавидѣть меня не можетЪ; я буду почитать его моимЪ благотворителемЪ, ежели возвратитЪ онЪ мнѣ нещастнаго моего супруга, ежели мы оба сЪ нимЪ можемЪ выѣхать изЪ сей страны, наполненной жестокими людоѣдами, и ежели наконецЪ можемЪ обнять твои колѣна вЪ *Мадурѣ*, и получить твои святыя благословенїя.

ПИСЬМО III.

Отъ Адатеи къ Шастазиду.

Ты безъ сомнѣнія позволишь, великодушный *Шастазидъ*, присылать къ тебѣ описаніе моихъ неслыханныхъ злополучій; ибо ты любишь *Амабеда*, сожалѣешь о слезахъ моихъ и пріемлешь участіе въ сердцѣ, со всѣхъ сторонъ произенномъ, которое открываетъ тебѣ всѣ свои неутѣшимыя скорби.

Мнѣ возвратили мою возлюбленную *Деру*, и я теперь вмѣстѣ съ нею проливаю слезы. Она такъ какъ и я отъ жестокихъ чудовищъ посажена была въ яму; но мы не имѣемъ никакого извѣстія о *Амабедѣ*, хотя и въ одномъ живемъ съ нимъ домѣ; ибо между нами положена непроницаемая преграда. Но вотъ что приведетъ въ содроганіе твою добродѣтель, и отягчитъ праведную твою душу.

Моя нещастная *Дера* узнала отъ одного изъ тѣхъ двухъ меченосцевъ, предшествующихъ всегда предъ пятью людоѣдами, что сей народъ имѣетъ погруженіе въ воду подобно нашему; (я не знаю, какимъ образомъ наши священные обряды могли до нихъ достигнуть?) И такъ сіи варвары подумали, будто бы и мы были погружены по ихъ закону, и будто мы отъ онаго отступили; вотъ что значило слово *Апостата* (т. е. отступники), которое оные людоѣды при мнѣ съ толикою свирѣпостію произносили. Они почитаютъ за ужаснѣйшее преступленіе, достойное наимучительнѣйшихъ казней, быть другаго кромѣ ихъ закона; и что отецъ *фатуто* имъ говорилъ, *я ее обращу*; то сіе значило, что онъ меня обратитъ въ законъ сихъ разбойниковъ. Я ничего изъ сего не понимаю; мой разумъ купно съ моими очами закрытъ мрачною завѣсою.

Можетъ быть отъ моего отчаянія помрачается мое понятіе; но я не могу постигнуть, какимъ образомъ оный *фатуто*, зная меня столь коротко, могъ сказать, что онъ меня обратитъ въ такой законъ, котораго я никогда не знала, и которой въ нашихъ предѣлахъ былъ столько же не извѣстенъ, какъ и сами Португальцы, пришедшіе въ первый разъ въ Индію, для снисканія перцу вооруженною рукою. Мы обѣ съ *Дерою* ни во что проникнуть не можемъ: она подозрѣваетъ отца *фатуто* въ нѣкоторыхъ потаенныхъ намѣреніяхъ; но избавь меня, *Бирма*, отъ столь дерзновенныхъ о немъ помышленій!

Я хотѣла писать къ главному ихъ разбойнику *Албукерку*, дабы испросить у него правосудіе, и истребовать освобожденіе дражайшему моему супругу; но мнѣ сказали, что онъ отсюда уѣхалъ,

въ намѣреніи взять и разграбить *Бормію*. Возможноли, пріѣзжать изъ толь отдаленныхъ странъ единственно для того, чтобъ раззорять наши жилища, и насъ предавать смерти! однакожъ при всемъ томъ сказываютъ, что сей *Албукеркъ* учинилъ нѣсколько добрыхъ дѣлъ. И такъ теперь ни на кого не полагаю я надежды, кромѣ единаго Существа всѣхъ существъ, которое должно наказать беззаконіе, и защитить невинность; но какъ сего утра видѣла я во снѣ тигра, терзающаго двухъ агнцевъ, то по сему трепещу отъ страха, думая, что я недовольно сему высочайшему Существу заслугъ оказала, дабы оно на помощь мою преклонилось.

ПИСЬМО IV.

Отъ Адатеи къ Шастазиду.

Сей отецъ *фатуто* выходитъ теперь изъ моей комнаты. Какое свиданіе! коликое смѣшеніе вѣроломства, страстей и злодѣянія! возможно ли, чтобъ сердце человѣческое способно было вмѣщать въ себя толико жестокостей! какъ возмогу я оныя изобразить праведному мужу?

Вошедъ въ мою комнату, онъ трепеталъ, и очи его были въ низъ потуплены; но я еще болѣе его трепетала. Вскорѣ по томъ отправился онъ отъ своего смущенія; я не знаю, сказалъ мнѣ, могу ли я спасти твоего супруга? здѣшніе судьи оказываютъ иногда сожалѣніе къ молодымъ женщинамъ, но противъ мущинъ чрезвычайно они строги.

Какъ! вскричала я, жизнь моего мужа подвержена опасности? и по произнесенiи сихъ словъ, упала въ обморокъ. Онъ искалъ у себя благовонныхъ водъ, дабы привести меня въ чувство, но оныхъ тогда при немъ не было; онъ послалъ мою *Деру* купить тѣхъ водъ на другомъ концѣ улицы у нѣкоего Банiана, и между тѣмъ, какъ *Дера* ходила за водой, разстегнулъ онъ мой корсетъ, дабы дать мнѣ свободное дыханiе. Я удивилася, какъ пришла въ чувство, увидя его руки лежащiя на моей груди, и уста его къ моимъ прилѣпленные; я произнесла ужасный крикъ, и отъ страха прочь отъ него отскочила. Я изъ Христiянской любви, говорилъ онъ мнѣ, имѣлъ о тебѣ всевозможное попеченiе; надлежало непремѣнно освободить тебѣ грудь, и подать вольное дыханiе.

Ахъ! старайся лучше о избавленіи моего мужа, сказала я ему; еще ли онъ въ той же страшной находится ямѣ? Нѣтъ; отвѣчалалъ онъ мнѣ, я съ великимъ трудомъ могъ ходатайствовать, чтобы перевели его въ спокойнѣйшую темницу. Но я еще тебя прошу, продолжала я, скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ его и мое преступленіе? почто нарушаютъ здѣсь противу насъ законы гостепріимства, человѣколюбія и природы! — Нашъ святый законъ, говорилъ онъ, требуетъ отъ насъ сихъ небольшихъ строгостей; ибо вы оба съ мужемъ обвинены въ отступленіи отъ нашего крещенія.

Что ты говоришь? вскричала я? мы никогда не были крещены по вашему закону, а были только погружены въ водахъ рѣки Ганги, во имя *Браммы*: не ты ли увѣрилъ въ семъ гнусномъ

обманѣ тѣхъ страшилищъ, которыя меня объ ономъ вопрошали? къ чему клонится сїе твое намѣренїе?

Онъ всячески опровергалъ сїе мое мнѣнїе; говорилъ мнѣ о добродѣтели, о истиннѣ и о Христїянской должности, и тѣмъ почти истребилъ на то время мое о немъ подозрѣнїе, увѣряя притомъ, что сїи страшилища суть люди самые добродѣтельные; что они суть служители Божїя и душевные судїи, кои повсюду имѣютъ святыхъ соглядатаевъ, особливо при иностранцахъ, приѣзжающихъ въ *Гоу*. Сїи самые соглядатаи, какъ продолжалъ онъ, клялися своимъ собратїямъ, симъ судїямъ душевнымъ, предъ образомъ Божїимъ, что *Амабедъ* и я были крещены по обряду сихъ разбойниковъ Португальскихъ, и что *Амабедъ* есть *Апостата* (Богоотступникъ), и я также *Апостата* (Богоотступница).

О добродѣтельный *Шастазидъ*! все то, что я здѣсь слышу, и что каждую минуту вижу, обьемлетъ меня страхомъ отъ самаго корня волосъ, даже до ногтя мезинца ноги моей, не уже ли, говорила я отцу *фатуто*, и ты изъ числа тѣхъ пяти служителей Божїихъ, изъ числа сихъ судей душевныхъ! Такъ, дражайшая моя *Адатея*, отвѣчалъ онъ, такъ прелесть очей, я изъ числа тѣхъ пяти Доминиканцевъ, коимъ отъ Намѣстника Божїяго во вселенной поручено самовластное правительство надъ человѣческими душами и тѣлесами.

Что такое Доминиканецъ? кто таковъ Намѣстникъ Божїй, спрашивала я? Доминиканецъ есть священникъ, подражатель святаго Доминика изслѣдователя за вѣру, отвѣчалъ онъ; а Намѣстникъ Божїй есть Первосвященникъ, коего Богъ избралъ на то, дабы на землѣ

представлял он Его лице; получал бы десять миллїонов рупїев годоваго доходу, и посылал бы от себя во всю землю Доминиканцев, своих Намѣстников.

Я надѣюсь, великїй *Шастазид*, что ты мнѣ истолкуешь сїю нелѣпицу, сїю непонятную смѣсь гнусности и лицемѣрїя.

Фатуто все сїе говорил с нѣкоторым угрызенїем совѣсти и с таким увѣрительным видом, что в другое время мог бы произвести нѣкое дѣйствїе над моею простою и ничего незнающею душею; иногда возводил он глаза свои к небу, а иногда устремлял их на меня, и казался преисполненным нѣжности и соболѣзнованїя: но сїя нѣжность от ужаса и страха приводила тѣло мое в великое содроганїе; ибо *Амабед* непрестанно как в устах моих, так и в сердцѣ пребывает. Воз.

вратите мнѣ дражайшаго моего *Амабеда*: сіе было началомъ, срединою и концемъ всѣхъ рѣчей моихъ.

Моя *Дера* въ сію минуту возвратилась, и принесла мнѣ воды Синнамумской и Аммомумской. Сія добродѣтельная дѣвка между тѣмъ нашла способъ отдать мои прежнія три письма купцу *Курзому*, которой въ сію ночь отправляется въ путь свой, и чрезъ нѣсколько дней будетъ въ *Мадурѣ*. Великій *Шастазидъ* безъ сомнѣнія будетъ обо мнѣ соболѣзновать, пролїетъ слезы о злой участи моего супруга, подастъ мнѣ свои совѣты, и лучь его премудрости освѣтитъ мракъ моей гробницы.

Отвѣтъ отъ Брамы Шастазида

На три преслѣдующія письма отъ *Атадеи.*

Добродѣтельная и нещастная *Атадея*, супруга моего дражайшаго ученика *Амабеда*! прелесть очей! читая твои письма, проливалъ я источники слезъ. Какой злой духъ врагъ природы выпустилъ изъ мрачной глубины Европы сихъ чудовищъ, коимъ Индія досталася въ добычу! какъ! . . . нѣжная супруга дражайшаго моего питомца! не уже ли ты не примѣчаешь, что отецъ *фатуто* есть гнусный вѣроломецъ, во влекшей тебя въ свои сѣти? не уже ли ты не видишь, что онъ только одинъ, тому причиною, что супругъ твой поверженъ въ яму? да и тебя самое онъ же заключилъ въ темницу, дабы ты послѣ ему была обязана твоимъ изъ оной осво-

божденіемъ. Какихъ награжденій за то будетъ онъ тогда требовать отъ твоей благодарности! я трепещу о тебѣ, добродѣтельная *Адатея*; я увѣдомлю о семъ нарушеніи человѣческаго права всѣхъ священниковъ *Брамы*, всѣхъ Омрасовъ, Раіасовъ и Набабсовъ; даже и самаго Великаго Императора Индѣйскаго, высочайшаго Бабара царя царей, брата солнца и луны, сына Мирзамахамедова, сына Семкорова, сына Абухандова, сына Мирахабова, сына Тимурова; дабы со всѣхъ сторонъ ополчилися они противъ злоухищренія разбойниковъ Европейскихъ. Какое жестокое безаконіе! никогда священники Тимуровы, Женжисхановы, Александровы, Огусхановы, Сезаковы и Бахусовы, приходившіе попремѣнно покорять наши святыя и миролюбивыя области, не позволяли производить таковыхъ гнусныхъ лицемѣрій; а напротивъ того *Александръ* оставлялъ

повсюду достопамятные знаки своего великодушія; Вакхъ дѣлалъ только дѣла добрыя; онъ былъ любимецъ неба; огненный столбъ предшествовалъ его войску во время нощи, а днемъ густое облако его закрывало (*) Онъ перешелъ

(*) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что басни, повѣствующія о Вакхѣ были въ великомъ почтеніи въ Аравіи и въ Греціи, гораздо прежде, нежели оные народы были извѣстны о томъ, имѣли ли Іудеи свою исторію, или нѣтъ. Іосифъ Флавій повѣствуетъ, что они всегда содержали книги свои скрытными отъ своихъ сосѣдей. Бахусъ былъ обожаемъ въ Египтѣ, въ Аравіи и въ Греціи за долгое время предъ тѣмъ, какъ имя Моисеево въ сихъ странахъ здѣлалося извѣстно. Древніе называли Бакха Мизо, или Мозо. Онъ былъ вознесенъ на гору называемую Низа, которая точно есть гора Синайская. Онъ убѣжалъ къ морю Чермному, и собравъ тамъ войско, пошелъ по суху сквозь оное море Онъ остановлялъ солнце и луну. Собака его послѣдовала за нимъ во всѣхъ его путешествіяхъ; названіе *Калевъ* имя одного завоевателя Еврейскаго, значитъ на семъ языкѣ собаку. Ученые много производили о семъ споровъ, и понынѣ еще не согласились, Моисей ли былъ прежде Бахуса, или Бахусъ

по суху сквозь чермное море; повелѣлъ солнцу и лунѣ остановиться, когда въ томъ была ему нужда; и два божественные луча выходили изъ головы его. Смертоносный Ангелъ непрестанно подлѣ его находился; но онъ всегда употреблялъ Ангела радости и веселія. Твой *Албукеркъ* напротивъ того пришелъ съ одними только чернецами, со льстивыми купцами и смертоубійцами. Праведный Курзомъ подтвердилъ мнѣ объ *Ама-*

прежде Моисей? оба они были великіе люди; однако же Моисей ударивъ жезломъ своимъ о камень, испустилъ изъ него только воду; а Бахусъ вмѣсто того ударивъ во землѣ своею лозою, испустилъ изъ оной вино; отъ сего-то самаго при всѣхъ застольныхъ пѣсняхъ прославляется Бахусъ. И такъ справедливѣе можно заключить, что самый оный святый мужъ Моисей, по какому-либо случаю отъ Аравлянъ и Грековъ названъ Бахусомъ; и самое объ немъ истинное повѣствованіе во святой Библіи изображенное, превращено въ басню о Бахусѣ, съ прибавленіемъ къ оной другихъ гнусныхъ вздоровъ и нелѣпостей.

бедовомъ и о твоемъ злополучіи. Могу ли я прежде смерти моей освободить васъ *обоихъ*, или за васъ отмстить? да избавитъ васъ превѣчный Бирма изъ рукъ монаха *фатуто*! мое сердце обливается кровію, воображая ваши жестокія мученія.

N. B Сіе письмо получила *Прелесть очей* долгое время уже спустя послѣ своего нещастія тогда, когда отправилася она изъ города Гои.

ПИСЬМО V.

Отъ Адатеи къ великому Брамѣ Шастазиду.

Какими словами могу я тебѣ изобразить новое мое злополучіе! Позволитъ ли стыдливость вѣщать смѣло о причиненномъ мнѣ посрамленіи? Бирма зрѣлъ исполненіе гнуснаго злодѣянія, и

оставилъ его безъ наказанія. Что со мною воспослѣдуетъ? Яма, въ которой была я погребена, не столько кажется мнѣ ужасною, какъ настоящее мое состояніе.

Отецъ *фатуто* вошелъ сего утра въ мою комнату, весь опрысканъ благовонными водами, и одѣтъ въ самое легкое шелковое платье. Я лежала еще въ постелѣ. Торжествуй, сказалъ онъ мнѣ, повелѣніе о освобожденіи твоего мужа уже подписано. При сихъ словахъ радостное восхищеніе объяло всѣми моими чувствами, и я его называла моимъ защитникомъ и моимъ отцомъ. Онъ наклонившись ко мнѣ, меня обнималъ; сначала подумала я, что то была одна только невинная ласка, и непорочное доказательство его ко мнѣ благодѣяній. Но въ ту же самую минуту сорвалъ онъ съ меня одѣяло, и зbросивъ съ себя вер-

хнее платье, кинулся на меня такъ какъ хищный ястребъ на кроткую горлицу, покрывъ меня тягостїю своего тѣла, отнявъ сильными своими руками все движенїе слабыхъ рукъ моихъ, и остановивъ на устахъ моихъ жалобный гласъ, беззаконными и пламенными своими лобзанїями; какой ужасъ! почто не умерла я въ ту самую минуту?

Дера почти нагая прибѣжала ко мнѣ напомощь: но тогда ничто уже не было въ состоянїи помочь, кромѣ страшнаго грому; однако милосердый Бирма не поразилъ его онымъ, и мерзкїй *фатуто* оросилъ грудь мою беззаконнымъ своимъ злодѣянїемъ. И сама *Другга* своими десятью небесными руками не могла бы удержать сего неукротимаго *Мазазора*. *

---

* Мазазоръ есть одинъ изъ главнѣйшихъ возмутительныхъ Ангеловъ, кои сражалися съ

Моя дражайшая *Дера* тащила его изо всей силы; но вообрази въ мысляхъ своихъ слабую ласточку, которая бы тянула за перья кровожаждущаго ястреба, терзающаго неповинную горлицу: такого точно можетъ быть изображенїе отца *фатуто*, *Деры* и нещастной *Адатеи*.

Дабы отметить за безпокойство, причиненное ему *Дерою*, онъ ухватилъ ее самое одною рукою, поддерживая меня другою, и съ нею поступилъ съ такимъ же безчеловѣчїемъ, какъ и со мною. Послѣ сего пошелъ онъ изъ нашей комнаты съ надмѣннымъ видомъ, подобно гордому повелителю, наказавшему своихъ невольницъ, и при выходѣ намъ

Превѣчнымъ; какъ о семъ повѣствуетъ въ *Автороштастъ*, наидревнѣйшей книгѣ Брахмановъ, и сїе повѣствованїе по видимому изображаетъ начало сраженїя Титановъ и всѣхъ послѣ того вымышленныхъ такого рода басенъ.

сказалъ: знайте, что я обѣихъ васъ всегда буду такимъ образомъ наказывать, когда не будете вы мнѣ повиноваться.

Дера и я съ четверть часа по выходѣ его пребыли неподвижны, не смѣя выговорить ни одного слова, ниже взирать другъ на друга. Наконецъ *Дера* возопила: ахъ! дражайшая моя *Адатея*! какой это человѣкъ? не уже ли всѣ люди сего рода столь безчеловѣчны?

Что принадлежитъ до меня, я ни о чемъ больше не помышляла, какъ о нещастномъ *Амабедѣ*. Мнѣ обѣщали его возвратить; однакожъ и по нынѣ еще не возвращаютъ. Если же бы мнѣ себя умертвить, то надлежало бы его оставить. И такъ, для того только единственно я себя сохранила.

Я цѣлой день питала себя одною только моею тоскою; ибо въ назначен-

ный часъ не приносили намъ никакой пищи *Дера* сему удивлялась, и произносила жалобы; но мнѣ казалось, что постыдно было ѣсть, послѣ случившагося съ нами приключенія; однакоже мы чувствовали великой позывъ на пищу, страдали отъ жестокой скорби, и ослабѣвали отъ голоду.

Наконецъ подъ вечеръ подали намъ пирогъ съ голубями, курицу и двѣ куропатки, съ однимъ небольшимъ хлѣбомъ; къ пущему же оскорбленію поставили предъ насъ бутылку вина безъ воды. Вотъ какую язвительнѣйшую шутку съиграли съ двумя такими, какъ мы женщинами, послѣ претерпѣннаго нами несчастія. Но чтожъ дѣлать? я бросившись на колѣна, возопила: о Бирма! о Вишну! Брама! вы вѣдаете, что душа не осквернятся тѣмъ, что входитъ во уста. Ежели вы даровали мнѣ душу, то от-

пустите ей сїе согрѣшенїе, чрезъ которое подвергается она по нуждѣ нещастїю, не быть превращенною въ земное произрастѣнїе. Я знаю, сколь страшенъ грѣхъ ѣсть курицу; но насъ къ тому принуждаютъ насильно. Да ниспадутъ сїи злодѣянїя на главу гнуснаго отца *фатуто*! да будетъ онъ по смерти своей превращенъ въ молодую нещастную Индїянку, а я превращуся въ Доминиканца! да воздамъ я ему тѣми же самыми жестокостями, каковыя онъ противъ меня употребилъ! и да буду я противъ его еще лютѣе и безчеловѣчнѣе, нежели онъ былъ противъ меня! не соблазнись, добродѣтельный *Шастазидъ*! прости меня въ семъ жестокомъ израженїи. Послѣ сего сѣли мы за столъ. Увы! сколь тягостно вкушать такїя утѣхи, въ которыхъ послѣ упрекать себѣ будешь!

ПРИПИСКА.

Тотчасъ послѣ обѣда написала я письмо къ начальнику Гойскому, котораго здѣсь называютъ Коррежидоромъ. Я просила его объ *Амабедовомъ* и о моемъ освобожденіи, и увѣдомила его о всѣхъ злодѣяніяхъ отца *фатуто*. Дражайшая моя *Дера*, сказала мнѣ, что она доставитъ къ нему мое письмо чрезъ того самаго меченосца изслѣдователей за вѣру, которой приходилъ иногда, для свиданія, съ нею въ прихожую мою комнату, и которой хранитъ къ ней отмѣнное почтеніе. Мы увидимъ, какія изъ сего отважнаго моего поступка произойдутъ слѣдствія.

ПИСЬМО VI.

Отъ Адатеи.

Повѣришь ли ты, мудрый наставникъ человѣковъ! что и въ Гоѣ есть

справедливые люди? таковымъ нашла я *Дона Іеронима* здѣшняго коррежидора, которой былъ тронутъ моимъ и *Амабедовымъ* нещастіемъ; неправосудіе учиненое намъ возмутило его душу, а злодѣяніе *фатутово* безмѣрно его потревожило. Онъ пришелъ самъ съ Юстицкими судьями въ темницу, въ которой мы заключены были. Я узнала, что сію яму называютъ они камерою святаго покаянія; но я думаю, весьма то тебя удивитъ, что ему входъ въ оную запретили. Пять чудовищъ сопровождаемые своими меченосцами, заградили дверь у нашей темницы, и говорили Юстицкимъ судьямъ, что именемъ Божіимъ не дозволяется имъ входить въ оную камеру. Такъ я войду имемемъ королевскимъ, сказалъ коррежидоръ, понеже въ семъ дѣлѣ самъ Король пріемлетъ участіе. Сіе дѣло священное, отвѣчали ему чудовищи. Справедливый *Донъ Іеронимъ*

говорилъ имъ, что онъ по сему дѣлу долженъ здѣлать допросы *Амабеду*, *Адатеѣ*, *Дерѣ*, и отцу *фатуто*. Дѣлать допросы Инквизитору, Доминикацу! возопилъ начальникъ сихъ чудовищъ! вы симъ нарушаете Божественные законы, *Скоммуникао*! *Скоммуникао*! сказываютъ, что сїи слова у нихъ весьма ужасны; и человѣкъ, противъ котораго оные произнесены будутъ, обыкновенно по прошествїи трехъ дней умираетъ.

Обѣ противныя стороны по многимъ спорамъ наконецъ разгорячились; и готовились уже наступать другъ на друга вооруженною рукою, какъ тотчасъ донесли о семъ Гойскому начальнику духовенства, въ томъ же достоинствѣ у сихъ варваровъ почитающемуся, въ каковомъ ты у дѣтей Брамовыхъ: онъ есть главный ихъ законникъ; носитъ одежду фїолетоваго цвѣта, на рукахъ

имѣетъ перчатки такого же цвѣта, а на голову въ торжественные дни надѣваетъ высокую шапку, подобную сахарной головѣ, вверьху на двое раздѣленную. Сей человѣкъ рѣшилъ, что обѣ стороны равно были виновны, и что одному только Намѣстнику Божїю довлѣетъ судить отца *фатуто*: онъ согласился послать его предъ лице его святѣйшества купно съ *Амабедомъ*, со мною и съ моею вѣрною *Дерою*.

Я не знаю, гдѣ живетъ сей Намѣстникъ Божїй? по близости ли отъ великаго Ламы? или въ Персїи? однако же что до того нужды, когда я скоро опять увижу моего *Амабеда*. Съ нимъ вмѣстѣ соглашусь я ѣхать на край свѣта, и на небо, и въ адъ. Въ сїю минуту позабываю я мою яму; всѣ жестокости *фатутовы*; его куропатокъ, которыхъ по необходимости я ѣла; и вино его, которое пила я по слабости.

ПИСЬМО VII.

Отъ Адатеи.

Я паки увидѣла моего нѣжнаго супруга; насъ опять съ нимъ соединили, и я имѣла его въ моихъ объятїяхъ. Онъ очистилъ тотъ порокъ, которымъ осквернилъ меня гнусный *фатуто*; подобно освященной водѣ рѣки Ганги, омывающей всѣ душевныя скверны *; онъ тѣмъ

* Индѣйцы особливое сохраняютъ почтенїе къ рѣкѣ Гангѣ или Гангесу, воды коея почитаютъ они священными и весьма способными ко очищенїю моющихся въ нихъ отъ всѣхъ скверностей, каковымъ они бываютъ причастны. Можетъ быть, что свойство сея воды, которая чрезвычайно чиста, прозрачна и весьма здорова для пьющихъ оную, побудило суевѣрныхъ Индѣйцевъ приписать ей столь спасительную и освящающую силу. Нѣкоторые думаютъ, что между сими народами произошло сїе мнѣнїе отъ того, что рѣка сїя проистекаетъ изъ горы, которая имѣетъ нѣкоторое подобїе коровей головы; ибо корову Индѣйцы почитаютъ за животное почти священное. Но

даровалъ мнѣ новую жизнь; одна только нещастная *Дера* остается оскверненною, но твои молитвы и твои благословенія приведутъ ея невинность въ прежнее свое блистаніе.

Завтрешній день отъѣзжаемъ мы на кораблѣ отправляющемся въ Лиссабонъ; сей городъ есть отечество гордаго *Албукерка*. Такъ-то я думаю обитаетъ тотъ Божій Намѣстникъ, который долженъ судить насъ съ *фатутомъ*. Ежели онъ точно Намѣстникъ Божій, такъ какъ въ томъ всѣ здѣсь увѣряютъ, то я вѣрно надѣюсь, что онъ обвинитъ *фатуто*, и сіе нѣсколько меня утѣшаетъ; однакожъ я гораздо менѣе желаю нака-

---

какъ бы то нибыло, брега сей рѣки по всюду украшены храмами, жертвенниками и идолами; и Индѣйцы въ честь ей вмѣсто жертвы бросаютъ въ нее золото, жемчугъ и дорогіе каменья. Близь живущіе отъ сей рѣки прибѣгаютъ къ оной великими толпами, для омовенія себя и очищенія.

занія сему страшному и гнусному преступнику, нежели благополучія моему нѣжному *Амабеду*.

Вотъ какова участь слабыхъ смертныхъ, кои подобны самолегчайшимъ древеснымъ листамъ, носимымъ вѣтрами! мы съ *Амабедомъ* родились на брегахъ Ганги; но теперь везутъ насъ въ Португалію; насъ рожденныхъ вольными и ни отъ кого независящими будутъ судить въ странѣ совсѣмъ намъ не извѣстной. Увидимъ ли мы когда опять любезное наше отечество, и можемъ ли исполнить то путешествіе, которое желали мы здѣлать, дабы увидѣть твою священную особу?

Какимъ образомъ могу я съ дражайшею моею *Дерою* быть заключенною въ одномъ кораблѣ съ отцомъ *фатутомъ*? сія мысль приводитъ меня въ ужасъ и трепетъ. Я еще щастлива тѣмъ,

что могу имѣть при себѣ моего храбраго супруга, которой защитить меня можетъ; но что будетъ съ *Дерою*, у которой нѣтъ мужа? однакожъ въ семъ случаѣ препоручаемъ мы себя Божїю Провидѣнїю.

Отъ сего времени уже любезной мой *Амабедъ* писать къ тебѣ будетъ; онъ будетъ вести поденную записку всему тому, что съ нами впредь случиться можетъ; онъ опишетъ тебѣ новую землю и новыя небеса, которыя мы будемъ видѣть. Да сохранитъ Брама на многїя лѣта твою чистую главу и божественную премудрость, которую помѣстилъ онъ въ срединѣ твоего мозга.

ПИСЬМО I.

Отъ Амабеда къ Шастазиду, послѣ освобожденія его изъ темницы.

И такъ я еще нахожусь въ числѣ живыхъ, и опять къ тебѣ пишу божественный *Шастазидъ!* я обо всѣхъ случившихся съ *Прелестію очей* и съ *Дерою* нещастіяхъ узналъ, да и ты также объ оныхъ извѣстенъ. *Прелесть очей* не учинила никакого преступленія и не можетъ быть виновною. Сей единорогъ *фатуто*, которой къ кожѣ своей пришилъ хвостъ лисей утверждаетъ нагло, якобы онъ меня съ *Адатѣю* крестилъ въ Бенарѣ по обычаю Европейскому, и будто бы я *Апостата* (отступникъ) и *Прелесть очей*, также *Апостата* (отступница). Онъ клянется своимъ богомъ, что въ учиненномъ имъ насильи дражайшей моей су-

пругѣ и твоей юной *Дерѣ*, обвиняемъ безвинно; а *Прелесть очей* и цѣломудренная *Дера* съ своей стороны равнымъ образомъ обѣ клянутся, что онѣ сіе насиліе отъ него претерпѣли. Разумы Европейцевъ никакъ не могутъ проникнуть сей мрачной пучины; они всѣ увѣряютъ, что одинъ только Намѣстникъ Божій можетъ познать справедливость, понеже онъ никакому грѣху непричастенъ.

Донъ Іеронимо здѣшній коррежидоръ отправляетъ насъ завтрешній день на кораблѣ предъ лице того чрезвычайнаго существа, которое никогда не согрѣшаетъ, ни въ чемъ обмануться не можетъ. Оный великій судія обожаемый сими варварами живетъ не въ Лисабонѣ; но гораздо далѣе, въ одномъ великолѣпномъ городѣ называемомъ *Румомъ*. * Сей

---

* Сіи Индѣйцы по незнанію городъ Римъ называютъ Румомъ.

городъ со всѣмъ неизвѣстенъ нашимъ Индїянцамъ; вотъ въ какое пускаемся мы ужасное путешествїе! вотъ чему бываютъ подвержены дѣти Брамовы въ сей краткой и мятежной жизни!

Сопутниками нашими будемъ мы имѣть купцовъ Европейскихъ; пѣвицъ; двухъ старыхъ офицеровъ войскъ короля Португальскаго, которые въ нашей землѣ довольно обогатились; также священниковъ Намѣстника Божїяго и нѣкоторыхъ солдатъ.

Мы почитаемъ великимъ для себя благополучїемъ, что обучилися по Италїянски, который языкъ у всѣхъ сихъ людей во употребленїи; ибо какимъ бы образомъ могли мы пробыть не разумѣя лепетанїя Португальскаго? однакожъ я страшусь, что буду на одномъ суднѣ съ *фатутомъ*. Въ сїю ночь велятъ намъ ночевать на корабельномъ бортѣ, дабы завтре при солнечномъ восхожденїи пу-

спиться въ море. Мы съ моею женою и съ *Дерою* будемъ имѣть на ономъ кораблѣ особливую комнату длиною въ шесть футовъ, а шириною въ четыре; говорятъ, что симъ хотятъ намъ оказать отмѣнное снисхожденіе. На семъ судиѣ надлежитъ запасаться всѣми нужными вещами. По вступленіи нашемъ на корабль, какой же услышали мы ужасной стукъ и шумъ; превеликая куча людей тѣснилася, желая насъ посмотрѣть. *Прелесть очей* обливается слезами, а *Дера* трепещетъ отъ страха; однакожъ надлежитъ ополчиться бодростію. Прости, божественный *Шастазидъ*; принеси за насъ святыя твои молитвы къ Превѣчному, который создалъ нещастныхъ смертныхъ, тому по точному исчисленію полагаемъ мы нынѣ, сто пятнадцать тысячь шесть сотъ пятьдесятъ два годичныхъ обращенія солнца около земли, или земли около солнца.

ПИСЬМО II.

Отъ Амабеда во время его путешествія.

По прошествіи одного дня нашего шествія, когда корабль нашъ находился насупротивъ *Бамбаи*, коею овладѣлъ кровожаждущій *Албукеркъ*, котораго называютъ здѣсь великимъ человѣкомъ, вдругъ адскій громъ поразилъ слухъ нашъ; съ нашего корабля выпалили девять разъ изъ пушекъ, и тѣмъ же самымъ отвѣтствовано было съ городскаго вала. *Прелесть очей* и юная *Дера* отъ страха подумали, что пришелъ послѣдній часъ ихъ жизни; ибо мы всѣ покрыты были густымъ дымомъ. Повѣришъ ли ты мудрый *Шастазидъ*, что оные пушечные выстрѣлы почитаются у сихъ варваровъ за учтивость; ибо они такимъ образомъ другъ другу дѣ-

лаютъ поздравленія. На одной шлюбкѣ привезли на нашъ корабль письма въ Португалію, по принятіи которыхъ мы паки пустилися въ открытое море, оставя по правую у себя сторону устья великой рѣки *Зонбудило*, которую варвары сіи называютъ *Индусомъ*.

Мы ничего больше не видѣли кромѣ одного воздуха называемаго небомъ сими варварами, кои столь мало достойны, какъ онаго неба, такъ и сего великаго моря, чрезъ которое преплывать побудили ихъ алчность къ богатству и лютое безчеловѣчіе.

Капитанъ нашего корабля кажется намъ честнымъ и умнымъ человѣкомъ; онъ не позволяетъ отцу *фатутто* быть тогда на корабельномъ декѣ, когда мы выходимъ на оный для прохлажденія себя воздухомъ; а когда восходитъ онъ на верьхъ корабля, тогда мы остаемся

на низу. Мы съ нимъ такъ, какъ день съ ночью, кои никогда не являются вмѣстѣ на одномъ горизонтѣ. Я непрестанно размышляю о судбинѣ играющей надъ нещастными смертными, взирая на себя, что мы шествуемъ по морю Индѣйскому судиться съ Доминиканцемъ, въ городъ Румъ, за шесть тысячь миль отъ нашего отечества.

На нашемъ кораблѣ находится одна важная особа, которую называютъ милостынным надзирателемъ. Онъ не ту отправляетъ должность, чтобъ раздавать милостыню бѣднымъ и неимущимъ; а напротивъ того даютъ ему деньги за то, чтобъ онъ приносилъ молитвы Богу на такомъ языкѣ, которой есть ни Португальской, ни Италїянской, и коего никто изъ находящихся съ нами на кораблѣ не разумѣетъ; а можетъ быть онъ и самъ онаго не понимаетъ; ибо онъ непрестанно споритъ о смыслѣ онѣ-

которыхъ на ономъ языкѣ словъ съ отцомъ *фатутомъ*. Капитанъ мнѣ сказывалъ, что сей монахъ есть Францисканецъ, а *фатуто* Доминиканецъ; почему слѣдуя своей совѣсти, они находятся принужденными не быть никогда одинакаго мнѣнія; ибо ихъ секты одна противъ другой наизлѣйшїе суть враги; да они также носятъ и различныя одежды, въ знакъ несходствїя ихъ мнѣнія.

Сей Францисканецъ называется *Фамольто*; онъ ссужаетъ меня для чтенїя Италїянскими книгами, заключающими въ себѣ изъясненїе закона того Намѣстника Божїя, предъ котораго мы предстать должны. Мы съ дражайшею моею *Адатеею*, читаемъ оныя книги, и *Дера* присудствуетъ при семъ чтенїй съ начала оказала она къ слушанїю; оныхъ книгъ нѣкое отвращенїе, страшась прогнѣвать тѣмъ *Браму*; однакожъ чѣмъ болѣе мы читаемъ, тѣмъ паче

утверждаемся въ любви и почтенiи къ тѣмъ Божественнымъ поученiямъ, коимъ ты наставляешъ правовѣрныхъ.

ПИСЬМО III.

Отъ Амабеда къ Шастазиду.

Изъ мыса называемаго Добрая Надежда, 15 числа мѣсяца Единорога.

Уже давно не растягивалъ я моихъ бумажныхъ листовъ на доску, и не омочалъ моей кисти въ черный распущенный лакъ для извѣщенiя тебя о томъ, что съ нами случилось. Мы оставили далеко позади насъ въ правой сторонѣ нашего пути заливъ Бабельмандельской, который впадаетъ въ знаменитое Чермное море, коего волны въ древнее время раздѣлялись на двое и возвышались яко горы, дабы дать свободный путь

къ прохожденїю сквозь оное *Бахусу* и всему его войску. Я сожалѣлъ, что мы не пристали къ берегамъ щастливой Аравїи; сїя земля столь же плодоносна, какъ и наша, которую *Александръ* Македонскїй хотѣлъ здѣлать столицею своей Имперїи и мѣстомъ торговли для всего свѣта. Я весьма также желалъ видѣть тотъ *Едемъ*, коего прекраснѣйшїя сады въ древнїя времена были столько прославляемы; ту знаменитую *Моку* славящуюся изобильнымъ произращенїемъ кофея, которой до нынѣ нигдѣ болѣе не растетъ, кромѣ сей провинцїи, и *Мекку*, гдѣ великїй пророкъ вѣрныхъ Музульманъ учредилъ свое пребыванїе, и куда толикое множество народа, изъ Азїи, Африки и Европы прїѣзжаютъ каждый годъ для цѣлованїя чернаго камня ниспадшаго съ неба, которое не всегда ниспосылаетъ таковые камни смер-

тнымъ; однакожъ намъ не было позволено удовольствовать наше любопытство: мы непрестанно продолжаемъ путь нашъ въ Лиссабонъ, а оттудова поѣдемъ въ *Румъ*.

Мы уже проѣхали равноденственную линію, и сходили на землю у королевства Мелиндскаго, гдѣ Португальцы имѣютъ знатную гавань, тамъ корабль нашъ нагрузился слоновою костью, амброю, красною медью, серебромъ и золотомъ. Вотъ уже достигли мы и до того великаго мыса, гдѣ обитаютъ Готентоты: сїи народы кажется мнѣ не происходятъ отъ дѣтей Брамовыхъ; ибо природа одарила ихъ женщинъ естественнымъ передникомъ, составленнымъ изъ собственной ихъ кожи. Сей передникъ закрываетъ у нихъ то мѣсто, которое Готентоты страшно любятъ, и въ честь оному сочиняютъ пѣсни и

мадригалы. Сїи народы ходятъ нагїе. Между дикими таковой обычай хотя весьма естественъ; однакожъ не приноситъ имъ никакой чести, и изъявляетъ ихъ не искусство. Готтентота можно почесть съ сей стороны весьма нещастнымъ; понеже ничего не остается ему желать, когда видитъ онъ свою женщину и съ переди и съ зади. Онъ не вкушаетъ того удовольствїя, которое могъ бы имѣть отъ препятствїй лишающихъ его сихъ предмѣтовъ; наслаждаясь симъ зрѣнїемъ онъ непочитаетъ уже ничего для себя лестнаго. Длинныя одежды нашихъ Индїянокъ, вымышленныя для придания большей имъ красоты, и искусно вверьхъ подобранныя изъявляютъ весьма острый разумъ того, кто оныя вымыслилъ. Я твердо увѣренъ, что тотъ же самый мудрый Индѣецъ, которому обязаны мы выдум-

кою игры въ шашки и въ тавлеи, вымыслилъ и сіи женскія украшенія для нашего блаженства.

Мы пробудемъ два дни на семъ мысѣ, который почитается предѣломъ всего міра, и который, какъ кажется раздѣляетъ восточную сторону съ западною. Чѣмъ болѣе размышляю я о тѣлесномъ цвѣтѣ сихъ народовъ, о ихъ клокташіи, которое они на мѣсто порядочнаго выговора употребляютъ при своихъ разговорахъ о ихъ образѣ, и о естественномъ передникѣ ихъ женщинъ; тѣмъ больше утверждаюсь, что сей родъ людей никакъ не можетъ имѣть одно произхожденіе съ нашимъ.

Хотя нашъ милостынной надзиратель и увѣряетъ, что Готентоты, Негры и Португальцы, всѣ происходятъ отъ одного праотца; но таковая мысль кажется мнѣ весьма смѣшною; по сему

разсужденію можно равнымъ образомъ сказать, что и куры, и древа, и травы находящіяся на семъ мысѣ, также происходятъ отъ куръ, отъ деревъ, и отъ травъ Бенарейскихъ или Пекинскихъ.

ПИСЬМО IV.

Отъ Амабеда.

Отъ 16 числа того же мѣсяца, вечеромъ; съ мыса называемаго Добрая Надежда.

Вотъ еще начинаю я къ тебѣ писать о другомъ случившемся съ нами приключеніи Какъ на сихъ дняхъ капитанъ нашего корабля прогуливался съ *Прелестью очей* и со мною на большемъ плоскодонномъ суднѣ, о которой полуденное море ударяло своими волнами, то между тѣмъ милостынной надзиратель *фамольто* провелъ тихимъ образомъ нашу юную *Деру* въ одинъ

небольшой домъ недавно построенной, которой здѣсь называютъ трактиромъ; бѣдная дѣвка не поняла хитрости сего чернеца; она думала, что ей нечего было его опасаться, по тому что онъ былъ не Доминиканецъ; но вскорѣ услышали мы превеликой шумъ. Представь себѣ, что отецъ *фатуто* возревнуя сему уединенному свиданїю, вошелъ къ нимъ въ трактиръ въ великой ярости; съ нимъ вошли еще два матроса, которые также побуждаемы были ревностїю. О! ревность есть страсть самая ужасная. Сїи два матроса и два священника напилися въ тотъ день съ лишкомъ много того напитка, о которомъ возвѣщаютъ они, яко бы вымышленъ прародителемъ ихъ *Ноемъ*; но мы вымышленїе онаго приписываемъ *Бахусу*. Сей бѣдственный даръ могъ бы быть полезнымъ, ежели бы излишествомъ своимъ

не приводилъ человѣка въ безумїе. Европейцы говорятъ, будто сей напитокъ придаетъ имъ разумъ; но какъ то можетъ статься, когда онъ отъемлетъ у человѣка весь здравой разсудокъ.

Оные два морскихъ воина и два Европейскихъ Бонза съ великою жестокостїю другъ за друга уцѣпились; одинъ матросъ тузилъ *фатуто*, а онъ щелкалъ милостыннаго надзирателя, Францисакнецъ же наносилъ свои удары другому матросу, которой съ своей стороны платилъ ему тѣмъ же; они всѣ четверо поминутно одинъ на другаго наступали; два противъ двухъ, трое противъ двухъ, и наконецъ сражались всѣ вмѣстѣ; каждой бранился и ругался, и каждой тащилъ къ себѣ нещастную нашу *Деру*, которая испускала между тѣмъ жалостнѣйшїя вопли. Капитанъ прибѣжалъ самъ на сей шумъ, и разнимая

ихЪ билЪ безЪ всякаго разбору палкою всѣхЪ четверыхЪ ротоборцевЪ; по освобожденіи изЪ рукЪ ихЪ *Деры*, дабы здѣлать ея безЪопасною, отвелЪ онЪ ее на свою квартеру, гдѣ уже часа сЪ два находится она сЪ нимЪ на единѣ запершая вЪ его спальнѣ Морскіе офицеры и нассажиры, кои всѣ весьма учтивы, собравшись насЪ окружили и увѣряли, что сіи два монаха, (такЪ оңи ихЪ называютЪ) будутЪ очень строго наказаны отЪ Намѣстника Божія, какЪ скоро вЪ *РумЪ* пріѣдутЪ, и сія надежда нѣсколько насЪ успокоила.

По прошествіи двухЪ часовЪ капитанЪ кЪ намЪ возвратился приведши сЪ собою *Деру*, сЪ такими учтивостями и комплиментами, что дражайшая моя супруга была тѣмЪ чрезвычайно довольна. О Брама! какіе чудные бываютЪ случаи во время путешествія, и

сколь было бы разумнѣе жить безъ выѣзду въ своемъ отечествѣ.

ПИСЬМО V.

Отъ Амабеда во время его путешествія.

Послѣ случившагося приключенія съ нашею маленькою *Дерою* я къ тебѣ не писалъ. Капитанъ нашего корабля во все продолженіе нашго пути оказывалъ всегда къ ней отмѣнныя благосклонности. Я страшился, чтобъ онъ не удвоилъ своихъ учтивостей и къ женѣ моей; однакожъ она за четыре мѣсяца предъ симъ притворилася быть беременною для того, что Португальцы почитаютъ брюхатыхъ женщинъ особами освященными, которымъ не позволяется у нихъ дѣлать никакого огорченія; сіе обыкновеніе кажется мнѣ очень хорошимъ, ибо оно сохраняетъ честь дра-

жайшей моей *Адатеи*. Доминиканцу приказано было никогда предъ глаза наши не являться и онъ приказанїю сему повиновался.

Францисканецъ по нѣсколькихъ дняхъ послѣ случившагося въ трактирѣ, пришелъ къ намъ просить у насъ прощенїе: я отведши его къ сторонѣ, спрашивалъ у него: какимъ образомъ здѣлавши обѣтъ въ соблюденїи чистоты и непорочности, могъ онъ вытти изъ предписанныхъ границъ, и дѣлать такїя наглости и своевольства? на что отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующимъ образомъ: то правда; что я учинилъ сей обѣтъ; но ежели бы обѣщалъ я, что кровь моя не будетъ протѣкать по моимъ жиламъ, и что ногти мои и волосы рости не будутъ, то сами вы признаетесь, могъ ли бы я исполнить сїе обѣщанїе? въ такомъ случаѣ на мѣ-

сто того, чтобЪ повелѣвать намЪ заклинаться вЪ томЪ, что будемЪ мы соблюдать нашу непорочность; надлежало бы принудить насЪ кЪ тому насильно, здѣлавЪ всѣхЪ монаховЪ евнухами; ибо доколѣ птица будетЪ имѣть перья, то всегда лѣтать будетЪ; однимЪ только способомЪ можно воспрепятствовать оленю бѣгать, когда отрубятЪ у него ноги. Будьте совершенно увѣрены, что священники такїя какЪ я, то есть молодые и здоровые, а притомЪ лишенные на всегда женЪ, напротивЪ воли своей предаются стремленїю страстей и естественному волненїю крови, кЪ чему побуждаетЪ ихЪ сама природа.

Я о многомЪ извѣстился изЪ разговоровЪ сЪ симЪ монахомЪ; онЪ расказалЪ мнѣ о всѣхЪ тайностяхЪ ихЪ закона, кои привели меня вЪ великое уди-

вленіе. Преподобный отецЪ *фатуто*, говорилЪ онЪ мнѣ, есть плутЪ и обманщикЪ; ибо онЪ не вѣритЪ ни одному слову изЪ всего того, чему другихЪ поучаетЪ; да я и самЪ во многомЪ имѣю жестокія сомнѣнія; однакожЪ оныя сколько можно отЪ себя отдаляю, и закрываю глаза мои завѣсою; я отвергая таковыя мысли, продолжаю по моей возможности теченіе краткой моей жизни. Всѣ наши монахи подвержены сей бѣдственной премѣнѣ; невѣріе ихЪ заставляетЪ ихЪ ненавидѣть и проклинать чинЪ свой, или глупость ихЪ и безуміе дѣлаетЪ оной для нихЪ сноснымЪ.

Повѣришь ли ты мудрой *Шастазидѣ*, что послѣ сего признанія онЪ предлагалЪ мнѣ здѣлаться ХристіяниномЪ? на сіе предложеніе я ему говорилЪ: какимЪ образомЪ ты можешь мнѣ предлагать,

чтобъ принялъ я такой законъ, въ которомъ самъ ты не совершенно еще увѣренъ; я рожденъ и воспитанъ въ наидревнѣйшемъ въ свѣтѣ законѣ, и наше богослуженїе имѣло непремѣнное свое пребыванїе покрайней мѣрѣ за пятнадцать тысячь триста лѣтъ прежде, нежели были Францисканцы на свѣтѣ.

Ахъ! любезной мой Индїянецъ; сказалъ онъ мнѣ, ежели бы я въ томъ могъ успѣть, что привелъ бы васъ съ прекрасною *Адатеею* въ Христїянскїй законъ, то гнусной Доминиканецъ *фатуто* треснулъ бы съ досады! вы онымъ составили бы мое благополучїе; я могъ бы здѣлаться *Обиспомъ*; * вы учинили бы тѣмъ весьма доброе дѣло, и Богъ бы васъ за то вознаградилъ.

---

* *Обиспо* есть слово Португальское, которое значитъ *Епискупа*. Сего названїя не находится ни въ которомъ изъ четырехъ Евангелїй.

Вотъ какíе, божественный *Шастазидъ*, между сими Европейскими варварами находятся люди, преисполненные заблужденія, слабости, неистоваго вожделѣнія и безумія; а другíе суть великíе и ожесточенные плуты и обманщики. Я увѣдомилъ о семъ разговорѣ *Прелесть очей*, и она усмѣхнувшись изъ сожалѣнія. Кто бы могъ повѣрить, что плывши на караблѣ подлѣ бреговъ Африки, научимся мы познавать человѣческія свойства.

ПИСЬМО VI.

Отъ *Амабеда*.

Какой прекрасной воздухъ на сихъ брегахъ полуденныхъ! но какíе же обитаютъ на нихъ негодные жители! какíе они невѣжды! чѣмъ болѣе природа награждаетъ насъ своими дарами, тѣмъ менѣе умѣемъ мы оными пользо-

ваться. Никакая наука и никакое художество неизвѣстны у всѣхъ сихъ народовъ, объ нихъ весьма великой можно здѣлать вопросъ: они ли произошли отъ обезьянъ, или обезьяны отъ оныхъ? наши мудрецы утверждали, что человѣкъ сотворенъ по образу Божїю; но возможно ли подумать, чтобъ сїи народы являли въ себѣ образъ Существа превѣчнаго, имѣющїе черный и расплющенный носъ, и очень мало разума, или и совсѣмъ нималаго понятїя не имѣющїе! безъ сомнѣнїя прїйдетъ то время, въ которое и сїи несмысленные животные будутъ имѣть удобрять землю, украшать ее построенїемъ домовъ и садовъ, и познавать теченїе свѣтилъ небесныхъ. Для всего потребно время. Мы просвященные народы считаемъ отъ заведенїя у насъ наукъ и художествъ сто пятнадцать тысячь шесть сотъ пятьдесятъ два года; но если сказать

по справедливости, оставя должной къ особѣ твоей почтенїе, то я думаю, что и мы въ семъ щотѣ весьма обманываемся; ибо мнѣ кажется, что потребно гораздо болѣе сего времени, дабы достигнуть до такого въ наукахъ совершенства, до какого мы донынѣ достигли. Положимъ напримѣръ двадцать тысячь только лѣтъ на вымышленїе порядочнаго и прїятнаго языка; столько же на изобрѣтенїе писмянъ; посредствомъ азбучныхъ буквъ; столько же для Металургїи; столько же на вымышленїе сохи и челнока; и столько же для кораблеплаванїя; но сколько еще вѣковъ другїя науки требуютъ для своего изобрѣтенїя! Халдеи считаютъ отъ изобрѣтенїя сихъ наукъ слишкомъ четыреста тысячь лѣтъ; однакожъ и сего времени кажется еще не довольно.

Нашъ капитанъ купилъ на берегу называемомъ *Ангола* шестерыхъ Ара-

повЪ, которыхЪ продали ему за такую цѣну, за какую обыкновенно здѣсь продаютЪ шесть быковЪ; надобно думать, что сїя земля гораздо болѣе населена людьми, нежели наша; когда здѣсь продаютЪ людей за такую дешевую цѣну. Но при всемЪ томЪ, возможно ли безЪ удивленїя подумать, что такое множество народа провождаютЪ жизнь погруженными вЪ скотскомЪ невѣжествѣ!

КапитанЪ имѣетЪ у себя нѣсколько человѣкЪ музыкантовЪ, которымЪ приказалЪ онЪ заиграть на своихЪ инструментахЪ, и какЪ скоро они заиграли, то сїи бѣдные Арапы тотчасЪ начали плясать, почти сЪ такимЪ же искусствомЪ, какЪ наши слоны; возможно ли, что любя столько музыку, они не умѣли по сїе время выдумать скрыпки, или по крайности волынки! можетЪ быть, скажешЪ ты мнѣ, великїй *Ша-*

*стазид*ъ, что и самое остроумїе слонов не могло еще по сих пор до выдумки сей достигнуть, и что всего надлежит ожидать от времени: напротив сего не мог бы я тебѣ сказать никакого возраженїя.

ПИСЬМО VII.

От Анабеда.

Едва только протек один год, как мы уже достигли до города Лиссабоны, лежащаго на рѣкѣ Тагѣ, которая долгое время прославлялася тѣм, что протекала золотыми струями. Ежели сїе справедливо, то для чего же Португальцы для приобрѣтенїя онаго ѣздят в страны столь отдаленныя? всѣ сїи Европейцы отвѣтствуют на сей вопрос, что сим металлом никогда довольно насытиться не возмо

жно. Городъ Лиссабонъ, такъ какъ ты мнѣ сказывалъ, есть столица небольшаго государства; здѣсь отечество того *Албукерка*, который намъ здѣлалъ толико зла. Я признаюсь, что есть нѣчто величественное въ видѣ сихъ Португальцовъ, кои покорили силою своего оружїя часть нашихъ прекрасныхъ мѣстъ. Надобно изъ сего заключить, что жадность къ полученїю перца придаетъ имъ силу и безстрастїе.

Мы съ *Прелестью очей* надѣялися тотсасъ по прїѣздѣ нашемъ вступить въ городъ; но намъ того не позволили, для того, какъ говорили намъ, что мы были узники Намѣстника Божїя, и что какъ Доминиканецъ *фатуто* и Францисканецъ *фамольто*, такъ *Дера*, *Адатея*, и я, должны всѣ быть судимы въ городѣ *Румѣ*.

Насъ всѣхъ отвели на другой корабль отъѣзжающей въ столицу Намѣстника Божїя.

Капитанъ нашего корабля есть старой Гишпанецъ, въ нравѣ своемъ совсѣмъ отличный отъ того Португальца, которой съ толикою учтивостїю съ нами обходился, онъ на всѣ отвѣтствуетъ самыми короткими словами: да и говоритъ очень рѣдко. Онъ носитъ на кушакѣ своемъ взнизанные на снурокъ какїе-то зерна, которые непрестанно руками перебираетъ; сказываютъ, что сїе почитается здѣсь за великой знакъ добродѣтели.

Дера очень сожалѣетъ о прежнемъ капитанѣ; она говоритъ, что тотъ былъ гораздо сего учтивѣе и ласковѣе. Сему Гишпанцу вручили превеликой свертокъ бумагъ, въ которыхъ изъяснены были всѣ случившїяся съ нами происше-

ствія, и по коимъ должны будутъ производить надъ нами судъ при дворѣ *Румскомъ*. Одинъ находящійся на ономъ кораблѣ писецъ читалъ оныя бумаги громогласно; онъ увѣряетъ, что отецъ *фатуто* непремѣнно будетъ осужденъ и сосланъ на галеры Намѣстника Божія, а милостынной надзиратель *фамольто* по пріѣздѣ въ *Румъ* будетъ высеченъ. Всѣ сопутники наши одинакаго о семъ мнѣнія. Капитанъ принявъ оныя бумаги, ничего не говоря къ себѣ спряталъ, и мы тотчасъ пустилися въ путь нашъ. Да умилосердится надъ нами Брама, и да преисполнитъ тебя своими щедротами. Брама есть правосуденъ; но вотъ что кажется мнѣ весьма чуднымъ, что я будучи рожденъ на брегу Ганги, ѣду судиться въ *Румъ*; однакожъ многіе меня увѣряютъ, что то же самое со многими иностранными случалось.

ПИСЬМО VIII.

Отъ Амабеда.

До сего времени ничего еще нѣтъ новаго, всѣ люди на кораблѣ подражая капитану пребываютъ въ глубокомъ молчанїи; ты знаешъ пословицу Индѣйскую: *каковъ начальникъ, таковы и подчиненные.* Мы проѣхали чрезъ одно море, которое не болѣе девяти тысячь шаговъ шириною, и протекаетъ между двумя горами; по томъ вошли мы въ другое море наполненное островами: есть между оными одинъ весьма чудный островъ, управляемый Христїянскими монахами, которые носятъ на плечахъ короткое платье, а на головѣ шляпу, и кои обѣщались убивать до смерти всѣхъ тѣхъ, которые носятъ шапку и длинную одежду; они также обязаны отправлять божественную слу-

жбу. Послѣ того проѣзжали мы мимо одного большаго и прекраснѣйшаго острова имянуемаго *Сициліею*. Сей островъ былъ напредь сего гораздо въ лучшемъ состояніи; здѣсь расказываютъ о многихъ великолѣпныхъ бывшихъ наономъ городахъ, коихъ видны одни только развалины. На семъ островѣ обитали нѣкогда боги, богини, Гиганты и Герои; тутъ ковали громовыя стрѣлы; одна богиня именемъ Церера покрывала его богатыми жатвами; но Намѣстникъ Божій все сіе перемѣнилъ по своему, на мѣсто всего того, видны тамъ только крестные ходы и опустошители кошельковъ.

ПИСЬМО IX.

Отъ Амабеда.

Наконецъ достигли мы до священной земли Намѣстника Божїя; я читалъ въ книгѣ у милостыннаго надзирателя, что сїя земля была прежде сего преисполнена златомъ и лазурью, что градскїя стѣны были изъ драгоцѣнныхъ каменїевъ сапфира и смарагда, что ручьи тамъ протекали масличные, и источники млечные, а поля покрыты были виноградомъ столь крупнымъ, что одна онаго кисть приносила по сту бочекъ вина *; можетъ быть мы все оное

* По видимому онъ хотѣлъ здѣсь говорить о святомъ градѣ Iерусалимѣ виденномъ С. Iоанномъ, о которомъ писано въ Апокалепсисѣ, также и въ сочиненїяхъ Iустина, Тертулїяна, Иренея, и прочихъ великихъ мужей; однакожъ видно, что сей бѣдный Индеецъ имѣлъ объ ономъ несовершенное понятїе.

увидимъ, когда будемъ близъ самаго *Рума*.

Мы пристали къ берегу съ великою трудностїю въ одной небольшой и весьма неспокойной пристани, называемой *Старая Крѣпость*; и сїе названїе дано ей очень справедливо, ибо она приходитъ уже въ совершенное разрущенїе. Намъ дали для нашего проѣзду телеги запряженныя быками; надобно думать, что сїи быки приведены были изъ дальныхъ мѣстъ, понеже земля въ сихъ мѣстахъ и съ правой и съ лѣвой стороны совсѣмъ не обработана; а повсюду видны смрадныя только болота и пустыя степени; мы на пути нашемъ встрѣчали людей до половины только прикрытыхъ епанчею и безъ рубашекъ, кои съ надмѣнностїю просили у насъ милостыни; намъ сказывали, что оные люди питаются одними только малень-

кими плоскими лепешками, которыя даются имЪ по утрамЪ даромЪ, а пьютЪ одну только святую воду.

БезЪ сихЪ нищихЪ гоняющихся за проѣзжими по пяти и по шести тысячь шаговЪ, дабы жалостными своими воплями выпросить себѣ вЪ подаяніе, хотя тридцатую долю *рулїи*. Сїя земля показалася бы намЪ настоящею пустынею; но насЪ увѣдомляли, что ежели кто проѣзжаетЪ по симЪ мѣстамЪ ночью, то жизнь того бываетЪ подвержена великой опасности; видно что БогЪ прогнѣвался на своего Намѣстника, и для того далЪ ему во владѣніе такую негодную землю; однако же какЪ слышу я отЪ многихЪ, что сїя страна была напредь сего весьма хороша и плодоносна; но что учинилася таковою бѣдною и опустошенною, сЪ того времени какЪ сїи Намѣстники стали обладать ею.

Я пишу къ тебѣ, мудрый *Шаста-зидъ* отъ скуки, сидя на моей телегѣ; а *Адатея* находится въ великомъ удивленіи; я непремѣнно буду къ тебѣ писать, какъ скоро въ *Румъ* пріѣду.

ПИСЬМО X.

Отъ Амабеда.

Вотъ уже пріѣхали мы въ сей городъ *Румъ*. Мы въѣхали въ него вчерась въ половину *дня*, то есть *третьяго числа мѣсяца овцы*, а по здѣшнему счисленію 15 Марта 1513 года, и нашли здѣсь совсѣмъ противное тому, чего ожидали.

Едва достигли мы до воротъ называемыхъ с. *Панкратія*, какъ увидѣли двѣ кучи чудовищъ, изъ коихъ одни были одѣты такъ, какъ нашъ милостынной надзиратель, а другіе такъ, какъ

отецЪ *фатуто*: каждый изЪ нихЪ имѣлЪ на головѣ распущенное знамя, а вЪ рукахЪ большой жезлЪ сЪ вырезаннымЪ наверьху крестомЪ. Они шествовали по двое вЪ рядЪ, и пѣли такимЪ скучнымЪ голосомЪ, что всѣхЪ могли бы усыпить своимЪ пѣнiемЪ. Когда сiи чудовища достигли до нашей телеги, то вЪ одной кучѣ закричали: ето отецЪ *фатуто*! а вЪ другой: ето святый *фамольто*! они цѣловали полы у ихЪ платья, а простой народЪ становился передЪ ними на колѣна. Сколько обратили вы ИндейцевЪ преподобный отецЪ? вопрошали у нихЪ. Пятнадцать тысячь семь сотЪ, говорилЪ одинЪ; одиннадцать тысячь девять сотЪ, сказалЪ другой. Да будетЪ благословенна Святая дѣва Марiя! возопили сiи чудовища. Всѣ обращали на насЪ свои взоры, и всѣ со всѣхЪ сторонЪ насЪ окружали Конечно сiи суть ваши новообращенные преподобный

отецъ? спрашивали всѣ у обѣихъ монаховъ? такъ точно, отвѣтствовали они, мы ихъ крестили. По истиннѣ они весьма прекрасны! возопили всѣ: *Слава въ вышнихъ Богу! Слава въ вышнихъ Богу!*

Отецъ *фатуто* и отецъ *фамольто* отведены были, каждый кучею подобныхъ имъ монаховъ въ одинъ великолѣпный домъ; а мы взъѣхали на постоялой дворъ Весь народъ туда за нами послѣдовалъ, кричалъ: *каззо*, *каззо*, осыпая насъ непрестанно похвалами, цѣлуя наши руки, превознося прелести *Адатенны*, и желая *Дерѣ* и мнѣ всякаго благополучія; мы приведены были симъ въ великое удивленіе.

Едва вошли мы въ нашъ постоялой домъ, какъ нѣкоторый человѣкъ одѣтый въ одежду фіолетоваго цвѣта, сопровождаемый двумя другими покрытыми черными епанчами, пришелъ къ намъ,

поздравить насъ съ нашимъ приѣздомъ. Во первыхъ предлагалъ онъ намъ деньги изъ казнахранилища *Пропаганды* *,

* Пропагандою называется духовное собранїе, учрежденное для распространенїя Христїянской вѣры: съ начала учреждено оное было Папою Григорїемъ XV, который соболѣзнуя о многихъ нещастныхъ пребывающихъ погруженными во635 мракѣ невѣжества и заблужденїя; или по тому, что не простирается до нихъ вспомоществующая рука, могущая извлечь ихъ изъ онаго мрака; или по тому, что по принятїи Христїянскаго закона, новообращенные не имѣющїе ни откуда никакой помощи, часто впадали въ крайнюю нищету и убожество; для сего самаго учредилъ мѣсто собранїя составленное изъ нѣкотораго числа Кардиналовъ, гдѣ обязаны они имѣть всевозможное попеченїе о всѣхъ способахъ къ привлеченїю иновѣрцовъ въ Христїянскую вѣру, и о вспомоществованїй посылаемымъ въ разные мѣста Миссїонарамъ, или Обращателямъ. Однимъ словомъ, въ семъ собранїи пекутся о всемъ касающемся къ пользѣ Христїянскаго закона. Помощїю и старанїемъ сихъ Кардиналовъ вѣра Христїянская получила во всѣхъ краяхъ свѣта великое распространенїе, и столь благополучные успѣхи побудили тогда Папу основать навсегда сїе собранїе Кардиналовъ, дабы тѣмъ вящше приумножалося число новообращающихся Христїянъ и распространялась вѣра.

ежели мы въ оныхъ имѣли нужду. *Я не* зная что такое есть *Пропаганда*, отвѣтствовалъ ему, что у насъ еще осталось много алмазовъ, (и въ самомъ дѣлѣ я рачительно всегда старался скрывать въ порткахъ моихъ кошелекъ съ деньгами и ящичекъ съ бралїянтами.) Едва только произнесъ я сїи слова, какъ оный человѣкъ повергся почти къ самымъ ногамъ моимъ, и величалъ меня *Превосходительнымъ*. Ея превосходительство госпожа *Адатея*, говорилъ онъ, конечно утрудилась отъ дороги? не легла ли уже она опочивать? я боюсь ее обезпокоить; но я всегда пребуду въ ея повелѣнїяхъ. Вы милостивой государь *Амабедъ*, продолжалъ онъ, можете повелѣвать мною; я пришлю къ вамъ одного Цицерона *, которой будетъ въ

* Извѣстно что въ Римѣ называютъ Цицеронами тѣхъ, коимъ препоручается должность показывать Иностраннымъ всѣ древнїя рѣдкости въ семъ городѣ.

вашихъ услугахъ : вамъ только стоитъ ему приказать Не соблаговолите ли вы оба съ *Адатееюо* послѣ вашего отдохновенія здѣлать мнѣ честь вашимъ посещеніемъ : я буду имѣть щастіе прислать за вами мою карету!

Надлежитъ признаться божественный *Шастазидъ*, что и Китайцы не болѣе сего западнаго народа учтивости употребляютъ. Сей господинъ послѣ сего отъ насъ вышелъ, и мы съ прекрасною *Адатееюо* спали шесть часовъ, а вечеромъ пріѣхала за нами карета, въ которой поѣхали мы къ сему учтивому человѣку. Домъ его съ наружи былъ весь освѣщенъ огнями, а внутри всѣ комнаты украшены прекраснѣйшими картинами. Многочисленная собранная у него компанія осыпала насъ многими ласкательствами; всѣ удивлялись намъ, что мы были Индейцы, поздравляли насъ,

что были мы крещены и всѣ предлагали намъ свои услуги, во все время пребыванія нашего въ *Румѣ*.

Мы хотѣли просить правосудія на отца *фатуто*; но намъ не дали времени о томъ и выговорить. Наконецъ мы были паки препровождены въ домъ нашъ въ крайнемъ удивленіи столь ласковому пріему и не понимали, чтобы такое оное значило.

ПИСЬМО XI.

Отъ Амабеда.

Сего дня имѣли мы многія посѣщенія; нѣкоторая Принцесса изъ Піомбіо присылала къ намъ двухъ своихъ пажей просить насъ къ себѣ обѣдать, и мы поѣхали къ ней въ великолепнѣйшемъ ея экипажѣ. Господинъ въ фіолетовой одеждѣ также находился, и я узналъ объ

немъ, что онъ былъ изъ числа знатныхъ вельможъ, то есть изъ числа служителей Намѣстника Божія: его называютъ *Прелатомъ* и величаютъ *ваше преимущество*. Ничего нѣтъ любви достойнѣе и почтеннѣе сей Принцессы Пріомбійской; за столомъ посадила она меня подлѣ себя; оказанное нами отвращеніе ѣсть *Румскихъ* голубей и куропатокъ весьма ее удивило; а *его преимущество* сказалъ намъ: понеже мы были крещены, то надлежитъ намъ непремѣнно ѣсть куропатокъ, и пить монтепулчіанское вино; ибо всѣ Намѣстники Божіи оную пищу всегда употребляли, и что въ семъ состоитъ точный знакъ истинный Христіянинъ.

На что прекрасная *Адатея* отвѣтствовала ему съ природнымъ своимъ чистосердечіемъ: что она никогда не была Христіянкою, и что была креще-

на въ рекѣ Гангѣ. Ахъ Боже мой! государыня моя, сказалъ ей *Прелатъ*: въ Гангѣ, или въ Тигрѣ, или въ купели, до етого намъ нѣтъ никакой нужды; вы теперь уже присообщены къ намъ; понеже вы были обращены въ нашу вѣру отцомъ *фатуто*, и сїе дѣлаетъ намъ великую честь, которой мы не хотимъ лишиться Посмотрите, продолжалъ онъ, какое преимущество законъ нашъ имѣетъ намъ вашимъ; и тотъ часъ послѣ сихъ словъ наклалъ намъ на тарелки рапчиковыхъ и куропаточныхъ крыльевъ. Принцесса пила за наше здоровье и за наше спасенїе; насъ принуждали къ ѣдѣ съ толикою ласкою, насказали намъ столько льстивыхъ словъ, и всѣ за столомъ были столь учтивы, веселы и прелестны, что наконецъ будучи очарованы сею утѣхою, (я прошу въ семъ случаѣ прощенїя у Брамы) мы съ *Адатеею* вкусили сїю сладкую пищу, воз-

намѣрясь твердо, по возращенїи нашемъ въ Индїю погрузить себя въ рѣку Гангу по самые уши; дабы очиститься отъ сего нашего согрѣшенїя. Тогда уже никто больше не сомнѣвался, чтобъ не были мы Христїяне. Надобно думать, говорила Принцесса, что сей отецъ *фатуто* великой Миссїонеръ; мнѣ очень хочется взять его къ себѣ въ духовники. При сихъ словахъ мы оба съ нещастною моею женою закраснѣлись и опустили въ низъ очи.

Отъ времени до времени *Сигнора*, или госпожа *Адатея*, (такъ всѣ ее тогда называли) давала знать, что мы приѣхали въ сей городъ за тѣмъ, чтобъ требовать правосудїя у Намѣстника Божїя, и что она имѣла великое желанїе его видѣть. Его уже нѣтъ на свѣтѣ, сказала намъ Принцесса, онъ недавно умеръ, и теперь всѣ занимаются избра-

нїемъ на его мѣсто другаго ; а какъ скоро онаго изберутъ, тогда представятъ васъ къ *Его Святѣйшеству*. Вы будете зрителями наивеликолепнѣйшаго торжества, каковаго рѣдко кому видать случалось; и при ономъ будете наилучшимъ украшенїемъ. *Адатея* отвѣтствовала на оное весьма разумно, и Принцесса почувствовала къ ней великую склонность.

При окончанїи стола услышали мы преогромную музыку, которая была (естьли смѣю сказать) гораздо превосходнѣе Бенарейской и Мадурейской.

Послѣ обѣда Принцесса приказала заложить четыре позлащенныхъ колесницъ, и посадя насъ съ собою вмѣстѣ въ одну изъ оныхъ, поѣхала для показанїя намъ прекраснѣйшихъ зданїй, статуй и живописи; а вечеромъ по возвращенїи нашемъ въ домъ ея, танцовали.

Я сравнивалъ въ мысляхъ своихъ, сей ласковой прїемъ съ тою глубокою ямою, въ которой были мы заключены въ Гоѣ; и никакъ не могъ постигать, какимъ образомъ одно правленїе и одинъ законъ могли доставлять въ *Румѣ* столько прїятности и утѣхи, а въ отдаленїи отъ онаго исполнять толикїя жестокости и безчеловѣчїя.

ПИСЬМО XII.

Отъ Амабеда.

Между тѣмъ, какъ весь сей городъ раздѣляется тайно на малые заговоры для избранїя Намѣстника Божїя; между тѣмъ, какъ сїи единомышленные заговоры, питаясь одинъ противъ другаго жесточайшею ненавистїю, прикрываютъ себя обманчивымъ видомъ взаимной учтивости, уподобляющейся нелестному

дружеству: и между тѣмъ, какъ весь народъ взираетъ на отцовъ *фатуто* и *фамольто* яко на любимцевъ божества, и повсюду окружая разсматриваютъ насъ съ почтительнымъ любопытствомъ; я предаюсь, дражайшій мой *Шастазидъ*, глубокимъ размышленіямъ о правленіи Румскомъ.

Я сравниваю оное съ тѣмъ обѣдомъ, которой имѣли мы у Принцессы Піомбійской, гдѣ столовая комната была спокойна и прибрана весьма чисто, золото и серебро блистало на питейныхъ шкапахъ; веселость, благоразуміе и ласка одушевляли всѣхъ присудствующихъ за столомъ; но въ кухняхъ, напротивъ того, кровь и жиръ текли ручьями; кожи содранныя съ четвероногихъ животныхъ, перья убитыхъ птицъ и внутренняя ихъ, складенныя въ кучу, возмущали сердце, и заражали смраднымъ своимъ духомъ.

Таковъ есть точно, какъ кажется мнѣ, дворъ *Румскій*; въ срединѣ самаго города люди оказываютъ себя учтивыми и ласковыми, а въ отдаленіи отъ онаго производятъ лютыя жестокости и безчеловѣчія. Когда мы говоримъ, что надѣемся получить правосудіе на отца *фатуто*, то всѣ начинаютъ тихимъ образомъ смѣяться. Намъ говорятъ, что мы будучи столь достойны почтенія, не должны думать о таковыхъ бездѣлкахъ; что *Румское* правленіе имѣя къ намъ великое уваженіе, не можетъ того териѣть, чтобъ мы воспоминали о такомъ гнусномъ поступкѣ; что всѣ *фатуты* и *фамольты* представляютъ изъ себя нѣкоторый родъ обезьянъ со тщаніемъ воспитанныхъ и обученныхъ для того, чтобъ дѣлать смѣшныя движенія передъ народомъ; и при окончаніи сей рѣчи всѣ оказывали къ намъ знаки великой дружбы и поч-

тенія. Что теперь должны мы предпринять великій *Шастазидъ*! мнѣ кажется, что наилучшее изо всего есть то, чтобы смѣяться также, какъ и другіе, и уподобляться имъ въ вежливости и учтивости; однакожъ я хочу по прилежнѣе разсмотрѣть городъ Румъ, ибо онъ весьма стоитъ сего труда.

ПИСЬМО XIII.

Отъ Амабеда.

Уже довольно прошло времени послѣ послѣдняго моего къ тебѣ письма. Я читалъ, разсматривалъ, разговаривалъ и размышлялъ. Божусь тебѣ, что никогда не было на землѣ болѣе противорѣчія и разногласія, какъ между правленіемъ Румскимъ, и ихъ закономъ. Я говорилъ о семъ вчерась съ однимъ Богословомъ покойнаго Намѣстника Божія.

Богословъ при семъ дворѣ значитъ то же, что самые послѣднїе служители въ господскомъ домѣ , которые отправляютъ наиподлѣйшїя должности; выносятъ гнусный соръ изъ покоевъ, и естьли между онымъ попадается имъ какая запачканная тряпица , годная ко употребленїю, то они не могутъ съ оною растаться, и прячутъ къ себѣ для своей нужды.

Я ему говорилъ: вашъ Богъ родился въ ясляхъ, былъ воспитанъ, жилъ и умеръ въ крайней нищетѣ; и сей то самой нищетѣ и безмездїю поучалъ Онъ учениковъ своихъ. Онъ самъ имъ объявлялъ, что не будетъ между ими ни перваго, ни послѣдняго, и что тотъ, кто пожелаетъ начальствовать надъ другими, долженъ послужить имъ.

Но я однакожъ вижу, что здѣсь дѣлаютъ совсѣмъ противное тому, чего требуетъ онъ васъ Богъ вашъ; да

и самое ваше богослуженіе весьма отъ его отлично; ибо вы принуждаете людей платить вамъ дань; чего Богъ вашъ не повелѣлъ.

Все сіе справедливо; отвѣтствовалъ онъ мнѣ. Нашъ Богъ не повелѣлъ точно начальникамъ нашимъ обогащаться раззореніемъ народа, и похищать имѣніе чуждаго; но повелѣлъ то въ иносказательномъ смыслѣ, судя изъ слѣдующихъ сравненій: Онъ родился въ ясляхъ, но три Царя пришли къ яслямъ и Ему поклонились; и такъ сіи три Царя означаютъ всѣхъ тѣхъ Монарховъ, кои преклоняются къ стопамъ нашимъ, и намъ повинуются. Если же ученики Его жили въ нищетѣ, то по тому самому наши начальники должны нынѣ изобиловать богатствомъ; ибо ежели прежде бывшіе Намѣстники Божіи не имѣли болѣе нужды, какъ только въ одномъ

таллерѣ, то напротивъ того нынѣшнїе имѣютъ крайнюю и необходимую нужду въ десяти милїонахъ таллеровъ; а сверьхъ того надобно еще знать, что быть бѣднымъ называется то, чтобъ имѣть одно только нужное; а какъ наши начальники при всемъ своемъ богатствѣ и въ нужномъ имѣютъ недостатокъ, то по сему и исполняютъ они въ самой точности и съ великою строгостїю сей законъ Божїй, поучающїй нищетѣ и безмездїю.

Чтожъ принадлежитъ до Догматовъ, продолжалъ онъ, то хотя нашъ Богъ никогда ничего не писалъ, но мы оные пишемъ: и намъ только однимъ принадлежитъ власть писать всѣ церковныя поученїя, которыхъ со временемъ написали мы очень много, смотря по нуждѣ и обстоятельствамъ. Напримѣръ: бракъ здѣлали мы такимъ дѣломъ, ко-

торое заключаетъ въ себѣ невидимое таинство; слѣдовательно всѣ суды касающїеся до брачныхъ обязательствъ изо всѣхъ странъ Европы присылаются къ намъ въ *Римъ* на разсмотрѣнїе; ибо мы только одни можемъ видѣть вещи невидимыя. Сей есть изобильный источникъ злата, которое течетъ въ нашу освященную казнахранительницу для утоленїя жажды нашего неимущества.

Послѣ сего вопрошалъ я у него: не имѣла ли ихъ освященная казнахранильница другихъ таковыхъ золотыхъ источниковъ? О! мы никакого способа къ тому не упустили, говорилъ онъ; мы получаемъ доходъ и отъ живыхъ и отъ мертвыхъ; напримѣръ: какъ скоро душа преселится отъ сего свѣта, то мы ее отсылаемъ въ больницу, гдѣ повелѣваемъ давать ей лѣкарство въ аптекѣ душъ умершихъ; и вы не можете по-

вѣрить, сколько сїя аптека приноситъ намъ денегъ *. Какъ етому можно статься, государь мой, говорилъ я; ибо мнѣ кажется, что умершей души обыкновенно кошелекъ бываетъ не очень полонъ? То правда, государь мой продолжалъ онъ, но они имѣютъ оставшихся здѣсь сродниковъ, кои отъ всего сердца пожелаютъ освободить души умершихъ своихъ родственниковъ изъ сей больницы, и перевести ихъ оттуда въ прїятнѣйшее мѣсто; ибо весьма прискорбно для души, вѣчно принимать лѣкарство; и такъ мы дѣлаемъ условїе съ живыми, которые покупаютъ у насъ здоровье душамъ умершихъ своихъ срод-

* Здѣсь описывается обрядъ Католицкаго закона, касательно до ихъ чистилища, въ которое какъ полагаютъ они, яко бы души умершихъ тотчасъ по изшествїи изъ тѣла поселяются, для очищенїя отъ грѣховъ, и пребываютъ тамъ до толѣ, какъ будутъ оттуда освобождены чрезъ особливое разрѣшенїе.

никовъ; одни дороже, а другїе дешевле, смотря по состоянїю ихъ имѣнїя; а послѣ того даемъ мы имъ билеты въ ту аптеку, и я увѣряю васъ, что отъ сего торгу наилучшїй доходъ мы получаемъ.

Но скажите мнѣ, милостивый государь, спрашивалъ я у него, какимъ образомъ сїи билеты доходятъ до душъ умершихъ? При сихъ моихъ словахъ онъ громко захохоталъ. До етого намъ какая нужда, сказалъ онъ, мы сїе оставляемъ на попеченїе ихъ сродникамъ; а при томъ не сказалъ ли уже я вамъ, что мы имѣемъ неоспоримую власть надъ вещами невидимыми?

Сей господинъ, кажется мнѣ весьма худымъ почитателемъ своего закона; разговаривая съ нимъ, я весьма многому изучаюсь, и чувствую уже въ себѣ великую перемѣну.

ПИСЬМО IV.

Отъ Амабеда.

Ты долженъ знать дражайшiй мой *Шастазидъ*, что *Цицеронъ*, которому господинъ Прелатъ меня препоручилъ, и о коемъ я къ тебѣ нѣчто писалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, есть человѣкъ обо всемъ довольно свѣдущiй; должность его состоитъ въ томъ, чтобъ показывать иностраннымъ рѣдкости и разныя достопамятности древняго и новаго *Рума*. Онъ разсказывалъ мнѣ, что какъ прежнiй, такъ и нынѣшнiй Румъ всегда повелѣвалъ нѣкоторыми Государями; однакожъ первые *Румляне* приобрѣли свое могущество мечемъ, а послѣднiе перомъ. Военное искусство доставило обладанiе сею Имперiею Цесарю, коего исторiя тебѣ довольно извѣстна; монашеская же хитрость уста-

новила другой родъ самовластія симъ Намѣстникамъ Божіимъ, коихъ именуютъ здѣсь *Палами*. Нынѣ видны только крестные ходы, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде сего бывали торжественные въѣзды. Сіи *Цицероны* обо всемъ ономъ толкуютъ иностраннымъ; они имъ доставляютъ также книги и дѣвокъ; но что принадлежитъ до меня, то я не желая здѣлаться невѣрнымъ прекрасной моей *Адатее*, (хотя я еще и очень молодъ) довольствуюсь одними только книгами; паче же всего стараюсь имѣть точное познаніе о законѣ сей земли.

Я читалъ съ симъ моимъ *Цицерономъ* книгу заключающую въ себѣ описаніе жизни ихъ Бога, которая показалася мнѣ весьма божественною. Ихъ Богъ творилъ многія чудеса; Онъ единымъ своимъ словомъ изсушилъ смоко-

вное дерево: премѣнялъ воду въ вино, и изгонялъ изъ людей бѣсовъ. Тебѣ извѣстно, что Онъ родился въ одной странѣ принадлежащей Императору Румскому. Онъ возбудилъ противъ себя лютѣйшихъ непрїятелей, которые нѣкогда изъ злости спрашивали у него: подлежитъ ли платить дань Императору? на что отвѣтствовалъ онъ имъ: *Воздадите Кесарева Кесарю, а Божїе Богови.* Сей отвѣтъ показался мнѣ весьма премудрымъ; и въ то самое время, какъ мы о семъ говорили съ симъ моимъ *Цицерономъ*, вошелъ къ намъ въ комнату господинъ *Прелатъ*; я признавался ему, сколь великимъ почитаю я ихъ Бога и просилъ его, дабы мнѣ изъяснилъ, какимъ образомъ ихъ казнахранилица столь худо соблюдала сїе Божїе изрѣченїе, оставляя всѣ доходы для себя, ничего не удѣляя изъ оныхъ Императору; ибо надлежитъ тебя увѣдо-

мить, любезный *Шастазидъ*, что хотя *Румляне* и состоятъ во владѣнїи *Намѣстника Божїя*, однакожъ имѣютъ также Императора, которому приписываютъ точный титулъ *Римскаго* Императора: но вотъ что сей разумный мужъ отвѣтствовалъ мнѣ на вопросъ мой.

То правда, что мы имѣемъ Императора; но онъ носитъ одно только сїе имя; ибо онъ совсѣмъ изгнанъ изъ *Рима*, и не имѣетъ въ немъ никакого пристанища; мы оставляемъ его спокойно живущаго подлѣ одной большой рѣки, которая четыре мѣсяца въ году бываетъ покрыта льдомъ, въ такой землѣ, въ коей жители говорятъ особливымъ странным языкомъ, которой раздираетъ слухъ нашъ. Истинный нашъ Императоръ есть *Папа*, понеже онъ одинъ владычествуетъ въ столицѣ сей Имперїи.

И такъ по сему, слово сїе *воздадите Кесарю* : значитъ, воздадите Папѣ ; *воздадите Богу* : значитъ также, воздадите Папѣ; ибо онъ есть дѣйствительный Намѣстникъ Божїй, и онъ одинъ есть обладатель и начальникъ надъ всѣми сердцами и надъ всѣми кошельками. Ежели бы Императоръ обитающїй на берегу великой рѣки, дерзнулъ когда нибудь сказать хотя одно противное слово, то мы бы тогда возмутили противъ его всѣхъ жителей бреговъ сей великой рѣки, кои суть по большой части претолстые ослы, не имѣющїе совсѣмъ разума ; и вооружили бы противъ его другихъ Государей, кои изрядно бы со всѣхъ сторонъ его ощипали.

Теперь ты можешь судить, божественный *Шастазидъ* о разумѣ *Румлянъ*. Здѣсь *Пала* есть то же самое въ большомъ видѣ, что *Далай-Лама* въ

маломЪ. Хотя онЪ и не безсмертенЪ, такЪ какЪ тотЪ *Лама*; однакожЪ болѣе его имѣетЪ власти и могущества вЪ сей жизни; что можно почесть гораздо лучшимЪ. Хотя правда и случается иногда, что зДѣлаютЪ противЪ его сопротивленіе, свергнутЪ его со престола; да хотя и прибьютЪ, или убьютЪ до смерти * во обьятіяхЪ его любовни-

* Папа ІоаннЪ VIII. убитЪ молоткомЪ отЪ одного ревниваго мужа.

ІоаннЪ X. любовникЪ феодоринЪ задушенЪ на постелѣ.

СтефанЪ VIII. заключенЪ былЪ вЪ замкѣ, которой нынѣ называютЪ с. Анжело.

У Стефана IX Римляне изрубили лице саблями.

ІоаннЪ XII свержевЪ со престола ИмператоромЪ ОтономЪ I. и потомЪ убитЪ у одной своей любовницы

БенедиктЪ V. сосланЪ вЪ сылку ИмператоромЪ ОтономЪ I.

БенедиктЪ VII. задушенЪ побочнымЪ сыномЪ Іоанна X.

БенедиктЪ IX, который купилЪ третью часть Папежскаго владѣнія, и послѣ оную часть свою паки перепродалЪ, и по. и пр. они всѣ были безЪ грѣшны.

цы, что напредь сего иногда случалось, то однакожъ и таковое нещастїе иногда не оскорбляетъ божественнаго его сана. Можно ему дать сто ударовъ ремнемъ; но всегда надлежитъ вѣрить словамъ его, а при томъ, хотя Папа и умираетъ, но Папское достоинство безсмертно. Прежде сего было нѣкогда три или четыре Намѣстника Божїя вдругъ, спорившїе о семъ мѣстѣ; тогда божество было раздѣлено между всѣми ими; каждый изъ нихъ имѣлъ свое участїе въ божествѣ, и каждый съ своей стороны почитался безгрѣшнымъ.

Я спрашивалъ потомъ у господина *Прелата*: какою хитростїю дворъ *Римскїй* достигъ до того, что началъ управлять всѣми другими дворами. Очень мало потребно для сего искусства, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, чтобъ разумнымъ людямъ управлять глупыми. Я хотѣлъ

знать, не возмущались ли когда люди против узаконенiй Папскихъ; и онъ мнѣ признавался, что были нѣкогда столь дерзновенные, которые осмѣливались поднимать глаза на сопротивленiе противъ Папы; однакожъ тотчасъ приказывали имъ оные выколоть, или и совсѣмъ нещастныхъ сихъ лишали жизни; и что таковыя возмущенiя до нынѣ ни къ чему болѣе не служили, какъ токмо къ лучшему утвержденiю безгрѣшности на престолѣ истинны.

Наконецъ назначили новаго Намѣстника Божiя. Во изъявленiе сего торжественнаго знака, по всему городу звонятъ въ колокола, бьютъ въ барабаны, играютъ на трубахъ, палятъ изъ пушекъ, и тысяча народныхъ голосовъ совокупно произносятъ громкiя восклицанiя. Я увѣдомлю тебя обо всемъ, что здѣсь увижу.

ПИСЬМО XV.

Отъ Амабеда.

То было 25 числа мѣсяца *Крокодила*, по здѣшнему же счисленію 13 числа планеты *Марса*, или мѣсяца *Марта*, когда люди одѣтые въ красную одежду, и возбужденные Божественнымъ духомъ, избрали безгрѣшнаго мужа * предъ

* Папа по праву божественному, есть на землѣ глава Католицкой церкви, наслѣдникъ С. Петра и Викаріи Іисуса Христа. Будучи въ семъ достоинствѣ, онъ имѣетъ преимущество предъ всѣми Христіянскими Принцами, кои воздаютъ ему наиглубочайшее почтеніе, и не поставляютъ себѣ въ безчестіе унижаться до того, что прежде цѣлуютъ его ноги, по томъ грудь и лице Нунцій и Легаты Папскіе, во время церемоніальнаго хода, шествуютъ впереди у всѣхъ Посланниковъ Христіянскихъ Государей. Хотя временное его могущество не очень важно въ сравненіи съ другими Монархами: но особенное Божіе провиденіе доставило ему столь многія преимущества, кои не будучи вспомоществуемы ни

коимъ какъ я, такъ и *Прелесть очей* должны быть судимы, такъ какъ *Апостата*. Сей земной Богъ называется

какою человѣческою силою поддерживаютъ Апостольской престолъ, которой почитается первымъ престоломъ въ свѣтѣ. Хотя Папа почитается *владѣтелемъ* и не столь сильнымъ, однакожъ въ *богатствѣ* никому не уступаетъ. Всѣ Христіянскія *государства* платятъ ему данъ, и нарочное *злато чрезъ* многочисленные источники втекаетъ въ сундуки Апостольской казнахранительной палаты. Установленные права издаваемыхъ Папою Буллъ, или грамотъ, въ пользу духовныхъ консисторій; причисленіе во святые: а паче отпущеніе грѣховъ, съ отмѣнною бережливостію подаютъ способъ Папѣ *быть владѣтелемъ* наибогатѣйшимъ въ свѣтѣ. По *чему* не *рѣдко* случается, что Папы по смерти своей оставляютъ въ своихъ сундукахъ многіе миліоны денегъ, вмѣсто того, что большая часть другихъ Государей оставляютъ наслѣдникамъ своимъ многіе долги. Самое славнѣйшее и лучшее право, которое имѣетъ Папа, есть безгрѣшность. Ултрамонтане увѣряютъ, что сія сильная глава церкви имѣетъ власть, единъ самъ собою учреждать правила вѣры Католицкой церкви, и что его собственныя рѣшенія долженствуютъ почитаться Оракуломъ; но другіе разумнѣйшіе утверждаютъ, что Па-

Леонъ, десятый по сему имяни. Онъ довольно пригожъ собою, тридцати четырехъ, или тридцати пяти лѣтъ отъ роду, и весьма любви достоенъ; женщины плѣняются имъ до безумія; онъ одержимъ былъ нѣкоею гнусною болѣзнію, которая кромѣ Европы ни гдѣ еще не извѣстна, но Португальцы начали уже заражать оною жителей Индустанскихъ. Всѣ думали, что онъ отъ сей болѣзни умретъ, и для того самаго избрали его въ Папы, дабы сіе блистательное мѣсто опять вскорѣ опустѣло; однакожъ онъ вскорѣ отъ сей болѣзни излѣчился и насмѣхается надъ тѣми, которые его избрали.

па тогда только можетъ почитаться безгрѣшнымъ, когда онъ присудствуетъ на соборѣ всеобщей Христіянской церкви, или когда его указы бываютъ подтверждаемы совершеннымъ согласіемъ другихъ судей православныя вѣры: то есть Епискуповъ сѣдящихъ на своихъ престолахъ.

Ничего не бывало въ свѣтѣ великолѣпнѣе его коронованія; онъ истратилъ при семъ случаѣ около пяти миліоновъ рупіи, для вспомоществованія въ нуждахъ своему Богу, которой въ жизни своей претерпѣвалъ великую нищету! я не могъ ничего къ тебѣ писать отъ громкихъ звуковъ сихъ торжествованій; оныя послѣдовали одни за другими столь поспѣшно, и надлежало повсюду обращать взоры свои на столь многочисленныя забавы, что никакъ не возможно имѣть свободнаго времени къ писанію.

Намѣстникъ Божій *Леонъ* давалъ такія увеселенія и забавы, о коихъ ты никакъ вообразить себѣ не можешь. Есть особливо между оными такая, которую называютъ здѣсь комедіею, и которая нравится мнѣ гораздо лучше всѣхъ прочихъ; оная состоитъ въ представ-

ленiи жизни человѣческой; тутъ изображается живая картина, гдѣ люди между собою разговариваютъ и дѣйствуютъ весьма естественно; изъясняютъ свои пользы, изображаютъ различныя страсти, и трогаютъ душу зрителей.

Комедiя, которую я видѣлъ третьяго дня въ домѣ у Папы, называется *Мандрагора*, содержанiе ея есть слѣдующее: одинъ молодой и хитрой мущина хочетъ склонить къ себѣ въ любовь жену своего сосѣда; онъ склоняетъ на свою сторону чрезъ деньги одного монаха, подобнаго *фатуту*, или *фамольту*, дабы онъ уговорилъ его любовницу, и ввергнулъ бы мужа ее въ смѣшныя сѣти. Во все продолженiе сей комедiи обращается въ смѣхъ тотъ законъ, которой вся Европа исповѣдуетъ, и коему городъ Румъ есть точная средина, а Папа истинный защитникъ.

Таковыя утѣхи, можетъ быть покажутся тебѣ, дражайшій мой и благочестивый *Шастазидъ*, неблагопристойными и соблазнительными. *Прелесть очей* пришла отъ сего зрѣлища въ великое искушеніе; однакожъ комедія была столь хорошо *представлена*, что удовольствіе чувствуемое отъ *оной* преодолѣло всякое искушеніе.

Пиры, танцы, великолепнѣйшіе ходы по здѣшнему закону, и плясуны по веревкамъ, безпрестанно одни за другими послѣдовали; балы въ *особливости* предъ прочими увеселеніями весьма забавны. Каждая званная особа надеваетъ на себя отмѣнное платье и бумажную личину по сверьхъ природнаго лица своего; подъ симъ прикрытіемъ бываютъ иногда нечаянно весьма смѣшныя ошибки. Во время кушанья всегда бываетъ пріятнѣйшая музыка; и наконецъ можно о

сихЪ увеселенїяхЪ сказать, что они имѣютЪ вЪ себѣ нѣчто волшебственное. Мнѣ разсказывали, что одинЪ НамѣстникЪ Божїй, бывшїй предЪ *ЛеономЪ*, называемый *АлександромЪ*, шестой по сему имяни; дѣлалЪ при свадьбѣ одной своей побочной дочери празднество чрезвычайно чудное. ОнЪ заставлялЪ танцовать пятьдесятЪ дѣвокЪ совсѣмЪ нагихЪ *Брахманы* никогда не дѣлали таковыхЪ танцовЪ, и ты изЪ сего видишЪ, божественный *ШастазидЪ*, что каждая земля имѣетЪ свои обычаи. ОбЪемлю тебя сЪ почтенїемЪ и престаю кЪ тебѣ писать для того, что иду танцовать сЪ прекрасною моею *Адатеею*. Да ниспошлетЪ *Бирма* на тебя свои благословенїя.

ПИСЬМО XVI.

От Амабеда.

По истиннѣ великій мой *Брама*, всѣ Намѣстники Божіи бывшіе предъ симъ, не были столь забавны, какъ нынѣшній; весьма утѣшно жить подъ его правленіемъ. Умершій послѣдній Папа именемъ *Юліи* совсѣмъ отмѣннаго былъ отъ сего свойства; онъ былъ старый и безпокойный воинъ, любившій войну до безумія; онъ всегда былъ на лошади, и всегда имѣлъ на головѣ шишакъ; онъ въ одно время раздавалъ свои благословенія и наносилъ шпажные удары; нападалъ на всѣхъ своихъ сосѣдей, проклиналъ ихъ души и убивалъ тѣла ихъ, сколько было его возможности; а напослѣдокъ умеръ и самъ отъ параличнаго удара, пришедшаго къ нему отъ жестокой его запальчивости. Какой это

былъ злой Намѣстникъ Божїй! повѣришь ли ты, что однимъ клочкомъ бумаги онъ мнилъ лишать Государей ихъ владѣнїя! онъ вздумалъ такимъ образомъ свергнуть со престола Короля одной весьма хорошей земли, называемой Францїею. Сей Король былъ очень доброй человѣкъ; а здѣсь почитаютъ его глупымъ по тому, что онъ былъ нещастливъ. Сей злополучный Государь принужденъ былъ собрать нѣкогда наиразумнѣйшихъ людей своего государства *;

* Папа Юлїй II. предалъ проклятїю Короля Французскаго Лудовика XII. въ 1510 году; онъ все Французское Королевство отрѣшилъ отъ церкви, и отдалъ во владѣнїе первому пожелавшему обладать онымъ. Сїе проклятїе и отрѣшенїе отъ церкви было паки возобновлено въ 1512 году; въ нынѣшния времена съ трудомъ могутъ постигнуть сїю чрезмѣрную и смѣшную нагдость и насилїе. Но послѣ Григорїя VII. почти не было ни одного Папы Римскаго, которой бы не опредѣлялъ, или не имѣлъ бы желанїя опредѣлить и свергать со престоловъ всѣхъ владѣтелей по своей волѣ;

и спрашивалъ у нихъ: позволялося ли вооружаться противъ Намѣстника Божїя, который однимъ клочкомъ бумаги свергалъ его со престола? Сїе показываетъ его чрезвычайно уже добрымъ, когда дѣлалъ онъ таковые вопросы! я сообщилъ о семъ моемъ удивленїи тому господину въ фїолетовой одеждѣ, которой обходится со мною дружески. Возможно ли, говорилъ я ему,

---

всѣ тогдашнїе владѣтели заслуживали, чтобъ дѣлать съ ними такїе гнусные поступки; понеже были они столь слабы и безсильны, что сами подтверждали подданымъ своимъ мнѣнїе о безгрѣшности Папы и о власти его надъ всѣми церквами; они сами налагали на себя узы, кои весьма трудно было разрушить. Тогда во всѣхъ земляхъ правленїе подобно было мрачному хаосу наполненному суевѣрїемъ: здравый Разсудокъ весьма уже поздо проникъ до сихъ западныхъ народовъ, которой излѣчилъ нѣсколько ранъ причиненныхъ людямъ симъ гнуснымъ суевѣрїемъ, враждующимъ противъ всего человѣческаго рода; однако же и но нынѣ совсѣмъ тѣмъ много еще глубокихъ рубцовъ осталось.

чтобъ люди были такъ глупы въ Европѣ! я страшусь, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ наконецъ Намѣстники Божіи не употребили до такой крайности во зло человѣческое къ нимъ подобострастіе, что со временемъ будутъ изъ милости награждать всѣхъ разумомъ.

Надобно думать, что было много превратностей и возмущеній въ законѣ Европейскомъ. Но вотъ что наиболѣе тебя удивитъ, мудрый и проницательный *Шастазидъ*, что не было никакого возмущенія во владѣніи Намѣстника Божіяго *Александра*, царствовавшаго предъ Юліемъ; онъ повелѣвалъ умерщвлять, вѣшать, утоплять въ рѣкѣ, и отправлять ядомъ, безъ всякаго сопротивленія всѣхъ сосѣдственныхъ владѣтелей. Одинъ изъ пяти его побочныхъ сыновей былъ орудіемъ сихъ безчеловѣчныхъ злодѣяній, предъ очами всей Италіи; но какимъ образомъ народы пре-

бывали безмятежно въ законѣ сего чудовища! сей - то самый заставлялъ танцовать дѣвокъ безъ всякаго излишняго украшенія, и сіи его соблазнительныя нелѣпости должны бы были возбудить въ людяхъ къ нему великое презрѣніе; его жестокости долженствовали бы изострить противъ его тысячу кинжаловъ; однакожъ не взирая ни на что, жилъ онъ почтеннымъ и спокойнымъ при дворѣ своемъ. Причина тому, по моему мнѣнію есть та, что священники получали себѣ прибыль отъ всѣхъ его злодѣяніи; а народъ ничего тутъ не терялъ; ибо какъ скоро народъ почувствуетъ какое - либо излишнее отягощеніе, тогда разрываетъ свои узы и выходитъ изъ предѣловъ. Сто ударовъ здѣланныхъ великимъ тараномъ, никакъ не могутъ поколебать огромнаго *Колосса*, а можетъ быть, одинъ небольшой камень повержетъ его на землю.

Сїе говорятъ здѣсь остроумные люди, думающїе предвозвѣщать о будущемъ.

Наконецъ всѣ торжества пришли ко окончанїю: не много требуется для сего времени; ибо ничто такъ человѣка не утруждаетъ, какъ чрезвычайныя веселости продолжающїяся непрерывно; одни только нужныя потребности, могутъ повсядневно приносить удовольствїе. Препоручаю себя твоимъ святымъ молитвамъ.

ПИСЬМО XVII.

Отъ Амабеда.

Безгрѣшный мужъ пожелалъ меня съ *Прелестїю очей* видѣть наединѣ. Нашъ господинъ *Прелатъ* повелъ насъ въ его дворецъ; онъ заставлялъ насъ три раза становиться на колѣни. Намѣстникъ Божїи давалъ намъ цѣловать свою пра-

вую ногу, надсѣдаясь отъ смѣха. Онъ спрашивалъ у насъ: правда ли то, что отецъ *фатуто* обратилъ насъ въ ихъ вѣру, и истинные ли мы были Христіяне. Жена моя отвѣтствовала, что отецъ *фатуто* былъ наглой обманщикъ, и Папа при семъ отвѣтѣ еще болѣе смѣялся; онъ два раза поцѣловалъ мою жену и меня также.

По томъ приказалъ онъ намъ сѣсть подлѣ маленькой скамеечки, на которую кладетъ онъ для цѣлованія свою ногу; онъ спрашивалъ у насъ: какимъ образомъ любятся въ Бенарее? въ какихъ лѣтахъ обыкновенно дѣвокъ выдаютъ тамъ за мужъ? и имѣлъ ли великой Брама у себя сераль? жена моя краснѣлась, а я отвѣчалъ на его вопросы съ почтительною скромностію. Наконецъ онъ насъ отъ себя отпустилъ, препоручая намъ хранить Христіянскій

законъ, обнявъ насъ и потрепавъ съ зади, въ знакъ своего благоволенія. Выходя отъ него, встрѣтилися мы съ отцами *фатутомъ* и *фамольтомъ*, которые цѣловали полу нашего платья. Первое побужденіе досады потревожившее наши души, понудило меня и жену мою отступить назадъ отъ ужаса и омерзенія; но *Прелатъ* намъ говорилъ: вы не совсѣмъ еще приобучили себя къ любви Христіянской; вамъ непремѣнно должно оказать нѣкоторыя ласки симъ преподобнымъ отцамъ; ибо въ семъ состоитъ истинная должность Христіянина, чтобъ цѣловать и самыхъ злѣйшихъ враговъ своихъ. Послѣ при первомъ удобномъ случаѣ, вы можете ихъ отравить ядомъ, ежели вамъ то удастся; но во ожиданіи того времени должны вы оказывать къ нимъ хорошую дружбу и снисхожденіе; и такъ послушавъ его, я ихъ обнялъ и поцѣловалъ; но *Прелесть очей*

здѣлала имъ одимъ только весьма худой поклонъ, и *фатуто* взиралъ на нее прищуривая глазъ, и поклонившись ей при томъ почти до самой земли В е сїе кажется намъ совершеннымъ волшебствомъ. Мы непрестанно всему здѣсь удивляемся; по истиннѣ я сомнѣваюсь, чтобъ Мадурея была лучше и приятнѣе Рума.

ПИСЬМО XVIII.

Отъ Амабеда.

Нѣтъ никакого правосудїя на отца *фатуто*! вчерашнїй день наша маленькая *Дера* вознамѣрилася по утру изъ любопытства итти въ здѣшнїй храмъ. Собранный народъ стоялъ тамъ на колѣняхъ; *Брама* сей земли одѣтый въ великолѣпной одеждѣ стоялъ задомъ, преклонившись къ престолу: но какъ послѣ того обратился онъ лицемъ, то

Дера признавъ въ немъ отца *фатуто*, вскричала: вотъ плутъ, который насъ обезчестилъ. По щастїю будучи объята своею горестїю и удивленїемъ выговорила она сїи слова на Индѣйскомъ языкѣ; а ежели бы сказала то по Италїянски, то безсомнѣнїя весь народъ бросился бы на нее какъ на преступницу. *Фатуто* услышавъ сїе, сказалъ ей на Италїянскомъ языкѣ: *дочь моя! да будетъ благодать Божїя съ тобою, говори тише.* Она возвратясь въ великомъ замѣшательствѣ, расказывала намъ о семъ приключенїи. Наши друзья совѣтовали намъ не приносить никогда нашей жалобы; они намъ говорили, что отецъ *фатуто* есть мужъ освященный, о которомъ никогда неподлежитъ говорить худо. Что теперь мы предпрїимемъ? дражайшїй мой *Шастазидъ*; что зделано, того уже возвратить не мож-

но; мы вкушаемъ съ терпѣнiемъ всѣ предлагаемыя намъ здѣсь утѣхи; каждый день открываются глазамъ нашимъ чудныя вещи, о коихъ прежде не имѣли мы никакого понятiя. Въ путешествiяхъ многому можно научиться.

На сихъ дняхъ прiѣхалъ къ *Леонову* двору одинъ великiй стихотворецъ: именемъ *Арiосто*, который очень не любитъ монаховъ, и говоритъ объ нихъ очень худо.

Я самъ признаю за справедливость сказанное симъ *Арiостомъ*, что Французскiе монахи плуты и обманщики: но не знаю по чему онъ объ нихъ думаетъ, будто они любви не знаютъ. Увы! мы весьма плачевные сему видѣли опыты. Можетъ быть, онъ чрезъ сiи слова разумѣетъ то, что они только наслаждаются любовнымъ удовольствiемъ, а не совершенно любятъ.

ПИСЬМО XIX.

Отъ Амабеда.

Уже нѣсколько тому дней, дражайшїй мой *Брама*, какъ я къ тебѣ не писалъ; причиною тому чрезмѣрныя ласки, которыми насъ совсѣхъ сторонъ здѣсь осыпаютъ. Нашъ господинъ *Прелатъ* далъ намъ великолѣпный обѣдъ, гдѣ были еще два господина, одѣтые съ головы до ногъ въ красное; которыхъ чинъ называется *Кардиналъ*, такъ какъ бы сказать: *петля у дверей*, одинъ изъ нихъ называется *Кардиналъ Сакриланте*, а другой *Кардиналъ Факинетти*; они суть первейшїе люди по Намѣстникѣ Божїемъ, по чему и величаютъ ихъ Намѣстниками Божїя Намѣстника. Они имѣютъ право, которое безсомнѣнїя есть божественное, быть равными со всѣми Государями, предпочтительнѣе предъ

Принцами крови; а паче всего обладать неизмѣримымъ богатствомъ. Они весьма сего достойны въ разсужденіи великой пользы доставляемой ими свѣту.

Сіи два весьможа обѣдавъ съ нами, предлагали намъ ѣхать съ ними для препровожденія нѣсколькихъ дней въ ихъ загородные домы; ибо каждый изъ нихъ одинъ предъ другимъ напрерывъ старалися наиболѣе оказать намъ ласки. Споривши между собою наиприятнѣйшимъ образомъ въ преимуществѣ, кому кого изъ насъ взять къ себѣ, наконецъ рѣшились, чтобъ *Факинетти* взялъ къ себѣ прекрасную *Адатею*; а мнѣ должно было слѣдовать за *Сакрилантіемъ*, съ тѣмъ при томъ условіемъ, что на другой день они нами перемѣнятся; на третій же день, чтобъ всѣмъ намъ четверымъ собраться вмѣстѣ, и *Дера* туда же за нами послѣдовала. Не знаю ка-

кимЪ образомЪ мнѣ тебя извѣстить о томЪ , что сЪ нами тамЪ случилось ; однакожЪ я постараюсь сїе исполнить.

Здѣсь кончится списокЪ сЪ писемЪ *Амабеда* ; искано было во всѣхЪ книгохранилищахЪ МадурейскихЪ и БенарейскихЪ продолженїя сихЪ писемЪ ; однакожЪ по многимЪ исканїямЪ точно увѣрились , что оныхЪ ни гдѣ не находилось.

И такЪ, ежели кто когда - либо подложно напечатаетЪ остатокЪ путешествїй сихЪ двухЪ младыхЪ *ИндейцевЪ*; новыя письма *Амабедовы* , или новыя письма *Прелести очей*, и о отвѣты на оныя великаго *Брамы Шастазида* , то читатель можетЪ быть увѣренЪ, что его оными обманываютЪ , и чтенїемЪ ихЪ наводятЪ только скуку ; какЪ то нѣсколько уже разЪ со многими случалось !

XI.

О вѣтренности и легкомысліи.

Наиболѣе увѣряетъ меня въ Божіемъ провидѣніи, (говорилъ глубокомысленный сочинитель книги, называемой. *Паша Биллебокетъ*) то, что для утѣшенія насъ въ безчисленныхъ нашихъ горестяхъ, природа произвела насъ вѣтренными и легкомысленными. Иногда бываемъ мы глупѣйшими скотами, отягченными жесточайшимъ игомъ, не имѣя возможности, онаго съ себя свергнуть; иногда робкими птенцами, убѣгающими съ трепетомъ отъ хищныхъ ястребовъ, обагренныхъ кровію нашихъ ближнихъ; иногда лисицами преслѣдуемыми собаками, а иногда свирѣпыми тиграми, другъ друга пожирающими; по томъ вдругъ здѣлавшись бабочками, я летая туда и сюда, позабываемъ о всѣхъ нещастіяхъ нами претерпѣнныхъ.

Ежели бы мы не были вѣтрены и легкомысленны, то какой бы человѣкъ могъ жить безъ ужаса въ такомъ городѣ гдѣ сожгли нѣкогда *Марталыцу*, *Штатсъ-даму* одной Королевы за то, что убила она бѣлаго пѣтуха при лунновъ сїянїи? могъ ли бы кто жить въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ Маршалъ *Демориллакъ* былъ умерщвленъ торжественно, по приговору кровожаждущихъ судей, подкупленныхъ однимъ попомъ въ собственномъ его загородномъ домѣ, гдѣ сей попъ съ *Марїанною Делормъ* забавлялся любовными утѣхами; между какъ подкупленные имъ исполняли безчеловѣчное его желанїе?

Возможно ли бы было помыслить, не почувствуя трепета во всѣхъ своихъ членахъ, и сказать самому себѣ; вотъ я теперь въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ; гдѣ носимы были умершїе и уми-

рающіе тѣла двухъ тысячь молодыхъ дворянъ, убитыхъ въ предмѣстіи С. *Антонія*; по причинѣ той, что одинъ человѣкъ покрытый красною одеждою не понравился нѣкоторымъ людямъ облеченымъ въ черную ризу?

Кто бы могъ пройти въ Парижѣ по улицѣ de la ferronerie безъ пролитія слезъ, и непочувствуя жестокаго гнѣва противъ тѣхъ гнусныхъ (почитаемыхъ божественными) произшествій, чрезъ кои пронзили грудь наилучшаго изъ всѣхъ человѣковъ и наидобродѣтельнѣйшаго Государя?

Не можно бы было ступить ни одного шага по всѣмъ улицамъ города Парижа, въ день С. Варфоломея, не сказавъ: здѣсь то умерщвленъ былъ одинъ мой предокъ за любовь Божію; здѣсь то влеченъ былъ весь окровавленный дѣдъ моей матери, здѣсь то одна по-

ловина сограждан моих умертвила другую.

Но по щастію люди суть столь легкомысленны, столь поражены настоящим, и столь нечувствительны к прошедшему, что из десяти тысяч едва ли сыщется два, или три, кои углублялись бы в таковыя размышленія.

Сколько видал я таких забавных людей, кои лишившись своих дѣтей, своей любовницы, и большой части своего имѣнія; слѣдственно всего того, что было для них наилучшаго; а при том и многих своих членов в разных болѣзнях; сверьх же того будучи от всѣх измѣнены и оставлены, дѣлали еще свои разсужденія о новой театральной Піесѣ и за ужином разсказывали смѣшныя и забавныя басни. Твердость и постоянство состоит в единообразіи мыслей. Человѣк основа-

тельный и разумный, какъ говорятъ, долженъ всегда мыслить одинакаго; но ежели бы люди всегда были таковыми, то гораздо бы было лучше совсѣмъ на свѣтъ не родиться.

Древнїе ничего не могли лучше вы- думать, какъ заставлять пить воду изъ рѣки забвенїя тѣхъ, кои должны были обитать въ поляхъ Елиссей- скихъ.

О смертные! естьли хотите зде- лать жизнь вашу сносною, то позабы- вайте обо всемъ огорчительномъ, а луч- ше забавляйтесь и веселитесь.

XII.

О законѣ Квакеровъ.

Я думалъ, что познанїе и изслѣдованїе произхожденїя столь чрезвычайнаго народа, каковы суть *Квакеры*, заслуживали нѣкоторымъ образомъ, любопытство разумнаго человѣка; и такъ, дабы о семъ извѣститься, поѣхалъ я къ одному наиславнѣйшему *Квакеру* въ Англїи, который съ тридцать лѣтъ обращаяся въ торговлѣ, умѣлъ наконецъ предположить границы, какъ щастїю, такъ и своимъ желанїямъ, и удалился жить въ одну деревню, не подалеку отъ Лондона. Я поѣхалъ къ нему въ сїе его уединенїе, гдѣ имѣлъ онъ хотя небольшой, однакожъ хорошо выстроенной и довольно чисто прибраной домъ. Сей *Квакеръ*, (которой назывался Андрей Тишъ) былъ старикъ весьма свѣжаго и здороваго сложенїя; онъ во всю жизнь

свою не имѣлъ никакой болѣзни, по тому что никогда не бывалъ подверженъ, ни страстямъ, ни вредной неумѣренности. Я въ вѣкъ мой не видывалъ человѣка столь благороднаго и благосклоннаго вида, каковъ былъ оный *Квакеръ*; онъ былъ одетъ, такъ какъ и всѣ его законы, въ платье безъ фалдъ, на которомъ ни на обшлагахъ, ни на клапанахъ совсѣмъ не было пуговицъ, на головѣ же его была большая распущенная шляпа, подобно какъ у священниковъ Французскихъ. Онъ встрѣтилъ меня не снимая съ головы своей шляпы, и подходя ко мнѣ не дѣлалъ нималаго уклоненія; ни тѣломъ, ни головою; однакожъ являлося болѣе учтивости, откровеннаго вида и человѣколюбія въ лицѣ его, нежели мы оказываемъ оныхъ въ нашемъ обыкновеніи шаркать по полу ногами, державъ въ рукѣ то, что зделано для прикрытія головы нашей. Я вижу, другъ

мой, говорилъ онъ мнѣ, что ты иностранецъ; ежели могу я быть тебѣ въ чемъ полезенъ, то тебѣ только стоитъ выговорить мнѣ о томъ одно слово. *Государь мой!* говорилъ я ему, поклоняясь весьма низко, и выступя передъ него одною ногою, слѣдуя нашему обыкновенїю; я льщу себя, что мое справедливое любопытство не будетъ вамъ противно, и что вы не откажете мнѣ здѣлать честь, научить меня вашему закону. Люди твоей земли, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, употребляютъ очень много излишнихъ учтивостей и поклоновъ; однакожъ до сихъ поръ не видалъ я еще ни одного, которой бы имѣлъ подобное твоему любопытство; войди ко мнѣ и отобѣдай со мною вмѣстѣ. Я здѣлалъ ему еще нѣсколько дурныхъ комплиментовъ, ибо вдругъ не возможно отстать отъ своихъ привычекъ; и послѣ довольно умѣреннаго и здороваго обѣда, ко-

торой какъ при началѣ, такъ и при концѣ сопровождаемъ былъ молитвою къ Богу, я дѣлалъ хозяину моему разные вопросы: . . . на кои отвѣтствуя сей святый мужъ, весьма явнымъ образомъ криво перетолковывалъ многїе стихи изъ Священнаго Писанїя, которые казалися защищающими его вѣру; но отъ искреннѣйшаго и добраго сердца позабывалъ другїе стихи изъ онаго же писанїя, кои опровергали и совсѣмъ уничтожали его мнѣнїе. Я весьма остерегался ему противорѣчить, ибо ни въ чемъ не возможно увѣрить бѣснующагo человѣка. Никогда не должно говорить любовнику о недостаткахъ его любовницы, ни челобитчику о несправедливости его прошенїя, ниже превозносящемуся своимъ разумомъ о здравомъ разсудкѣ. И такъ оставя сїе обращался я къ другимъ вопросамъ . . . Онъ сказывалъ мнѣ, что они не приносятъ никакихъ жертвъ Богу,

кромѣ чистымъ сердцемъ своихъ, и при ономъ еще во многомъ ссылался на Священное Писанїе; говорилъ изрядную проповѣдь въ возраженїе противу нашего богослуженїя, и изъяснялся мнѣ съ видомъ человѣка боговдохновеннаго, дабы доказать истинну своего закона. Отпусти, говорилъ онъ, моему невѣденїю, я тебѣ и сотой части не предложилъ доказательствъ моего закона, а ты можешь видѣть точныя изъясненїя нашей вѣры въ книгѣ сочиненной *Робертомъ Барклаемъ*, которая есть наилучшая книга, изшедшая изъ рукъ человѣческихъ; наши непрїятели увѣряютъ, яко бы она для чтенїя весьма опасна, а сїе то самое и доказываетъ, сколь должна она быть преисполнена истинными и разумными правилами. Я ему обѣщалъ прочитать сїю книгу, и мой *Квакеръ* почелъ меня совсѣмъ уже обратившимся въ ихъ вѣру. Наконецъ въ короткихъ словахъ

изъяснялъ онъ мнѣ о нѣкоторыхъ отмѣнныхъ и странныхъ обрядахъ, приводящихъ оную вѣру у другихъ въ презрѣнїе. Признайся, говорилъ онъ, что ты съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха, когда я на всѣ оказанные тобою мнѣ учтивости, отвѣтствовалъ, не снимая съ головы моей шляпы и говорилъ тебѣ просто *ты*, а не *вы*; однакожъ ты мнѣ кажешся человѣкомъ въ наукахъ довольно просвѣщеннымъ, чтобъ не знать того, что въ то время, когда былъ во плоти Спаситель нашъ *Іисусъ Христосъ*, никакой народъ не имѣлъ сего смѣшнаго обыкновенїя прилагать множественное къ лицу единственному; тогда и самому Кесарю Августу говорили: *я тебя люблю, я тебя прошу, я тебя благодарю*; онъ даже не могъ терпѣть и того, чтобъ называли его Государемъ, и уже долгое время спустя послѣ его, люди начали другъ другу го-

ворить вы на мѣсто *ты*, такъ какъ бы были они двойственные, и присвоивать безумные титулы *сїятельства*, *святѣйшества* и почти самаго божества, которые земные черви другимъ таковымъ же червямъ земнымъ приписываютъ, увѣряя при томъ ихъ, что они пребываютъ съ глубочайшимъ почтенїемъ, (хотя то и совсѣмъ ложно) ихъ покорнѣйшїе и послушнѣйшїе слуги. И такъ дабы быть наиболѣе безопасными отъ сихъ безчестныхъ сообщенїй гнуснѣйшихъ лжей и ласкательныхъ обмановъ, мы не иначе говоримъ какъ *ты*, равно и знатнымъ вельможамъ и угольникамъ, и никому никогда не кланяемся, оказывая къ людямъ одну токмо Христїянскую любовь; а почтенїе наше относится къ божественнымъ законамъ.

Мы носимъ также и платье отъ другихъ нѣсколько отличное, дабы оное служило для насъ непрестаннымъ напоминанїемъ, что мы ни въ чемъ имъ не подобны. *Другїе* носятъ на себѣ знаки своихъ достоинствъ, а мы имѣемъ знакъ любви *Христїянской*. Мы тщательно убѣгаемъ отъ всѣхъ увеселительныхъ собранїй, отъ публичныхъ зрѣлищъ и отъ игръ, ибо мы были бы весьма достойны сожалѣнїя, когда бы таковыми бездѣлками наполняли наши сердца, въ которыхъ единъ токмо Богъ обитать долженъ. Мы никогда не употребляемъ ни клятвъ, ни присяги, даже и въ самыхъ мѣстахъ присудственныхъ; понеже мы думаемъ, что имя Всевышняго не должно быть поруганно употребленїемъ въ нещастныхъ раздорахъ человѣческихъ. Буде когда надлежитъ намъ явиться предъ судей для

ходатайствованія по дѣламъ другихъ, (ибо мы никогда собственныхъ судебныхъ дѣлъ не имѣемъ,) то мы утверждаемъ справедливость однимъ только словомъ *да, или нѣтъ*, и судьи на семъ единомъ нашемъ словѣ увѣряются. Мы также никогда не ходимъ на войну; не для того, чтобы мы страшились смерти, напротивъ того мы ублажаемъ ту минуту, которая вѣчно соединитъ насъ съ Существомъ всѣхъ существъ; но для того, что мы не рождены ни тиграми, ни волками, а человѣками и Христіанами. Нашъ Богъ повелѣвающій намъ любить враговъ нашихъ и безъ роптанія сносить всѣ напасти въ здѣшней жизни на насъ ниспосылаемые, безъ сомнѣнія не желаетъ, чтобы мы переѣзжали моря для умерщвленія братій нашихъ за то, что человѣкоубійцы одетые въ красное платье, и имѣющіе на головахъ своихъ шапки вышн-

нею въ два фута, набираютъ воиновъ изъ сограждань своихъ, производя громъ ударенїемъ маленькими двумя палочками по ослиной крѣпко натянутой кожѣ; и когда послѣ побѣдоносныхъ сраженїй весь городъ Лондонъ украшается разноцвѣтными увеселительными огнями, когда небо освѣщается огненными ракетами, и когда весь воздухъ наполняется благодарнымъ шумомъ отъ грома колоколовъ, органовъ и пушекъ, тогда мы въ безмолвїи произносимъ жалостныя стенанїя о сихъ убїйствахъ, причиняющихъ вообще удовольствїе.

Таковъ почти былъ разговоръ, которой имѣлъ я съ симъ чуднымъ человѣкомъ; но я еще болѣе удивился, какъ въ слѣдующее воскресенье повелъ онъ меня въ свою *Квакерскую* церковь. Они имѣютъ многїе молитвенные домы въ Лондонѣ; а оная церковь, въ которую

я съ нимъ ходилъ стоитъ не подалеку отъ того славнаго столпа, называемаго монументомъ. Тамъ всѣ уже были собраны, когда вошелъ я туда съ моимъ предводителемъ, и было около четырехъ сотъ мущинъ и съ триста женщинъ. У всѣхъ женщинъ лица были закрыты, а мущины имѣли на головахъ своихъ широкія распущенныя шляпы; всѣ они сидѣли въ глубокомъ молчаніи, и какъ проходилъ я посреди ихъ, то ни одинъ изъ нихъ не обратилъ на меня своихъ взоровъ. Сіе молчаніе продолжалося съ четверть часа, а наконецъ одинъ изъ нихъ всталъ съ мѣста, скинулъ съ головы своей шляпу и испуская вздохи, произнесъ съ кривляніемъ половину ртомъ, а половину въ носъ нѣсколько вздорныхъ словъ, взятыхъ, по его мнѣнію, изъ Евангелія; но изъ которыхъ ни онъ самъ, и никто изъ слушателей ничего не разумѣли. Когда же сей крив-

дяльщикъ окончилъ свою прекрасную рѣчь, и когда все собранїе съ ужасомъ и изумленїемъ раздѣлясь на двое, очистило ему къ выходу свободной путь, тогда спросилъ я у моего путеводителя: почто разумнѣйшїе изъ нихъ сносили терпѣливо таковыя безумїя? Мы находимся принужденными оное терпѣть, говорилъ онъ мнѣ; ибо мы не можемъ точно знать, что тотъ которой такимъ образомъ стремительно вскоча съ мѣста своего, дѣлаетъ различныя движенїя, бываетъ возбужденъ духомъ святымъ или безумїемъ: и такъ будучи въ таковомъ состоянїи, мы слушаемъ все терпѣливо, да и женщинамъ говорить также иногда позволяемъ; часто случается, что по два и по три вдругъ такимъ образомъ бываютъ возбуждаемы, и тогда-то происходитъ изрядный шумъ въ дому Господнемъ. Развѣ нѣтъ у васъ священниковъ, спросилъ я

у него? нѣтъ, другъ мой, отвѣтствовалъ мнѣ *Квакеръ*, и мы тѣмъ почитаемъ себя довольно щастливыми; тогда закрывъ законную свою книгу, читалъ онъ въ ней съ восхищенiемъ сiи слова: *Избави насъ Боже! чтобы мы позволили въ воскресный день призывать къ себѣ Святаго Духа кому другому со изключенiемъ всѣхъ правовѣрныхъ нашихъ собратiй. Благодаримъ Всевышняго, что мы единые токмо на землѣ не имѣемъ у себя священниковъ. Захочешь ли Ты, о великiй Боже! лишить насъ сей щастливой отъ всѣхъ другихъ народовъ отличности. Почто предавать намъ нашихъ младенцевъ кормилицамъ наемнымъ, когда дома у себя имѣемъ мы млеко для ихъ питанiя? Таковые наемщики вскорѣ возымѣли бы сильную власть въ нашемъ домѣ, и начали бы притѣснять и са-*

михъ матерей, равно какъ и младенцевъ Самъ Богъ сказалъ въ Евангелiи: туне прiясте, туне дадите. И такъ *послѣ сихъ божественныхъ словесъ должны ли мы торговать Евангелiемъ, продавать Святаго Духа и изъ собранiя Христiянъ дѣлать торжище? для сего самаго мы никогда не платимъ денегъ людямъ одетымъ въ черное платье за то, чтобъ помогали они нашимъ бѣднымъ, чтобъ погрѣбали нашихъ умерщихъ, и чтобъ проповѣдывали слово Божiе правовѣрнымъ; сiи священныя должности для насъ весьма суть драгоцѣнны, чтобы согласились мы налагать оныя на другихъ, а не на самихъ себя.* Но какъ можете вы познать, спрашивалъ я, что то истинно Духъ Святый въ рѣчахъ вашихъ васъ возбуждаетъ? буде кто, говорилъ онъ, помолитъ Бога, дабы Онъ его про-

свѣтилъ, и естьли кто будетъ возвѣщать чувствуемыя имъ Евангельскія истинны, то въ семъ случаѣ мы точно бываемъ увѣрены, что онъ возбужденъ самимъ Богомъ. Тогда онъ засыпалъ меня многими доказательствами изъ Священнаго Писанія, кои по его мнѣнію утверждали, что нѣтъ никакого Христіянскаго закона безъ истиннаго откровенія, и еще къ тому присовокупилъ сіи примѣчанія достойныя слова: когда ты дѣлаешь движеніе твоихъ членовъ, то собственная ли твоя сила производитъ сіе движеніе? конечно нѣтъ; ибо члены твои часто дѣлаютъ сами собою невольныя движенія; и такъ безъ сомнѣнія тотъ, кто создалъ твое тѣло, управляетъ и его движеніемъ: также и мысли раждающіяся въ душѣ твоей, самъ ли ты составляешь? еще меньше; ибо оныя приходятъ къ тебѣ напротивъ твоей воли; по чему и доказательно,

что Сотворитель души твоей вселяетъ въ тебя всѣ твои помышленія; а поелику Онъ даровалъ сердцу твоему совершенную волю, то слѣдуя тому подаетъ и разуму твоему такія мысли, каковыхъ сердце твое можетъ быть достойно: и такимъ-то *образомъ* ты живешь, дѣйствуешь и мыслишь *въ Богѣ*; тебѣ токмо довлѣетъ обратить взоры твои къ сему божественному свѣту, просвѣщающему всѣхъ человѣковъ, и тогда ты узришь истинну, которую и другимъ показать можешь. Ахъ! вотъ точныя мысли отца *Малебранша*, вскричалъ я. Я знаю твоего *Малебранша*, сказалъ онъ, онъ былъ нѣсколько *Квакеръ*, однакожъ не совсѣмъ слѣдовалъ нашему закону. О сихъ-то наиважнѣйшихъ вещахъ, касающихся до *Квакерскаго* закона извѣстился я отъ онаго *Квакера*, а теперь приступлю ко описанію начальнаго ихъ

происхожденія, которое безъ сомнѣнія покажется читателю еще чуднѣе онаго объясненія о ихъ законѣ.

XIII.

О начальномъ происхожденiи Квакеровъ.

Квакеры дѣлаютъ свои лѣтосчисленiя отъ Iисуса Христа. Они увѣряютъ, что по смерти Iисусовой законъ былъ совсѣмъ поврежденъ, и пребылъ въ таковомъ поврежденiи около 1600 лѣтъ, однакожъ всегда находилося въ свѣтѣ по нѣскольку сокровенныхъ Квакеровъ, кои старалися сохранять священный огнь во всѣхъ другихъ мѣстахъ погашенный, до самаго того времяни, какъ въ 1642 году сей блистательный лучь просiялъ въ Англiи.

Въ то время, какъ три или четыре разныя секты раздирали Великобританiю междоусобными воинами, воспрiятыми за имя Божiе, нѣкто изъ Лейчестерскаго Графства, называемый Ге-

оргій фоксъ, сынъ одного ремесленника, вознамѣрился проповѣдывать слово Божїе прямо по Апостольски, то есть не умѣя ни читать, ни писать. Онъ былъ молодой человѣкъ, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, весьма тихаго нрава и совершенно глупый святоша; онъ одетъ былъ съ ногъ до головы звѣриною кожею, и бродилъ изъ одного селенїя въ другое, вопія противъ войны и духовенства. Ежели бы онъ проповѣдывалъ противъ однихъ только людей военныхъ, то нечего бы было ему страшиться: но какъ равнымъ образомъ вооружался онъ и противъ особъ духовныхъ, то вскорѣ за сїе засаженъ былъ въ тюрму и представленъ предъ судїю въ Дарбїи. Фоксъ предсталъ предъ онаго судїю, имѣя на головѣ своей кожаную шапку; сержантъ стоявшїй у дверей судейской палаты далъ ему превеликую пощочину, сказалъ: бродяга! не долженъ ли ты

знать, что предъ господиномъ судїею надлежитъ предстоять съ откровенною главою? *Фоксъ* тотчасъ поворотясь другою щекою, просилъ сержанта, чтобъ онъ пожаловалъ наградилъ его другою пощочиною изъ любви къ Богу. Судїя Дарбїйской прежде допроса хотѣлъ его привести къ присягѣ; но онъ ему сказалъ: другъ мой, вѣдай, что я никогда не прїемлю имяни Господа моего всуе. Судья видя, что сей человѣкъ говорилъ съ нимъ такъ неучтиво, отослалъ его въ домъ безумныхъ, гдѣ приказалъ его высѣчь розгами. *Георгїй Фоксъ* шелъ во оный домъ съ прославленїемъ Бога, и тамъ не преминули исполнить надъ нимъ съ жестокостїю судейское повелѣнїе; но тѣ, которые его сѣкли, въ великое приведены были удивленїе, когда онъ ихъ просилъ, чтобъ они прибавили ему еще нѣсколько ударовъ для блаженства души его. Сїи господа немедлен-

но исполнили его прозьбу; и такъ *Фоксъ* получа двойное наказанiе, весьма искренно за что ихъ благодарилъ, и началъ послѣ того дѣлать имъ свое поученiе. Съ начала они тому смѣялись, по томъ слушали его внимательно, а какъ наконецъ говорилъ онъ имъ съ великимъ восторгомъ, то многiе были увѣрены его словами, по чему и здѣлалися тѣ, которые его сѣкли, первѣйшими его учениками. Освободясь изъ своего заключенiя, бѣгалъ онъ по полямъ съ двенадцатью человѣками обращенными въ его вѣру, непрестанно проповѣдуя противъ духовенства, и неоднократно бывъ сѣченъ. Нѣкогда будучи привязанъ къ столбу, говорилъ онъ рѣчь ко всему народу столь разумно и краснорѣчиво, что обратилъ къ себѣ человѣкъ съ пятьдесятъ изъ своихъ слушателей; а наконецъ и весь окружающiй его народъ вступившись за

него, поспѣшно отвязалъ его отъ столба, а того Аглинскаго священника, который старался о осужденіи *Фокса* къ сему наказанію, взявъ привязалъ на его мѣсто.

Онъ дерзнулъ также обратить къ себѣ нѣсколько воиновъ *Кромвелевыхъ*, которые слѣдуя его ученіямъ оставили совсѣмъ употребленіе оружія и отказались отъ присяги. Крамвелю весьма не нравилась такая секта, въ которой запрещалося употреблять оружіе; а тѣмъ паче, что Папа *Downloadъ* V. прорицалъ дурныя слѣдствія отъ оной секты.

По чему употребилъ онъ всю власть свою на преслѣдованіе сихъ новопришельцевъ. Всѣ темницы ими были наполнены; но въ такомъ случаѣ жестокія гоненія ни къ чему не служатъ, какъ токмо къ приумноженію новобращенныхъ. Они выходили изъ темницъ бу-

дучи болѣе утвержденными въ своей вѣрѣ, и послѣдуемы своими темничными стражами, которыхъ они во время своего заключенія въ вѣру свою обратили. Но вотъ что наиболѣе послужило къ распространенію сей Секты; Фоксъ вознмнилъ о себѣ, что онъ возбужденъ Духомъ Святымъ, почему и думалъ, что надлежало ему говорить совсѣмъ отъ другихъ людей отличнымъ образомъ; онъ началъ дрожать, дѣлать разныя кривлянія, и удерживая на нѣкоторое время свое дыханіе испускать по томъ оное съ великимъ стремленіемъ; и Дельфская жрица не могла бы лучше его то исполнить: въ короткое время онъ здѣлалъ привычку къ таковому дрожанію, а наконецъ почти совсѣмъ уже не могъ говорить иначе. Сей первый даръ сообщилъ онъ ученикамъ своимъ; они отъ всего сердца старались во оныхъ кривляніяхъ подражать своему начальнику,

и дрожали изо всей силы въ минуту мнимаго ихъ вдохновенія. Отъ сего то стали они называться *Квакерами* то есть дрожальщиками. Простой народъ охотно желалъ перенимать у нихъ сіи кривлянія; многіе изъ нихъ дрожали, говорили въ носъ, дѣлали разныя подобно судорожнымъ корченія, и думали что то въ нихъ есть дѣйствіе Святаго Духа. Имъ оставалося только оказать нѣкоторыя чудеса; чего они также учинить не упустили.

Оный ихъ первосвященникъ Фоксъ сказалъ нѣкогда публично одному судьѣ, находящемуся въ великомъ собраніи: другъ мой! поберегись; Богъ скоро тебя накажетъ за чинимое тобою гоненіе святымъ людямъ. Сей судья былъ великой пьяница; онъ каждый день напивался пьянъ дурнымъ пивомъ и водкою, отъ чего и умеръ будучи пораженъ

ударомъ паралича, два дни послѣ того спустя; точно въ то самое время, когда подписывалъ повелѣніе о заключеніи нѣкоторыхъ *Квакеровъ* въ темницу. Сія скоропостижная смерть не была приписана невоздержному пьянству онаго судьи; но всѣ почитали ее дѣйствіемъ предсказанія того святаго мужа; отъ чего умножилось болѣе *Квакеровъ*. *Кромвель* видя, что число ихъ каждый день приумножалось, хотѣлъ ихъ привлечь на свою сторону обѣщаніемъ имъ великой суммы денегъ; но они на то были совсѣмъ непреклонны: по чему онъ нѣкогда сказалъ, что сей законъ былъ изъ всѣхъ только одинъ, противъ котораго не могъ онъ ничего здѣлать гвинеями.

Они также иногда были гонимы во владѣніе *Карла* втораго; не для отвращенія ихъ отъ закона, но за то, что не хотѣли платить подати духовенству;

что говорили просто *ты*, а не *вы* съ судьями, и отказывались отъ присяги, предписанной гражданскимъ закономъ.

Наконецъ нѣкто *Робертъ Барклай* Шотланецъ, поднесъ Королю въ 1675 году сочиненную имъ книгу, защищающую законъ *Квакеровъ*, творенıе наилучшее въ своемъ родѣ. Письмо, которымъ посвящалъ онъ *Карлу второму* сıе свое сочиненıе, содержало въ себѣ не подлыя ласкательства, но дерзновенныя истинны и справедливые совѣты. ,,Ты вкусилъ, писалъ онъ при окончанıи сего письма, ,,въ жизни твоей и ,,утѣхи, и горести, и благополучıе, и ,,великıя нещастıя: ты былъ изгнанъ ,,изъ того самаго государства, въ ко-,,торомъ нынѣ царствуешь: ты чувст-,,вовалъ жестокıя гоненıя, по чему и ,,долженъ знать, колико гонитель есть ,,мерзокъ, какъ предъ Богомъ, такъ и

„предъ человѣками: и буде послѣ всѣхъ
„сихъ жестокихъ опытовъ, и послѣ
„всѣхъ благъ Творцомъ на тебя излї-
„янныхъ, твое сердце будетъ ожесто-
„ченно, и ты позабудешъ Бога, который
„въ злощастїяхъ твоихъ о тебѣ напом-
„нилъ, то прегрѣшенїе твое тѣмъ бу-
„детъ вящше, и казнь тебѣ будетъ же-
„сточаѣ; и такъ вмѣсто того, чтобъ
„преклонять слухъ твой ко льстецамъ
„двора твоего, внемли гласу твоея совѣ-
„сти, которая льстить тебѣ не будетъ.
„Я есмь твой вѣрный другъ и подданный,"

Баркалай.

Что всего покажется удивительнѣе, что оное письмо, писанное къ Государю отъ простаго его подданнаго, возъимѣло свое дѣйствїе, и гоненїе *Квакерамъ* прекратилось.

Около сего времени явился славный *Вильгельмъ Пенъ*, который установилъ

могущество *Квакеровъ* въ Америкѣ, и который учинилъ ихъ почтенными въ Европѣ, если человѣки могли чтить добродѣтель и въ смѣшномъ видѣ. Онъ былъ единый сынъ Кавалера *Пена*, Вицъ-Адмирала Аглинскаго, любимца Герцога *Iорка*, который послѣ здѣлался *Iаковомъ* II.

Сей *Вильгельмъ* Пенъ будучи пятнадцати лѣтъ отъ роду, встрѣтился нѣкогда съ однимъ *Квакеромъ* въ Оксфордѣ, гдѣ обучался онъ разнымъ наукамъ. Оный *Квакеръ* его увѣрилъ, а сей юноша, который былъ съ природы проворенъ и велерѣчивъ, а при томъ и имѣлъ нѣчто привлекательное, какъ въ наружномъ своемъ видѣ, такъ и во всѣхъ своихъ поступкахъ, склонилъ вскорѣ на свою сторону нѣкоторыхъ изъ своихъ сотоварищей. Онъ нечувствительно учредилъ общество оныхъ *Квакеровъ*,

кои имѣли у него свои собранія; такъ что въ шестнадцать лѣтъ отъ роду, былъ уже онъ начальикомъ сей Секты.

Вышедъ изъ училища и возвратясь къ Вицъ-Адмиралу отцу своему, вмѣсто того, чтобъ стать передъ нимъ на колѣни и просить у него благословенія, слѣдуя обычаю Англичанъ, онъ подступилъ къ нему въ шляпѣ и ему сказалъ: радуюсь другъ мой, что вижу тебя въ добромъ здоровьѣ. Вицъ-Адмиралъ подумалъ сперва, что сынъ его сошелъ съ ума; но вскорѣ по томъ примѣтилъ, что онъ здѣлался *Квакеромъ*. Онъ употребилъ всѣ способы, которые разумъ человѣческій употребить былъ въ состояніи, дабы обратить его къ порядочной жизни; но сей юноша ничего отцу своему не отвѣчалъ, а увѣщавалъ его самаго, чтобъ и онъ здѣлался *Квакеромъ*. Наконецъ отецъ не

требовалЪ уже отЪ него ничего, кромѣ какЪ только, чтобЪ онЪ предсталЪ предЪ Короля и предЪ Герцога *Іорка* сЪ открытою главою, и говорилЪ бы сЪ нимЪ учтивѣе; на что *ВильгельмЪ* ему отвѣтствовалЪ, что совѣсть того здѣлать ему не позволяла, и что онЪ почитаетЪ лучшимЪ исполнять волю Божію, нежели повиноваться человѣкамЪ. Раздраженный таковымЪ отвѣтомЪ отецЪ, и пришедшій совсѣмЪ вЪ отчаяніе, выгналЪ его изЪ своего дома. Молодый *ПенЪ* благодарилЪ Бога, что онЪ за него претерпѣвалЪ гоненія, и пошелЪ проповѣдывать по всему городу, гдѣ многихЪ обращалЪ вЪ свою вѣру.

Поученія сихЪ проповѣдниковЪ каждый день получали болѣе успѣховЪ; и какЪ оный *ПенЪ* былЪ молодЪ и хорошЪ собою, то многія придворныя Англинскія госпожи сЪ набожностію кЪ не-

му прибѣгали слушать его проповѣдей. Патріархъ Квакеровъ *Георгій фоксъ*, услышавъ объ немъ великія похвалы, пріѣхалъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Англіи въ Лондонъ его видѣть. Они оба вознамѣрилися ѣхать вмѣстѣ въ другія земли для обращенія въ свою вѣру. Съ начала поѣхали они моремъ въ Голландію, оставя послѣ себя въ Англіи многихъ работниковъ, дабы имѣли они попеченіе о виноградѣ насажденномъ ими въ Лондонѣ.

Труды ихъ имѣли таковой же благополучный успѣхъ и въ Амстердамѣ; наиболѣе же привело ихъ у всѣхъ въ почтеніе и приобрѣло уваженіе къ ихъ закону то, что они весьма хорошо были приняты Фальцскою Принцессою Елисаветою, теткою *Георгія I.* Короля Англинскаго, женщиною весьма славящеюся, какъ разумомъ, такъ и науками.

Она была та самая, которой *Картезій* посвятилЪ философическіе свои романы.

Сія Принцесса жила тогда уединенно вЪ Гагѣ, гдѣ увидѣла сихЪ *друзей*, (ибо такЪ вЪ Голландіи вЪ то время *КвакеровЪ* называли.) Она имѣла сЪ ними многіе тайные *разговоры* и они часто вЪ домѣ ея дѣлали *свои поученія*; и ежели не учинили они изЪ нее совершенную *Квакерку*, то по крайней мѣрѣ всегда презнавались, что она не далека была отЪ царства небезнаго. Оные *друзья посѣяли* также свои сѣмяна вЪ Германіи, однакожЪ не много плодовЪ тамЪ собрали; ибо совсѣмЪ было не по вкусу говорить всякому *ты*, вЪ такой землѣ, гдѣ непрестанно надлежало величать или Ваша Свѣтлость, или Ваше Сіятельство. *ПенЪ* вскорѣ паки возвратился вЪ Англію; услышавЪ о болѣзни отца своего пожелалЪ быть при

послѣднихъ часахъ его жизни. Вицъ-Адмиралъ его отецъ при смерти съ нимъ примирился; обнималъ его съ родительскою нѣжностїю, хотя былъ и не одного съ нимъ закона. Однакожъ какъ *Вильгельмъ* тщетно увѣщавалъ нѣжнаго отца своего не приобщаться святыхъ таинъ и умереть *Квакеромъ*, такъ равнымъ образомъ и сей добрый старикъ безполезно совѣтовалъ *Вильгельму*, чтобъ приказалъ онъ нашить пуговицы на обшлага своего кафтана, и петлицу на свою шляпу.

Вильгель Пенъ получилъ послѣ отца своего въ наслѣдство знатное имѣнїе, въ числѣ котораго былъ долгъ Вицъ-Адмирала отца его на коронѣ, за учиненныя имъ многїя побѣды въ морскихъ сраженїяхъ. Ничего не было тогда вѣрнѣе, какъ полученїе денегъ отъ Короля. *Пенъ* принужденъ былъ не одинъ разъ

говорить по своему обыкновенїю просто безъ всякаго уваженїя какъ съ Королемъ *Карломъ* вторымъ, такъ и съ его Министрами, требуя себѣ заплаты долгу; по чему въ 1680 году *правленїе* отдало ему на мѣсто денегъ въ совершенное *владѣнїе одну* Американскую провинцїю, *лежащую на полуденной* сторонѣ Мориландїи. И такъ оный *Квакеръ* учинился вдругъ самовластнымъ владѣтелемъ. Онъ отправился въ свои новыя земли на двухъ корабляхъ, наполненныхъ *Квакерами,* которые туда за нимъ послѣдовали. Съ *того времени*названа сїя земля *Пенсилванїею* по имяни *Пена*; онъ основалъ тамъ городъ *Филадельфїю*, который и по нынѣ находится въ цвѣтущемъ состоянїи. Онъ началъ свое правленїе заключенїемъ союза съ Американцами, живущими съ нимъ въ сосѣдствѣ. Сїи токмо едины мирные договоры между онымъ народомъ

и *Христїянами* никакъ не были утверждены никакою клятвенною присягою; однакожъ никогда не были нарушены. Сей новый владѣтель былъ также и законодателемъ въ *Пенсилванїи*; онъ издалъ тамъ разумнѣйшїе законы, изъ которыхъ ни одинъ послѣ его перемѣненъ не былъ. Первый изъ оныхъ законовъ былъ тотъ, чтобъ не дѣлать ни одному человѣку ни малаго притѣсненїя въ разсужденїи вѣры, и чтобъ почитать братїями всѣхъ тѣхъ, кои вѣруютъ въ единаго Бога.

Едва учредилъ онъ такимъ образомъ свое правленїе, какъ многїе купцы прїѣзжали изъ Америки для поселенїя въ сей провинцїи. Природные тамошнїе жители вмѣсто того, чтобъ убѣгать въ лѣса, нечувствительно привыкли жить съ миролюбивыми *Квакерами*; они сколько ненавидѣли и прокли-

нали другихъ Христіянъ, завоевателей и раззорителей Америки; столко напротивъ того, любили сихъ новопришельцевъ. Въ скоромъ послѣ того времени, сіи мнимые дикіе радуясь ласкѣ и снисхожденію своихъ сосѣдей, приходили толпами къ *Вильгельму Пену*, и просили его о принятіи ихъ въ число своихъ подданныхъ. Тутъ было совсѣмъ новое зрѣлище, гдѣ находился такой владѣтель, которому всѣ безъ изъятія говорили *ты*, не снимая съ головы своей шляпы; цѣлое владѣніе безъ поповъ; народъ безъ оружія; всѣ граждане были между собою равны, даже и самъ владѣтель; и сосѣди не оказывали другъ противъ друга ни малой зависти, *Вильгельмъ Пенъ* могъ совершенно похвалиться, что онъ принесъ на землю тотъ златый вѣкъ, о коемъ столь много вездѣ упоминаютъ; но котораго дѣйст-

вительно ни гдѣ и никогда не бывало, кромѣ какъ только въ *Пенсилваніи*.

Онъ возвращался паки въ Англїю для нѣкоторыхъ дѣлъ, касающихся до новаго его владѣнія, послѣ смерти *Карла* втораго. Аглинскій Король *Іаковъ*, любившій отца его, оказывалъ такое же снисхожденіе къ сыну, и не почиталъ его за гнуснаго развратителя церкви; но за весьма великаго человѣка Столь искусное поведеніе противъ его Короля, сходствовало въ семъ случаѣ съ его вкусомъ. Онъ хотѣлъ льстить *Квакеромъ* въ томъ намѣреніи, чтобъ посредствомъ сей вольности, истребя законы зделанные противъ разногласниковъ, ввести у себя законъ Католицкой Всѣ другія Секты усматривая разставляемыя для нихъ сѣти обмануть себя не допустили; но всегда соединенными силами противились Католицкому закону, яко

главнѣйшему ихъ непрїятелю. *Пенъ* не почиталъ себѣ за долгъ отступать отъ обыкновенныхъ своихъ правилъ, для защищенїя ненавидящихъ его протестантовъ противъ Короля, который оказывалъ къ нему отмѣнную милость. *Онъ* установя вольность въ законахъ въ Америкѣ, не хотѣлъ *разрушить* оную въ Европѣ; и такъ пребылъ вѣрнымъ *Іакову* второму даже до того, что всѣ вообще обвиняли его въ обманѣ, называя потаенным Езуитомъ. Сїе оклеветанїе весьма чувствительно его огорчило, онъ принужденъ былъ во ономъ себя защищать чрезъ публичныя письма; однакожъ нещастный *Іаковъ* второй, который такъ какъ всѣ изъ фамилїи Стуартъ, имѣлъ нравъ преисполненный величества и слабости, и во всѣхъ поступкахъ своихъ ненаблюдающїй никакой умѣренности, лишился наконецъ престола такъ, что ни одного меча упо-

треблено не было для его защищенїя, и почти никто не могъ сказать, какимъ образомъ оное случилось.

Всѣ вѣры въ Англїи получили отъ *Вильгельма* третїяго и отъ его Парламента ту же самую вольность, которую не хотѣли прїять отъ рукъ *Iакова*. Тогда то *Квакеры* начали по силѣ установленныхъ узаконенїй наслаждаться всѣми преимуществами коими пользоваться и по нынѣ. *Пенъ* видя наконецъ вѣру свою безъ всякаго препятствїя возстановленною въ землѣ его рожденїя, отправился паки въ *Пенсилванїю*. Его подданные и Американцы встрѣчали его съ радостными слезами какъ отца возвратившагося къ своимъ дѣтямъ. Всѣ законы его были свято сохраняемы во все время его отсудствїя, чего ни съ какимъ Законодателемъ прежде его не случалось. Онъ прожилъ еще нѣсколько

лѣтъ въ *Филадельфіи* и наконецъ противъ воли своей принужденъ былъ ѣхать опять въ *Лондонъ* для испрошенія новыхъ выгодъ для торговли *Пенсилванцевъ*; но назадъ оттуда уже не возвращался; ибо въ 1718 году умеръ въ Лондонѣ.

Я не могу узнать какая *впредь* будетъ участь *Квакерскому* закону въ Америкѣ; но вижу, что нынѣ въ Лондонѣ каждый день оный приходитъ въ упадокъ. Нынѣ во всей Англіи господствующая вѣра хотя не *дѣлаетъ* великихъ притѣсненій; однакожъ мало по малу поглощаетъ всѣ другія вѣры. Тамъ *Квакеры* не могутъ быть членами въ Парламентѣ, ниже получать другіе какіе чины въ государствѣ; ибо при полученіи оныхъ надлежитъ дѣлать присягу, а они отъ употребленія клятвы всегдашнее оказываютъ отвращеніе. И

такимъ образомъ въ случаѣ нужды они принужденными себя находятъ доставать деньги чрезъ торговлю; дѣти же ихъ обогащенные искусствомъ и благоразумїемъ отцовъ своихъ, хотятъ нынѣ жить пышно, стараются имѣть чести и достоинства, и не отрекаются носить пуговицы на платьѣ и манжеты; они стыдятся называть себя *Квакерами*, а дѣлаются Протестантами, дабы послѣдовать модѣ.

Запрещенїе Турецкаго Муфтїя о чтенїи книгъ.

Мы *Юссуфъ Херебїй* Божїею милостїю Муфтїй святой Имперїи Оттоманской; свѣтъ свѣтовъ; избранный между избранными; всѣмъ правовѣрнымъ Музульманамъ сообщаетъ глупость и благословенїе.

Какъ нѣкогда *Саидъ Еффендїй*, бывшїй посланникомъ отъ высочайшей порты въ небольшомъ государствѣ называемомъ *франкромъ*, лежащемъ между Гишпанїею и Италїею вывезъ оттуда къ намъ наивреднѣйшее употребленїе печатанїя книгъ; то совѣтуя о семъ новомъ заведенїи съ нашими почтенными собратами съ Кадїями и Имамами столичнаго града Стамбула, а паче съ факирами извѣстными по усердїю ихъ противъ просвѣщенїя человѣческаго разума, за благо разсудилось

Магомету и намъ запретить, уничтожить, и предать анаѳемѣ вышереченное адское вымышленіе печатанія книгъ по нижеслѣдующимъ причинамъ.

1. Сей легкій способъ сообщать мысли свои посредствомъ печатанія, по видимому простирается къ истребленію невѣжества, которое служитъ къ истинной защитѣ и охраненію всякаго благоустроеннаго правленія.

2. Поелику весьма опасно, чтобъ между книгами привозимыми съ западу, не нашлися нѣкогда такія, кои научали бы земледѣлію, и способамъ усовершенствовать механическое искусство; то таковыя сочиненія могли бы со временемъ (отъ чего Боже сохрани) изострить разумъ нашихъ земледѣльцовъ и художниковъ, учинить ихъ искуснѣйшими въ ремеслѣ своемъ, усугубить ихъ достатокъ, и возбудить въ нихъ нѣ-

кое возвышенїе души, любовь ко всеобщему благу, и чувства совсѣмъ противныя божественному поученїю.

3. Могло бы случиться наконецъ, что мы имѣли бы у себя такїя историческїя книги, кои опровергали бы писанные у насъ чудеса, приводящїя нашъ простой народъ во удивленїе и содержащїя его въ щастливомъ невѣжествѣ. Въ тѣхъ книгахъ съ безстыдствомъ и наглостїю здѣлано бы было справедливое различїе между добрыми дѣлами и злыми, и прославилося бы правосудїе и любовь къ отечеству; что весьма противно правамъ нашего освященнаго престола.

4. Въ будущїя времена могло бы случиться, что бѣдные философы, подъ важными; но достойными великаго наказанїя предлогами, яко бы въ намѣренїи просвѣтить людей и учинить ихъ

лучшими, пришли бы научать насъ опаснѣйшимъ добродѣтелямъ, о коихъ простой народъ никогда не долженъ имѣть ни малаго понятія.

5. Они могли бы усугубивъ почитаніе свое къ Богу напечатать для соблазна людей, яко бы Онъ во всѣхъ мѣстахъ имѣетъ свое присудствіе, и тѣмъ уменшить число странствующихъ во святую Мекку; что послужило бы къ великому вреду для спасенія душъ правовѣрныхъ Музульмановъ.

6. Безъ сомнѣнія могло бы статься, чтобъ отъ многаго чтенія книгъ западныхъ сочинителей, писавшихъ о заразительныхъ болѣзняхъ и о способѣ предохранять себя отъ оныхъ, мы учинилися бы столь нещастны, что могли бы себя предохранять отъ заразы, въ чемъ безмѣрно бы погрѣшали противъ установленнаго порядка Всевышняго Провидѣнія.

И такъ по симъ и по другимъ причинамъ, для вящшаго благодѣнствія правовѣрныхъ и для спасенія душъ ихъ мы запрещаемъ имъ, чтобъ никогда не читали они никакой книги подъ опасеніемъ вѣчнаго осужденія; а дабы діявольское искушеніе не побудило ихъ просвѣтить свой разумъ запрещаемъ всѣмъ отцамъ и матерямъ учить чтенію дѣтей своихъ. И для предупрежденія нарушенія сего нашего запрещенія, мы имянно запрещаемъ имъ имѣть здравыя мысли, подъ опасеніемъ таковагожъ наказанія; повелѣвая истиннымъ Музульманамъ доносить намъ, ежели кто дерзнетъ выговорить хотя четыре только рѣчи порядочно связанныя, изъ коихъ можно бы было получить ясное понятіе; равнымъ образомъ приказываемъ, чтобъ во всѣхъ разговорахъ всегда употреблялися такія только слова, которыя не имѣли бы ни-

какого смысла, слѣдуя древнему обычаю высочайшей порты.

А дабы воспрепятствовать, чтобъ не поселилася когда - либо нечаянно какая разумная мысль въ здѣшней столицѣ, опредѣляемъ для сего надзиранія Его Величества нашего Султана перваго доктора, рожденнаго въ болотѣ, лежащемъ въ странѣ сѣверо - западной, понеже сей докторъ умертвилъ уже четырехъ высочайшихъ особъ изъ фамиліи Султанской; слѣдственно онъ болѣе всѣхъ старается предупреждать всякое заведеніе касающееся до новыхъ познаній въ нашей Имперіи. И такъ симъ нашимъ запрещеніемъ даемъ мы ему полную власть, захватывать всякую разумную мысль на письмѣ, или на словахъ, которая усмотрѣна будетъ при вратахъ градскихъ; и представлять оную предъ насъ связанную, для опредѣленія ей отъ

насъ такой казни, какая намъ будетъ благоугодна.

Данъ въ нашемъ домѣ невѣжества, 7 го дня мѣсяца Мугарема, 1143 года Егиры.

XIIV.

Всякая всячина.

I.

Бріоше былЪ отецЪ *Арликину* , не родной его отецЪ, но только по воспитанію. ОтецЪ *БріошеевЪ* былЪ *ГеиломЪ Горжу*, который былЪ сынЪ *ЖилесовЪ*, а *ЖилесЪ* былЪ сынЪ *Толстаго Ренеса*, который имѣлЪ свое происхожденіе отЪ Князя *ДураковЪ* и отЪ матери глупой; такЪ обЪ немЪ сочинитель Ярмоначнаго календаря пишетЪ.

ГосподинЪ *СовершенЪ* , (а) писатель не менѣе достойный вѣроятія, почитаетЪ отцемЪ *Бріошею волочажскаго лѣкаря*, и что у сего *лѣкаря*, отцемЪ былЪ *толстый ВильгельмЪ* , а у *толстаго Вильгельма* , *ИванЪ КалбасЪ* ; однакожЪ и онЪ также поколѣніе ихЪ

(а) Parfait.

производитъ отъ Князя *дураковъ* И такъ ежели оба сіи писатели одинъ другому противорѣчатъ , то сіе есть точное доказательство справедливости сего описанія, для отца *Даніила*, который сводитъ ихъ съ удивительнымъ остроуміемъ, и тѣмъ опровергаетъ всѣ сумнѣніи въ исторіи.

II.

Какъ оканчивалъ я сію первую статью изъ тетратей *Мерри Гиссинга*, сидя въ моемъ кабинетѣ, у котораго было окно на улицу с. *Антонія*; то увидѣлъ приходящихъ мимо , аптекарскихъ надзирателей, кои вели захваченныхъ *Езуитовъ* съ заповѣдными лѣкарствами и съ Венеціанскою ярью, которые они въ улицѣ с. *Антонія* тихонько продавали. Мой сосѣдъ господинъ *Гюсонъ*, умная голова, вошедъ ко мнѣ говорилъ; вы смѣетесь, другъ мой, видя

Езуитовъ въ такомъ презрѣнїи, вы радуетесь слыша, что они уличены въ смертоубїйствѣ въ Португалїи, и въ возмущенїи въ Парагеѣ; публичный гласъ вопїющїй противъ ихъ во Францїи; ненависть, которую всѣ имъ оказываютъ, и усугубленїе сраму и безчестїя, коими они нынѣ покрыты, какъ кажется, чрезмѣрно васъ утѣшаетъ; однакожъ вѣдайте, что ежели они со всѣмъ погибнутъ, такъ какъ всѣ честные люди того желаютъ, то для васъ никакой изъ того не будетъ пользы, ибо вы будете претерпѣвать такое же безпокойство отъ злоумышленїя *Жансенистовъ*. Они суть самые жестокїе сумазброды, имѣющїе въ себѣ мѣдную душу; они хуже тѣхъ *Презбитерїанцевъ*, кои опровергли престолъ *Карла I*. Подумайте, что таковые бѣснующїе опаснѣе, нежели плуты и мошенники. Бѣснующаго никогда не можно привести къ разсудку;

а плуты и мошенники, входятъ иногда въ разсудокъ.

Я долго противъ г. *Гюссона* спорилъ; и наконецъ ему сказалъ: государь мой, успокойтесь; можетъ быть и *Жансенисты* будутъ нѣкогда также хитры какъ *Езуиты*; я всячески старался его успокоить; но онъ имѣетъ голову желѣзную, въ которой никогда не возможно перемѣнить мнѣнія.

III.

Бріоше видя, что *Арликинъ* и съ переди и съ зади былъ горбатъ, хотѣлъ его обучить читать и писать. *Арликинъ* чрезъ два года нарочито научился складамъ, но никогда не могъ научиться владѣть перомъ. Одинъ изъ описателей его жизни увѣдомляетъ, что онъ хотѣлъ нѣкогда попробовать написать свое имя, но написалъ такъ, что никто не могъ прочитать.

Бріоше былъ очень бѣденъ, и какъ онъ, такъ и жена его не имѣли чѣмъ воспитывать *Арликина*, а еще менѣе чѣмъ научить его какому художеству. *Арликинъ* нѣкогда имъ сказалъ: „батю„шка и матушка, хотя я и горбатъ, „однакожъ имѣю хорошую память; три „или четыре изъ моихъ друзей и я, мо„жетъ завести кукольные комедіи; я „чрезъ то буду получать нѣсколько де„негъ; люди всегда бывали охотники до „кукольныхъ комедіи. Правда, хотя ино„гда и опасно заводить ихъ вновь, од„накожъ довольно прибыльно.

Господинъ и госпожа *Бріоше*, удивлялись хорошей догадкѣ своего питомца, шайка ихъ наконецъ собралась и пошла учредить свои театры на Швейцарскомъ рынкѣ, близъ Аппейзельской дороги, по которой ѣздятъ въ Миланъ.

Въ сей-то точно деревнѣ *Орвїетанскїе Шарлатаны* имѣли свою лавку, гдѣ продавали они свои *Орвїетанъ*, или лѣкарство отъ яду. Они примѣтили, что подлые люди не чувствительно начали часто посѣщать кукольные театры, и что они продавали въ половину меньше, свои мыла и мази отъ обжоги. Они обвиняли *Арликина* во многихъ *дурныхъ* поступкахъ, и въ судѣ приносили на него жалобы. Въ челобитной ихъ было написано, что сей *Арликинъ* былъ самый опаснѣйшїй пьяница, и *будто бы* въ одинъ день, далъ онъ сто пинковъ въ *брюхо*, при всемъ народѣ на рынкѣ, крестьянамъ продающимъ яблоки.

Увѣряли также, что онъ обидилъ одного купца торгующего Индѣйскими пѣтухами; и наконецъ донесли на него, что онъ былъ колдунъ. Господинъ *Совершенъ* въ исторїи своей о театрѣ

пишетъ; будто бы онъ поглощенъ былъ жабою; но отецъ *Данiилъ* думаетъ, или по крайней мѣрѣ говоритъ о томъ со всѣмъ иначе. Никому не извѣстно куда дѣвался *Брiоше*, ибо какъ онъ назывался отцомъ *Арликину* по одному только воспитанiю, то писатель сей исторiи не разсудилъ за благо насъ объ немъ увѣдомить.

IV.

Покойный господинъ *дю Марсе* увѣрялъ, что наиглавнѣйшее есть злоупотребленiе во Францiи продажа чиновъ. Государство весьма тѣмъ нещастливо, говорилъ онъ, что человѣкъ рожденный съ достоинствами, но не имѣя достатка, не можетъ ни до какихъ чиновъ достигнуть. Чрезъ сiе, колико природныхъ дарованiй остаются помраченными, и сколько глупцовъ и безумцевъ занимаютъ мѣста знатные! Какая мерзкая

политика могла затмить разборчивость въ сихъ природныхъ личныхъ дарованіяхъ! Г. *дю Марсе* не помышляя прежде о семъ, просилъ о собственномъ своемъ награжденіи, ибо онъ по нещастію доведенъ былъ до такого состоянія, что принужденъ былъ обучать учениковъ Латинскому языку, а ежели бы онъ былъ употребленъ въ какіе важные дѣла, то могъ бы оказать великіе услуги государству. Я знаю таковыхъ марателей бумаги, которые могли бы обогатить провинцію, ежели бы были на мѣстѣ тѣхъ, кои ея грабили и расхищали; но по нещастію, для полученія того мѣста, должно быть или сыномъ, или племянникомъ какого знатнаго вельможи, который бы оставилъ по себѣ въ наслѣдство столько денегъ, на кои можно бы было купить чинъ,

знатную должность, выгодное мѣсто, или такъ называемое достоинство.

Дю Марсе увѣрялъ также, что *Мантаньи, Харонъ, Картезій, Гассенди* и *Белъ*, никогда не осудили бы на галеры учениковъ; утверждавшихъ, свои споры противъ философіи *Аристотелевой*, не предали бы сожженію священника *Урбена*, *Грандіера*, и священника *Гофредія*, и не учинили бы и пр. и пр.

V.

Не въ давнемъ времяни *Шевалье Рожинантъ* дворянинъ Феррарскій, вышедъ изъ своего двора, не успѣлъ еще вступить на средину улицы, какъ увидѣлъ съ разныхъ сторонъ идущихъ человѣкъ съ двенадцать со всѣмъ противныхъ между собою законовъ; г *Сакрито*, который шелъ съ нимъ вмѣстѣ, ему сказалъ: уйдемъ отсюда по скорѣе, теперь наступилъ часъ собранія на биржѣ; сія

разнозаконные люди безъ сумнѣнія другъ друга перерѣжутъ, слѣдуя древнему обычаю, понеже всѣ они различно другъ съ другомъ мыслятъ; а насъ подлый народъ убьетъ здѣсь до смерти, сочтя за подданныхъ Папы.

Но сколь въ великое пришли они удивленіе, когда увидѣли, что всѣ сіи добрые люди, шедши съ своими комисарами сходилися ко одному мѣсту, кланялися другъ другу учтиво, и схватясь дружески рука съ рукою, пошли всѣ вмѣстѣ на биржу. Въ тотъ день по ихъ счету было на биржѣ пятдесятъ три разныхъ вѣръ и законовъ, считая въ томъ числѣ Армянъ и Жансенистовъ. Пятдесятъ три милліона употребили они на торгъ денегъ, съ великою тишиною и спокойствіемъ; и Феррарецъ удивляясь сему, возвратился въ свое отечество,

гдѣ нашелъ у себя болѣе ничего незнащущихъ бумагъ нежели векселей.

Каждый день подобные сему позорища случаются въ Лондонѣ, въ Гамбургѣ, въ Данцигѣ, и въ самой Венецïи и пр.; но я видѣлъ гораздо лучше сего примѣръ въ Константинополѣ.

Уже пять лѣтъ тому назадъ, какъ имѣлъ я честь присудствовать при постановленïи Греческаго Патрïарха, Султаномъ *Ахметомъ* III, (спаси Богъ его душу); онъ самъ подалъ сему Христïянскому Первосвященнику кольцо и тростъ, или посохъ, зделанный на подобïе костыля; по томъ былъ Христïянскïй крестный ходъ въ улицѣ *Клеомбульской*; два янычара шествовали въ переди сего хода; я тамъ удостоился публично прïобщиться въ Патрïаршеской церквѣ, и ежели бы за хотѣлъ, то могъ бы получить чинъ *Каноника*.

Признаюсь, что по возвращенiи моемъ въ Марселiю, я весьма удивился, не видя тамъ ни одной Турецкой мечети. О семъ моемъ удивленiи объявилъ я главному Марсельскому судьѣ и господину Епископу; и говорилъ: что сiе было весьма не учтиво, ибо ежели Христiяне имѣютъ церкви свои у Магометанцовъ, то по крайней мѣрѣ по снисхожденiю къ Туркамъ, можно бы было построить для нихъ въ Марселiи, хотя нѣсколько небольшихъ придѣловъ. Они оба мнѣ обѣщали, писать о томъ ко двору, однакожъ и до сихъ поръ онаго еще не исполнено, по причинѣ узаконенiя и учрежденiя unigenitus.

О братiи мои, мои *Езуиты*! вы не могли терпѣть никакой другой, кромѣ вашей вѣры, за то теперь и къ вамъ не имѣютъ никакого снисхожденiя, и васъ ни кто не терпитъ. Однакожъ

утѣштесь; другїе на мѣсто васъ по своей очереди, учинятся такими же гонителями, и ихъ также по очереди презрятъ и возненавидятъ.

VI.

Нѣсколько тому дней, какъ раскавывалъ я о семъ господину *Букакусу*, очень жаркаго сложенїя Лангедокцу и весьма ревностному Кальвинисту. Боже мой! съ досадою онъ вскричалъ, развѣ и съ нами во Францїи поступаютъ также какъ съ Турками? Намъ запрещаютъ строить здѣсь церкви, и не позволяютъ имѣть свои молитвенные храмы! что принадлежитъ до Турецкихъ мечетей, сказалъ я, то Турки насъ о томъ еще не просили, и я осмѣливаюсь льститъ себя, что они конечно получатъ на сїе дозволенїе, ежели только попросятъ, по тому что они съ нами въ добромъ союзѣ; но о вашихъ храмахъ я очень

сумнѣваюсь, чтобЪ дозволено было ихЪ строить, не взирая на всѣ учтивости, которыя мы другЪ другу оказываемЪ притворно; а причина тому та, что вы нѣсколько намЪ непрїятели. КакЪ! мы вамЪ непрїятели! вскричалЪ г. *БукакусЪ*; мы! *будучи* Королю столь усерднѣйшими рабами! вы очень усердны, говорилЪ я, и столь усердны, что возбудили девять междоусобїй, выключая кровопролитныхЪ побоищЪ, при горахЪ ЦевѣнскихЪ. ОднакожЪ, отвѣтствовалЪ онЪ, ежели мы возбуждали междоусобныя войны, то сїе было *по причинѣ* той, что вы на площади насЪ жарили, а намЪ ни малой не было охоты быть жаренымЪ, и у святаго недостаетЪ терпѣнїя сносить такїе безчеловѣчїи; пусть оставятЪ насЪ вЪ покоѣ, и я вамЪ божусь, что мы будемЪ самые вѣрнѣйшїе подданные.

Для васъ то и дѣлаютъ, говорилъ я ему; на васъ смотрятъ сквозь пальцы, вамъ дозволяютъ отправлять вашъ торгъ, и вы имѣете довольно честную вольность. Очень забавная вольность! сказалъ г. Букакусъ; мы не успѣемъ отъ четырехъ только и до пяти тысячь собраться въ одно мѣсто, чтобы пѣть четыречастные наши псалмы, какъ въ тужъ самую минуту, приходитъ цѣлый драгунскій полкъ, и насъ всѣхъ по домамъ разгоняетъ; такъ ли должно жить въ свободѣ? и можно ли сіе назвать вольностію?

Нѣтъ ни одной во всемъ свѣтѣ земли, говорилъ я ему, гдѣ можно бы было собираться такими большими толпами, безъ особливаго государева повелѣнія; всѣ таковые сходбища противны законамъ. Служите Богу по вашему обычаю въ домахъ вашихъ, и не оглу-

шайте никого вашимъ вытьемъ, что называете вы *музыкою*. Развѣ вы думаете, что дѣлаете вы угодное Богу, когда воспѣваете его заповѣди на голосъ любовныхъ пѣсенъ, и когда говорите вмѣстѣ съ Жидами о сосѣдственныхъ народахъ.

Блаженъ, кто долженъ васъ на вѣки истребить!
Кто вырвавши у насъ младенцовъ отъ грудей,
Такъ какъ невѣрныхъ, всѣхъ захочетъ ихъ побить;

Требуетъ ли Богъ, чтобы побивали юныхъ младенцовъ? не безчеловѣчно ли таковое варварство? а сверьхъ того, угодно ли Богу ваши негодные стихи и дурное пѣнiе.

И наконецъ, какъ самимъ вамъ извѣстно, что во всемъ нашемъ государствѣ господствуетъ одна Римская вѣра; то въ разсужденiи сего, ежели не позволено вамъ собиратся такими тол-

нами въ Англіи, то для чего хотите вы пользоваться сею вольностію во Франціи? Дѣлайте что вамъ угодно въ вашихъ домахъ, и я могу васъ увѣрить, со стороны г. здѣшняго Губернатора, и г. Полицеймейстера, что въ таковомъ случаѣ, ежели вы будете разумны, то на всегда оставятъ въ покоѣ. Единое токмо неразуміе причиняетъ нынѣ, и будетъ причинять впредь сіи гоненіи. Мнѣ весьма не пріятно, что ваши браки, раждающіися ваши дѣти, и право касающееся до вашего наслѣдства, претерпѣваютъ здѣсь нѣкоторые притѣсненіи; не справедливо пускать вамъ кровь, и давать слабительное, для того, что предки ваши одержимы были болѣзненными припадками; но чтожъ дѣлать? Сей свѣтъ есть великій театръ, на которомъ одни глупцы на другихъ налагаютъ рабственные бранные оковы.

VII.

Товарищи *Арликиновы*, будучи доведены до крайности, питаться милостивымъ подаянїемъ, что довольно приличествовало природному ихъ состоянїю; совокупилися съ нѣкоторыми Цыганами, и бродили изъ одной деревни въ другую; наконецъ пришли они въ небольшой городъ, и жили въ одномъ домѣ въ четвертомъ жильѣ, гдѣ начали составлять лѣкарства, и продажею ихъ питалися нѣсколько времяни; они вылѣчили отъ коросты постельную собачку одной знатной госпожи; всѣ сосѣди называли сїе великимъ чудомъ, однакожъ не смотря на все ихъ искусство, шайка ихъ не составила себѣ тѣмъ великаго щастїя.

Они жаловались на свою бѣдность и неимущество, какъ въ нѣкїй день услышали стукъ у себя на потолокѣ, такъ какъ бы какая телѣжка ѣздила по по-

лу; они взошедъ на пятое жилье, увидѣли тамъ одного небольшаго человѣка, который представлялъ кукольные комедiи; онъ назывался г *Благодѣнъ*, и имѣлъ совершенное въ представленiи семъ искусство.

Не можно было *разумѣть* ни одного слова, что онъ говорилъ при семъ представленiи, однакожъ глупые его выраженiи и смѣшные кривленiи для сихъ комедiи весьма были приличны, и онъ очень не худо выпускалъ своихъ куколъ; одинъ изъ товарищей *Арликинской* шайки, будучи также довольно искусенъ въ сихъ глупыхъ и смѣшныхъ выраженiяхъ, говорилъ ему такимъ образомъ:

Мы видимъ, что вы опредѣлены судьбою, возобновить наши кукольные комедiи, по тому что мы читали въ одной книгѣ, сiи точные слова, nelle chi li porate icſus res fait en bi, которые ежели

перевороттить на выворотъ, значатъ: *Благодѣнъ воскреситъ Арликина* нашъ *Арликинъ* былъ поглощенъ жабою, а мы видимъ здѣсь его шляпу, его горбъ, и точную его выступку и ухватки Вы все то дѣлаете, съ помощїю проволоки, и я думаю, что вамъ не трудно будетъ приклеить ему точно такїе же усы, какїе нашъ *Арликинъ* нашивалъ; ежели же мы вмѣстѣ съ вами соединимся, то надобно думать, что будемъ получать великую прибыль.

Г. *Благодѣнъ* съ охотою принялъ сїе предложенїе; они спрашивали у него, отъ чего онъ требуетъ отъ нихъ за труды свои? Я требую, говорилъ онъ, много чести и много денегъ. Мы ничего онаго не имѣемъ, сказалъ Ораторъ *Арликинской* шайки, однакожъ со временемъ до всего достигнуть можно. И такъ г. *Благодѣнъ* соединился съ Цыганами, и всѣ вмѣстѣ отправилися въ

Миланъ, дабы учредить тамъ свой театръ подъ покровительствомъ госпожи *Камерлитты*. Тамъ объявили они всенародно, что тотъ же самый *Арликинъ*, который былъ поглощенъ жабою въ одной деревнѣ Аппензельской округи, предстанетъ на театрѣ Миланскомъ, и будетъ танцовать съ госпожею *Жигонею*; всѣ продаватели *Орвїетану* довольно сему сопротивлялись, но *г. Благодѣнъ*, будучи также искусенъ въ составленїи *Орвїетану*, увѣрялъ, что его былъ наилучшїй. Онъ много его продавалъ женщинамъ, плѣнившимся до глупости *Арликиномъ*, и учинился столько богатъ, что здѣлался начальникомъ надо всею оною шайкою.

Какъ скоро *г. Благодѣнъ* получилъ чего желалъ, (и чего всѣ на свѣтѣ люди желаютъ), то есть, честь и богатство, то здѣлался весьма неблаго-

дарнымъ противъ госпожи *Камерлитты*. Онъ купилъ себѣ огромный домъ, напротивъ дому своей благодѣтельницы, за которой деньги заплатили зрители его комедїй; онъ уже не хаживалъ больше въ домъ къ госпожѣ *Кармелиттѣ*, а напротивъ того хотѣлъ, чтобъ она пришла къ нему завтрикать; но какъ въ одинъ день она удостоила его своимъ посѣщенїемъ то онъ заперъ передъ нею двери, и не впустилъ ее въ свои покои, и пр.

VIII.

Не выразумѣвъ ничего изъ послѣдующей главы *Мерригюссиновой*, пошелъ я къ прїятелю моему *г. Гюссону*, спросить у него о семъ истолкованїя. Онъ мнѣ сказалъ, что тутъ была самая не понятная Аллегорїя объ отцѣ *Лавалеттѣ*, который былъ купецъ банкрутъ Американской; однакожъ примолвилъ онъ притомъ, что уже давно не вмѣшивается

онъ въ бездѣлки, и не ходитъ никогда въ кукольные комедіи, что въ тотъ день играли на театрѣ трагедію *Поліевкта*, и онъ хотѣлъ ее видѣть, куда и я за нимъ послѣдовалъ.

Г. *Гюссонъ*, во время перваго дѣйствія сей трагедіи безпрестанно качалъ головою; по окончаніи сего дѣйствія, я спрашивалъ у него о причинѣ онаго. Признаюсь, говорилъ онъ, что я очень досадую на сего *Поліевкта* и на сего наглаго *Неарка*, за то что дѣлали они такія нелѣпости. . . . Сказалъ мнѣ такимъ образомъ мнѣніе свое о первомъ дѣйствіи, при второмъ вдругъ началъ онъ смѣяться, когда увидѣлъ, что *Поліевктъ* отдавалъ жену свою ея любовнику, и она ему показалась нѣсколько мѣщановатою, когда говорила своему любовнику, что она идетъ въ свою

комнату, вмѣсто того, чтобъ итти съ нимъ въ церковь.

Однако же удивлялся онъ тому явленію, въ которомъ она просила своего любовника, о помощи ея мужу.

Здѣсь представляется, говорилъ онъ, сей Армянскій начальникъ, самымъ гнуснѣйшимъ и подлѣйшимъ человѣкомъ; и самъ отецъ *Паулинъ* признается, что онъ наполненъ бездѣльническими и плутовскими чувствами.

Прокуроръ суднаго приказа не въ состояніи былъ ни мыслить, ни изъясняться иначе. Есть такіе добродушные люди, которые на все сіе съ безпечностію смотрятъ; но я не изъ числа оныхъ; я напротивъ того думаю, что ежели таковыя нелѣпости могутъ помѣщены быть во Французской трагедіи, то надлежитъ зжечь Греческаго *Едипла*.

Г. Гюссонъ человѣкъ самый грубый и несговорчивой; я говорилъ все что могъ къ его успокоенію, однакожъ ничѣмъ не могъ его успокоить; онъ упорно стоялъ въ своемъ мнѣніи, а я утверждалъ свое.

IX.

Мы оставили г. *Благодѣна* весьма богатаго, невѣжливаго и неблагодарнаго. Онъ искусствомъ своимъ столько прославился, что признанъ былъ отъ всѣхъ самымъ хитрѣйшимъ комедіантомъ кукольныхъ комедій Какъ скоро получилъ онъ сіе достоинство, то возилъ своего *Арликича* по всѣмъ городамъ, и объявилъ всенародно, чтобъ всѣ съ учтивостію его называли господиномъ *Арликиномъ*, а безъ того онъ никакой комедіи представлять не будетъ. Отъ сего самаго произошло, что при всѣхъ представленіяхъ кукольной комедіи, *Ар-*

ликинѣ не отвѣтствуетѣ ни когда своему куму, прежде нежели кумѣ назоветѣ его господиномѣ *Арликиномѣ* Мало по малу *Арликинѣ* здѣлался столь важнымѣ что не представляли уже по томѣ никакого позорища, не заплативѣ ему пошлины, подобно какѣ провинцїальныя оперы платятѣ пошлину оперѣ Парижской.

Вѣ нѣкоторый день, одинѣ изѣ его служителей, который всегда стаивалѣ у входа, для принимания билетовѣ, и отворялѣ ложи, не получивши отѣ *Благодѣна* полнаго своего жалованья, противѣ его взбунтовалѣ, и завелѣ у себя другїя кукольныя комедїи, вѣ коихѣ опровергалися всѣ танцы госпожи *Жигоны*, и всѣ хитрыя ухватки *Благодѣна*. Онѣ убавилѣ болѣе 50 вещей, изѣ коихѣ составлялся *Орвїетанѣ*, а составлялѣ его у себя только изѣ пяти или изѣ шести лѣкарствѣ, и продавалѣ

гораздо дешевлѣ. Онъ похитилъ безчисленное множество хитростей у *Благодѣна*, за что произошла между ими ужасная ссора; и они долго дрались у дверей кукольнаго театра, на лугу ярмонки.

X.

Господинъ *Гюссонъ* говорилъ со мною вчерась о своихъ путешествїяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ жилъ много лѣтъ въ купеческихъ городахъ въ Ливантѣ, по томъ ѣздилъ въ Персїю, долго жилъ въ Индїи, и проѣхалъ всю Европу. Я примѣтилъ, говорилъ онъ мнѣ, что есть ужасное множество Жидовъ, которые ожидаютъ еще пришествїя Мессїи, и лучше захотятъ живые сѣсть на колъ, нежели согласиться, что уже было его пришествїе. Я видѣлъ также многихъ Турковъ, весьма въ томъ увѣренныхъ, что Магомедъ половину луны запряталъ къ себѣ въ рукавъ. Во всѣхъ кон-

цахъ земли нѣкоторые народы слѣпо вѣрятъ вещамъ со всѣмъ нелѣпымъ. Однако ежели бы самый премудрѣйшій философъ долженъ былъ раздѣлить хотя одинъ рубль съ самымъ глупѣйшимъ изъ сихъ нещастныхъ, въ коихъ разумъ человѣческій находится въ толь ужасномъ помраченіи, то дѣйствительно, ежели бы хотя одну копѣйку можно было изъ того раздѣлу получить лишнюю, то глупецъ имѣлъ бы довольно хитрости обмануть философа. Возможно ли! что въ самыхъ полезныхъ и важныхъ вещахъ сіи нещастные слѣпотствуютъ подобно кротамъ, а въ маловажныхъ, касающихся до гнуснаго ихъ прибытка, бываютъ они хитрѣе рыси? Для чего тотъ же самый Жидъ, который безъ зазрѣнія совѣсти можетъ обмануть, обокрасть, и задушить человѣка въ пятницу, не захочетъ украсть ни одной полушки въ день суботный? Сіе несогла-

сїе въ человѣческомъ родѣ, достойно того, чтобъ хорошенько объ немъ помыслить.

Не отъ того ли сїе происходитъ, говорилъ я, что люди суевѣрны по привычкѣ; а хитры въ обманахъ по природной склонности? *Я* о семъ думаю, сказалъ онъ; твое мнѣнїе показалось мнѣ довольно справедливымъ.

XI.

Арликинъ послѣ сего бѣдственнаго приключенїя претерпѣлъ многїе нещастїи. Агличане, будучи по природѣ суровы и глубокомысленны, предпочли ему *Шакеспеара*, который игрою своею приобрѣлъ великую славу, и ежели бы не вошло во употребленїе комической оперы, то театръ его былъ бы первый изо всѣхъ театровъ. Онъ имѣлъ великїе ссоры съ *Арликиномъ*, и еще не из-

вѣстно, кто изъ нихъ одержитъ побѣду. Однакожъ. . . . .

XII.

Однакожъ государь мой говорилъ я господину *Гюссону*, какъ возможно быть вдругъ столь смѣшну и столь безчеловѣчну? Какъ! въ *одной исторїи* единаго народа, находится вмѣстѣ и *безчеловѣчное* празднованїе С. Варфоломея, и сказки де ла Фонтеновы и пр или то дѣйствїе Климанта, или дѣйствїе народныхъ узаконенїй.

Родъ человѣческїй, отвѣтствовалъ г. *Гюссонъ*, ко всему способенъ. *Неронъ* проливалъ тогда слезы, когда должно было ему подписывать приговоръ о смертной казни преступнику, а съ холоднокровїемъ умертвилъ мать свою. Обезьяны дѣлаютъ чрезвычайно смѣшные и забавные движенїи, а сами задушаютъ дѣтей своихъ; нѣтъ ничего кротчае и

тише гончей собаки, однакожЪ она ревтЪ и терзаетЪ зайца, и обагряетЪ свое рыло вЪ крови его.

Вы должны бы, говорилЪ я ему, сочинить намЪ хорошую книгу, вЪ которой изЪяснили бы всѣ сїи несогласїи и противорѣчїи. Сїя книга уже есть, сказалЪ онЪ, посмотрите только на флюгорЪ, онЪ иногда вертится отЪ самаго тихаго дуновенїя Зефира, а иногда отЪ сильнаго западнаго вѣтра. ВотЪ точное изображенїе человѣка.

XIII.

Кажется, что нѣтЪ ничего роднѣе, какЪ любить свою двоюродную сестру. Можно также иногда любить и свою племянницу; однакожЪ во Францїи сїя любовь стоитЪ 18 тысячь ливровЪ, которые должно заплатить вЪ РимЪ, чтобЪ позволено было жениться на двоюрод-

ной сестрѣ, и 80 тысячь франковъ, чтобъ съ племянницею совокупиться законнымъ бракомъ.

Я полагаю по сороку племянницъ каждый годъ, вышедшихъ замужъ за своихъ дядей, и по двѣстѣ двоюродныхъ братьевъ женившихся на сестрахъ своихъ; то за сїе разрѣшенїе 6 миллїоновъ 800 тысячь ливровъ, каждый годъ, выходитъ вонъ изъ государства. Присоедините еще къ тому, около 600 тысячь франковъ, ежегодныхъ податей Папѣ, съ земель во Францїи, которые Король Французской подданнымъ своимъ жалуетъ, послѣ умершихъ родственниковъ въ наслѣдство; прибавте еще другїе мѣлкїе расходы, то и выходитъ около 8 миллїоновъ 400 тысячь ливровъ, которые мы ежегодно святому отцу съ щедростїю платимъ. Сумму сїю, можетъ быть, еще бы можно было увели-

чить; я думаю, всѣ со мною согласятся, что ежели во Францїи будетъ много двоюродныхъ сестеръ и племянницъ пригожихъ, и естьли пользѣ умершихъ много будетъ таковыхъ жалованныхъ земляныхъ наслѣдствъ, то сумма сїя легко можетъ удвоиться. Сїе иго довольно тягостно, когда сверьхъ того должно строить корабли, содержать войска, и платить еще другїе подати.

Мнѣ удивительно, что въ толикомъ множествѣ книгъ, коихъ автора съ двадцать лѣтъ управляли государствомъ, ни одинъ изъ нихъ не помыслилъ исправить сїи вредные злоупотребленїи. Я спрашивалъ у одного Сарбонскаго учителя, который былъ мнѣ прїятель, въ которомъ мѣстѣ Священнаго Писанїя показано, что Францїя должна платить Риму такую большую сумму денегъ?

однакожъ онъ того ни гдѣ найти не могъ. . . . . .

XIV.

Одинъ мой родственникъ, будучи уже не молодыхъ лѣтъ, и служа Королю 42 года, удалился жить въ вышнїй Ельзасъ, гдѣ имѣя не большую деревню, обработывалъ онъ землю, состоящую подъ вѣденїемъ Епископства Поранпрюскаго. Въ одинъ день приказывалъ онъ вспахивать послѣднїе свои пашни, ибо осеннее время уже наступало, и для того надлежало поспѣшать работой, но работники его, оказались отъ сей работы, представляя тому причиной, что въ тотъ день былъ праздникъ с. *Варвары*, которой болѣе всѣхъ празднуется въ Поранпрюѣ Ахъ! друзья мои, говорилъ имъ мой родственникъ; въ честь с *Варварѣ*, вы были сего дня у обѣдни; вы создали с. *Варварѣ* ей принадлежащее, а те-

перь воздайте мнѣ то, чѣмъ вы должны мнѣ; то есть, вспашите мои пашни, вмѣсто того, чтобъ итти въ кабакъ; *с. Варвара* требуетъ ли, чтобъ въ честь ей напивались пьяными, а у меня на сей годъ не достанетъ хлѣба. Прикащикъ его ему сказалъ: государь мой, вы сами видите, что меня бы прокляли, ежели бы я въ такой святой день сталъ работать; *с. Варвара* великая праведница! она концемъ пальца своего начертала крестъ на марморномъ столпѣ; нѣтъ, нѣтъ, я не буду работать въ день *с. Варвары*.

Родственникъ мой, послалъ нанять другихъ земледѣльцовъ Лютеранскаго закона, и пашня его немедлѣнно была вспахана. Епископъ Парантрюскій отрѣшилъ его за то отъ церкви; мой родственникъ называлъ сіе злоупотребленіемъ, и слѣдствіе объ ономъ, еще и

по нынѣ не кончано. По справедливости ни кто столько не вѣритъ, какъ мой родственникъ, что должно чтить святыхъ, однакожъ при всемъ томъ, онъ увѣряетъ, что надлежитъ также пахать землю.

Я полагаю во Франціи около пяти милліоновъ ремесленниковъ и разныхъ художниковъ, изъ коихъ каждой выработываетъ, трудясь одинъ для другаго, по 20 копѣекъ на день, но которыхъ принуждаютъ по набожности не работать ничего, *тридцать* дней въ каждый годъ, не считая при томъ дней воскресныхъ; то по сему и выходитъ, что ста пятидесяти милліоновъ нѣтъ между нами во обращеніи денегъ, и ста пятидесяти милліоновъ, сіи ремесленники и художники лишаются своихъ выработныхъ денегъ, и не дѣлаютъ пользы обществу своею работою. Коль ве-

ликое преимущество должны передЪ нами имѣть сосѣдніе государства, которые не празднуютЪ дня с. *Варвары*, и не имѣютЪ у себя Епископа Парантрюскаго? *Мнѣ* отвѣтсвовали на сіе возраженіе, что вЪ праздничные дни, отворенные кабаки, приносятЪ откупщикамЪ великую *прибыль*. РодственникЪ мой и самЪ на то былЪ согласенЪ, однакожЪ говорилЪ: что прибыль сія очень не велика, и что, ежели бы можно было работать послѣ обѣдни, то также можно бы было ходить вЪ кабакЪ послѣ *работы*. ОнЪ утверждалЪ, что сіе дѣло болѣе касалось до гражданскаго правленія, нежели до Епископа, и стоялЪ вЪ томЪ твердо, что гораздо лучше пахать землю, нежели упиваться до безумія, однакожЪ я страшусь, чтобЪ по суду обвиненЪ онЪ не былЪ.

VX.

Нѣсколько тому лѣтъ, какъ проѣзжая чрезъ Бургондїю, вмѣстѣ съ Г. *Еврардомъ*, увидѣли мы огромный каменный домъ, который отъ части строенїемъ приходилъ уже ко окончанїю. Я спрашивалъ: какому Принцу принадлежитъ оный? Одинъ каменщикъ мнѣ отвѣчалъ, что то былъ домъ господина Аббата, города Цито: что подрядчикъ подрядился его строить, за одинъ миллїонъ 700 тысячь ливровъ, однако надобно думать, что онъ будетъ стоить гораздо больше.

Я благодарилъ Бога, что онъ служителя своего довелъ до такого состоянїя, что онъ могъ созидать столь великолѣпные зданїи, и истрачивать столько денегъ. Вы шутите, сказалъ мнѣ *Г. Еврардъ*, не гнусно ли, что праздность вознаграждается двумя стами

пятьюдесятью тысячами годоваго доходу: а трудолюбїе и неусыпное бдѣнїе деревенскаго священника наказуется самымъ посредственнымъ содержанїемъ, состоящимъ изо ста только таллеровъ? Сїе неравенство, не самая ли есть гнуснѣйшая въ свѣтѣ несправедливость? Какая будетъ изъ того польза государству, когда монахъ будетъ жить въ огромномъ и великолѣпномъ домѣ, стоящемъ двухъ миллїоновъ? Двадцать семействъ бѣдныхъ офицеровъ, ежели бы раздѣлили по себѣ сїи два миллїона, то каждое изъ нихъ, имѣло бы довольнѣйшее пропитанїе, и воспитывало бы Королю новыхъ воиновъ, достойныхъ быть офицерами; а простые монахи, которые нынѣ безполезно подчинены одному, самими ими избранному, такому же монаху, могли бы быть членами, полезными государству: вмѣсто того, что они

подобно червямъ, со всѣхъ сторонъ его подтачиваютъ.

На сïе отвѣтствовалъ я г. *Еерарду*: вы очень поспѣшно и далеко забираетесь, то что вы говорите, безъ сомнѣнïя случиться можетъ; однакожъ не прежде, какъ чрезъ двѣсти, или триста лѣтъ: возмите терпѣнïе. — Для етого-то самаго, говорилъ онъ, что сïе не прежде, какъ чрезъ два, или три вѣка исполнится, я и теряю совсѣмъ терпѣливость. Мнѣ уже скучно смотрѣть на всѣ злоупотребленïя, которые я вижу. Мнѣ кажется, что я здѣсь хожу по пустынѣ Либïйской, гдѣ, естьли не разтерзываютъ насъ свирѣпые львы, то кровь изъ насъ высасываютъ насѣкомые, и гады.

Я имѣлъ, продолжалъ онъ, сестру столь слабаго сложенïя, что она не согласилась бы быть *Жансенистской* и

изъ доброй воли: а не только по принужденiю; но похвальный обрядъ исповѣдныхъ билетовъ съ отчаянiя довелъ ее до гроба. *Братъ* мой имѣлъ одно судное дѣло, отъ котораго зависѣло все его благополучiе, и кое по первой прозьбѣ его должно бы рѣшиться въ его пользу; однакожъ не знаю, какъ то случилось, что судьи покривили вѣсами правосудiя, и братъ мой совсѣмъ раззорился. У меня есть одинъ старый дядя, покрытый весь ранами, который нѣкогда домашнiе свои уборы и посуду перевозилъ изъ одной провинцiи въ другую; проворные комисары за неисполненiе нѣкоего обряда, все сiе на дорогѣ захватили, и дядя мой, будучи не въ состоянiи заплатить положенный за то штрафъ, въ тюрмѣ жизнь свою окончилъ.

Г. *Еврардъ* цѣлыхъ два часа разказывалъ мнѣ о многихъ подобныхъ се-

му приключенїяхъ; но наконецъ я ему сказалъ: Ахъ! г: *Еврардъ*! я самъ въ жизни моей претерпѣлъ болѣе, нежели вы! Люди во всѣхъ концахъ свѣта сотворены таковыми Мы думаемъ, что злоупотребленїя у насъ только однихъ господствуютъ; но мы оба съ вами, съ таковыми мыслями, подобны *Астолфу* и *Жоконду*, которые думали прежде, что у нихъ только однихъ были жены невѣрны; а какъ начали путешествовать, то увидѣли, что вездѣ есть мужья имъ подобные. — То правда, сказалъ г. *Еврардъ*: однакожъ, по крайней мѣрѣ, они имѣли то удовольствїе, что сами вездѣ платили тѣмъ же, чѣмъ другїе, по милости своей, въ домахъ ихъ награждали.

Постарайтесь, сказалъ я ему, здѣлаться хотя на три только года *Директоромъ* въ . . . или въ . . . или въ . . . тогда и вы съ лихвою за себя отомстить можете.

И въ самомъ дѣлѣ г. *Еврардъ* послѣдовалъ моему совѣту. Онъ здѣлался нынѣ во Франціи такимъ человѣкомъ, который окрадываетъ Короля, раззоряетъ государство, и притѣсняетъ частныхъ людей самымъ непритворнымъ и благороднымъ образомъ; и съ того времяни онъ ѣстъ сладко, и судитъ весьма надмѣнно о новомъ заведеніи.

XV.

Жалобница ко всѣмъ судьямъ Французскаго государства.

Сочиненная тремя стряпчими Парламента 17'9 года.

Наиполезнѣйшая часть человѣческаго рода: та, которая васъ питаетъ, вопіетъ изъ нѣдръ своего убожества къ своимъ защитникамъ.

Вамъ извѣстны наши труды, кои вырываютъ у насъ столь часто хлѣбъ, приготовляемый нами для самихъ нашихъ притѣснителей. Алканіе къ грабежу, причиняющее намъ нещастіе, также вамъ не безъизвѣстно. Вы покушались болѣе одного раза, облегчить иго насъ отягчающее, и мы за то молили за васъ Бога, и желали вамъ всякаго блага, хотя по нынѣ безпрестанно произносимъ вопль и проливаемъ слезы.

Мы платимъ безъ роптанія всякіе государственные поборы; всѣ положенные на насъ подати, пошлины, подушные, двойную двадцатную деньгу; и даемъ квартирующимъ у насъ солдатамъ всякую нужную имъ посуду, и ихъ кормимъ. Однимъ словомъ: мы платимъ всякаго рода подати и пошлину, со всего того что служитъ къ нашему бѣдному одѣянію; а наконецъ, даемъ десятинный зборъ нашимъ священникамъ, со всего, чѣмъ земля труды наши вознаграждаетъ; но они ни мало въ наше бѣдное состояніе не входятъ (*). И такъ при концѣ года, весь плодъ нашихъ трудовъ совсѣмъ для насъ изчезаетъ. Ежели случится иногда, что мы получимъ хотя одну минуту на отдохновеніе, тогда таскаютъ насъ на самыя тяжкія рабо-

(*) Во всѣхъ областяхъ Россійской Имперіи, простирающейся около милліона и двухъ сотъ тысячь миль въ квадратѣ; да и почти во всѣхъ земляхъ Протестанскихъ, священники содержатся на содержаніи казенномъ.

ты, за двѣ или за три мили отъ нашего жилища, и въ то время, какъ мы, такъ равно наши жены, дѣти, и всѣ наши рабочїе скоты, бываемъ отъ сихъ тягостныхъ трудовъ совершенно изнурены: а иногда отъ усталости на дорогѣ умираемъ. *Пускай бы уже понуждали насъ* къ сей тягостной работѣ во время нашей праздности; но вмѣсто того часто таскаютъ насъ въ такїя минуты, когда жнитво и собиранїе хлѣба къ себѣ насъ призываютъ. Намъ велятъ оставлять жнитво и погублять насущный нашъ хлѣбъ, единственно для того чтобъ итти укрáшать большїя дороги въ шестьдесятъ футовъ шириною: хотя и двадцати футовъ для оныхъ было бы довольно (*) Сїи великолѣпныя и безполезныя дороги отнимаютъ у государства боль-

(*) Большїя дороги у Римлянъ были только въ пятнадцать футовъ шириною, кои по нынѣ еще цѣлы, и находятся въ томъ же самомъ положенїи.

шую часть лучшей его земли, которую наши руки съ успѣхомъ бы обработывали.

У насъ отнимаютъ наши поля, виноградные сады и луга, и понуждаютъ превращать ихъ въ увеселительныя дороги. Насъ отрываютъ отъ сохи, и заставляютъ трудиться для собственнаго нашего раззоренїя; а вся награда за сей трудъ состоитъ только въ томъ, чтобъ мы видѣли по наслѣдственнымъ нашимъ землямъ проѣзжающїя кареты нашего Провинцїальнаго Исправника, Епископа, Аббата, Откупщика, и другихъ знатныхъ Вельможъ, кои топчутъ ногами лошадей своихъ ту землю, которая на предь сего служила къ нашему пропитанїю.

Однакожъ всѣ сїи злощастїя, толико насъ отягчающїе, не суть нынѣ предметомъ нашей жалобы; доколѣ доставать будетъ нашихъ силъ, мы тру-

диться будемъ: ибо надлежитъ, или умереть, или принять сїе намѣренїе.

Нынѣ мы ни о чемъ болѣе васъ не просимъ, какъ только о дозволенїи намъ работать, какъ для собственнаго нашего, такъ и для вашего питанїя, въ первое великопостное воскресенье, и въ другїе праздники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О постѣ.

Всѣ наши дни, суть дни трудовъ и изнуренїя. Хлѣпопашество требуетъ нашего поту равно, какъ въ великопостное воскресенье, такъ и въ другїя времяна года. Мы во весь годъ постимся; ибо не извѣстно ли всѣмъ, что мы почти никогда не ѣдимъ мяса? Увы! уже то совершенно доказано, что ежели бы всѣ до одного, ѣли во весь годъ мясо, то не доставало бы его и по четыре фунта на мѣсяцъ для каждаго. Не многїе изъ насъ имѣ-

ютъ и то утѣшеніе, чтобы ѣсть мясной бульонъ, во время болѣзни своей. Насъ увѣряютъ, что въ постъ былъ бы для насъ великій грѣхъ, съѣсть хотя одинъ кусокъ гнилой и заплѣснѣвѣлой ветчины съ нашимъ чернымъ рѣшетчымъ хлѣбомъ При томъ извѣстно намъ и то, что прежде сего, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, судьи осуждали на смертную казнь тѣхъ, кои будучи изнуряемы несноснымъ голодомъ, съѣли въ постъ одинъ только кусокъ лошадинаго мяса, или другой какой мертвячины, брошенной въ яму: (*) а въ то

(*) Списокъ съ рѣшительнаго приговора, безъ подтвержденія вышняго суда, учиненнаго главнымъ судіею, монахомъ с. *Клавдія*, 28 Іюля 1629 года.

Мы разсматривая наше производство суда, и мнѣніе Докторовъ правъ, признаемъ реченнаго Вильгельма, *простаго дворянина, справедливо обвиненнымъ: ибо онъ уличенъ былъ въ томъ, что 31 числа прошедшаго мѣсяца Марта, въ день субботній въ постъ, похитилъ онъ нѣсколько кусковъ мертвой лошадины, брошенной въ яму, на лугу близъ сего города, и 1 числа Апрѣля ихъ ѣлъ;*

самое время въ Парижѣ славной откупщикъ содержалъ на подставахъ почтовыхъ лошадей, которыя каждый день

почему въ наказанïе за сïе учиненное имъ прегрѣшенïе, мы его осуждаемъ на отсѣченïе головы на Ешафотѣ, поставленномъ на площади близь рынка и пр.

По семъ слѣдуетъ обстоятельное описанïе производства судныхъ дѣлъ, касающихся до приговора о сей смертной казни.

N B Судьи мѣщанскаго приказа не могли безъ подтвержденïя вышняго суда рѣшить никакого дѣла, которое стоило свыше пяти сотъ ливровъ; а проливать человѣческую кровь властны были и безъ подтвержденïя сего суда.

Главный судья сей земли, называемый *Богетъ*, похваляется въ своей книгѣ о Еретикахъ, напечатанной въ Лïонѣ въ 1607 году, что онъ сожегъ 600 Еретиковъ. Онъ увѣряетъ въ оной же книгѣ на 39 страницѣ, что и *Магомедъ* былъ также Еретикъ, и что онъ имѣлъ при себѣ быка и голубя, въ которыхъ дïяволы превращены были.

Историки никогда насъ не увѣдомляли о сихъ гнусныхъ, страшныхъ и мучительныхъ казняхъ. Они только лишь говорятъ о придворныхъ ухищренïяхъ и пронырствахъ. коихъ большая часть изъ нихъ сами никакъ

привозили къ нему свѣжую морскую рыбу изъ Дїеппа. Онъ, слѣдуя закону, рачительно сохранялъ постъ, и торжествовалъ съѣдая съ своими объѣдальщиками въ каждый день на двѣсти таллеровъ рыбы; а мы, ежели когда съѣдимъ хотя за двѣ только полушки сквернаго и не вкуснаго мяса, то насъ за то ведутъ на висѣлицу: и сверьхъ еще того, угрожаютъ намъ осужденїемъ на вѣчную муку.

Но нынѣ сїи ужасные времяна уже перемѣнились; однакожъ все еще весьма трудно прїобрѣсть намъ наше спасенїе: ибо мы не имѣемъ у себя ничего, кромѣ ржанаго, или каштановаго, или ячмен-

---

не понимали: а позабываютъ о томъ, что принадлежитъ до человѣколюбїя. Они не вѣдаютъ до какого степени мы были варварами и мучителями, и что еще по нынѣ не совсѣмъ въ насъ изтребилось сїе марзкое и ненавистнее варварство, которое столь много унижало насъ предъ дикими народами.

наго хлѣба: яицъ отъ нашихъ куръ, и сыру, сдѣланнаго изъ молока нашихъ коровъ и козъ. Самыя рыбы, доставаемыя изъ рѣкъ и озеръ, весьма дороги для убогихъ и неимущихъ жителей деревенскихъ; ибо они не имѣютъ права въ ловленіи оной рыбы: а вся она отвозится въ большіе города, и продается тамъ за такую цѣну, за которую намъ никакъ купить ее не возможно.

Во многихъ нашихъ провинціяхъ запрещено ѣсть яицы: а въ другихъ и сыръ ѣсть не позволено. Намъ говорятъ, что зависитъ отъ совершенной власти Епископа, запретить намъ ѣсть яица и молошное кушанье, такъ что мы осуждены, или грѣшить по ихъ словахъ смертно, или помирать съ голоду, по своенравію единаго человѣка, отдаленнаго отъ насъ за десять, или за двенадцать миль, котораго мы никогда въ глаза не ви-

дали: а можетъ быть и во весь вѣкъ нашъ не увидимъ. Для него наше убожество трудится и работаетъ: а онъ наслаждаясь чрезмѣрно великимъ доходомъ, живетъ въ свое спокойствѣ и изобилїи; прїобрѣтаетъ спасенїе, кушая въ постъ самыхъ лучшихъ морскихъ рыбъ, и пивши бургонское вино; да какъ сказываютъ и еще сего лестнѣйшимъ наслаждается онъ блаженствомъ, имѣя власть и могущество надъ всѣми въ здѣшнемъ свѣтѣ.

И такъ, скажите теперь намъ, разумные судїи! питанїе народа не должно ли совершенно зависѣть отъ градоначальства? и надобно ли, чтобы оно зависѣло отъ посредственной власти единаго человѣка, который не имѣетъ: и никогда не можетъ имѣть никакого права надъ благоучрежденнымъ правленїемъ въ государствѣ.

Мы вѣримъ, что сей Епископъ имѣетъ право предписывать намъ, подъ угроженіемъ смертнаго грѣха воздержаніе отъ пищи, во время святаго поста, и въ другіе времяна, назначенные церковію: ибо тогда, по соборному преданію святыхъ отецъ, употребленіе мяса запрещается равно и богатымъ, такъ какъ мы не употребляемъ его во весь годъ, по нашему убожеству. Но чтобъ могъ еще кто нибудь быть посредникомъ, въ заповѣданіяхъ церкви, то сего мы никакъ постигнуть не можемъ: и чтобъ одинъ человѣкъ, по одному только своенравію, могъ лишать насъ въ постъ самой послѣдней бѣдной нашей пищи; то оное кажется намъ такъ, какъ бы хотѣли у насъ отнимать нашу жизнь, запрещая намъ употреблять самую убогую пищу. И такъ для сей то причины мы нынѣ сію нещастную нашу жизнь предаемъ вашему покровительству.

Вамъ единымъ, обремененнымъ должностію соблюденія всеобщаго благоустройства въ здѣшнемъ Государствѣ, надлежитъ разсмотрѣть что законъ нужды есть первый изъ всѣхъ законовъ, и что Пастыри нашихъ душъ не могутъ имѣть никакой власти изнурять голодомъ тѣла своихъ овецъ, запрещая намъ ѣсть яицы отъ нашихъ куръ, и худые сыры, руками нашими сдѣланные; ибо безъ сей, требуемой нами у васъ защиты, судьба и самыхъ гнуснѣйшихъ нашихъ скотовъ была бы гораздо предпочтительнѣе нашей. Конечно мы постимся; однакожъ вамъ единымъ надлежитъ войти въ разсмотрѣніе той бѣдной и убогой пищи, которую пашни наши намъ доставляютъ. Помощники Генеральныхъ Прокуроровъ, и всѣ нижніе судіи вѣдаютъ, что мы ничего кромѣ яицъ и сыра у себя не имѣемъ, и что одни только богачи имѣютъ въ

Мартѣ мѣсяцѣ наилучшїе плоды въ своихъ оранжереяхъ, и рыбу въ садкахъ своихъ.

Мы были бы согласны во весь вѣкъ нашъ поститься; однакожъ не хотимъ помирать съ голоду. Церковь предписываетъ намъ воздержанїе только отъ пищи: а не голодъ. Намъ говорятъ, что оные законы присылаются къ намъ изъ Италїи; что сїя Италїя должна владычествовать надъ Францїею, и что наши Епископы не могутъ быть иначе Епископами, какъ по дозволенїю нѣкоего человѣка, живущаго въ Италїи. Сїе-то самое превозходитъ наше слабое понятїе, и въ таковомъ случаѣ мы прибѣгаемъ къ вашему просвѣщенїю. Однакожъ то совершенно намъ извѣстно, что въ полуденныхъ странахъ Италїи родятся разные вкусные плоды, служащїе во время поста для пищи: въ нашемъ же то-

лико отъ всѣхъ похваляемомъ Климатѣ, въ сїе время природа для нашего питанія оныхъ не производитъ Мы слышимъ воспѣваніе и прославленіе весны, людьми живущими въ городѣ; но въ нашихъ сѣверныхъ провинціяхъ извѣстна намъ весна, по одному только ея названію.

И такъ по сему надлежитъ вамъ судить: не требуетъ ли сїе различїе въ земляхъ равномѣрнаго различїя и въ законахъ: и что сей предмѣтъ долженъ дѣйствительно зависѣть отъ гражданскаго, а не отъ духовнаго правленія, въ которомъ вы главнѣйшїе начальники?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Приступимъ теперь къ нашимъ работамъ въ праздничные дни.

Мы васъ просили о дозволеніи намъ продолжать нашу жизнь: а теперь про-

симъ дозволенія работать. Святая Церковь повелѣваетъ намъ присудствовать при божественной службѣ, какъ въ воскресный день, такъ и въ другіе праздники: и мы сіе тщательно исполняя, рачительно слѣдуемъ ея уставамъ. Мы оное почитаемъ для себя священнѣйшею должностію. Но сія самая церковь да посудитъ сама: не лучше ли, послѣ служенія Богу служить человѣкамъ, нежели тратить время въ праздности, и лишаться разума и силъ, упиваясь въ кобакѣ.

Однакожъ, не церковь узаконила брать успокоеніе въ день воскресный: а насъ увѣряютъ, что Императоръ *Константинъ* первый, изданнымъ своимъ указомъ въ 331 году, повелѣлъ, чтобы день солнца, который послѣ у насъ названъ воскресеніемъ, посвященъ былъ успокоенію; но тѣмъ же самымъ

указомъ, позволилъ онъ трудиться въ земледѣлїи.

Отъ чего же произошло, что сїе полезное учрежденїе нынѣ совсѣмъ перемѣнилось? Почто въ толикое множество установленныхъ праздниковъ, повелѣваетъ оно пребывать цѣлые дни въ праздности и безумномъ пьянствѣ. Тогда земля противу насъ вопїетъ, и обвиняетъ наши руки, что онѣ не щатся ее обработывать? Возможно ли! въ большихъ городахъ въ *Стретеньевъ день*, и во дни: *Захарїя и Елисаветы*, *с. Матѳея*, *с. Симона*, *с. Іуды*, *и с. Іоанна Крестителя*, позволено ходить толпою въ Комическую оперу, и слушать тамъ шуточныя и любовныя рѣчи, кои не инымъ чѣмъ удаляются отъ сквернословїя, какъ только нѣкоторымъ соблюденїемъ умѣренности и нѣжности въ выраженїи; а намъ питателямъ все-

го человѣческаго рода, не позволяется во оные дни производить нашу работу, самимъ Богомъ узаконенную! Игры и забавы во всѣхъ домахъ позволены: а паханїе земли и сѣянїе хлѣба, въ деревняхъ, за великой грѣхъ почитаютъ.

Намъ на сїе отвѣтствуютъ, что нашъ приходскїй священникъ можетъ намъ позволить исполнять сїю святую божественную работу, когда ему за благоразсудится. Ахъ! разумные судїи! всегда ли долженъ быть посредникъ! Увы! ежели сей священникъ богатъ, и презираетъ бѣдными подарками убогихъ своихъ прихожанъ, и естьли при номъ имѣетъ онъ еще съ ними нѣкую тяжбу: (что весьма часто случается) тогда получить оное дозволенїе, во весь годъ, никакой не можно имѣть надежды.

Надлежитъ, чтобъ земледѣлїе было: или зломъ, или добромъ. И такъ ежели оно почитается зломъ, то никакая власть не можетъ имѣть права его дозволить; ежели же почитаютъ его добромъ, то также никакая власть запретить его не можетъ. Но можетъ быть скажутъ намъ, что оно есть дѣло доброе, когда исполняется въ день такого святаго, котораго не празднуютъ; а погрѣшительно въ день того святаго, котораго празднуютъ и торжествуютъ; однакожъ мы различїя сего совсѣмъ не разумѣемъ. Мы просимъ васъ только разсмотрѣть, что сїе земледѣлїе должно зависѣть: отъ духовнаго ли правленїя, или отъ гражданскаго; и свѣтскимъ ли судїямъ, живущимъ въ открытомъ свѣтѣ, надлежитъ входить въ изслѣдованїе, когда земледѣлїе находится въ толикомъ небреженїи, и когда хлѣбъ требуетъ скорѣй-

шей и рачительнѣйшей нашей прилѣжности въ работѣ, или сїе разсмотрѣнїе принадлежитъ Епископу, затворенному въ своей кельѣ?

Вы служители Господни! наставляйте благочестїю: а вы судїи, ободряйте работу, которая есть защита и охраненїе добродѣтели! Двадцать излишнихъ въ Государствѣ праздниковъ повергаютъ работныхъ людей въ праздность и невоздержную жизнь; въ сїи двадцать дней, десять миллїоновъ работниковъ, могущихъ на каждый день сработать на десять копѣекъ, теряютъ какъ у себя, такъ и у всего Государства прибыли на каждый годъ около десяти миллїоновъ нашихъ Французскихъ Таллеровъ. Сїя печальная истинна уже доказана, и великое предъ нами преимущество Протестантскихъ народовъ довольно насъ въ томъ увѣряетъ: она была чувствуема въ Римѣ,

гдѣ земля не можетъ пропитать всѣхъ своихъ жителей. Тамъ хотя убавили праздниковъ; однакожъ польза отъ того была посредственна по тому, что тамъ для земледѣлія не достаетъ рукъ: ибо въ семъ Государствѣ находится гораздо болѣе священниковъ, нежели хлѣбопашцевъ. Тамъ каждый достигаетъ до своего щастія говоря: что онъ лучше хочетъ быть на землѣ учителемъ, нежели земледѣльцемъ; и по тому почти никто ее не удобряетъ. Австрійскія владѣнія получили гораздо больше пользы отъ убавленія праздниковъ. И такъ да будутъ они почитаемы въ одномъ только днѣ воскресномъ. Пусть успокоеніе отъ трудовъ въ сей святый день будетъ позволено; однакожъ чтобъ то было не принужденно: ибо какой законъ можетъ принуждать ничего не дѣлать и пребывать въ праздности? Какъ возмож-

но! чтобъ наказывать человѣка за то, что послѣ служенія и моленія Богу, онъ дѣлаетъ услугу подобнымъ себѣ человѣкамъ.

Ежели, по нашему невѣденію, мы здѣсь сказали нѣчто противное законамъ, то отпустите нашему невѣжеству, которое произтекаетъ отъ всегдашней и необходимой нашей бѣдности; однакожъ соблаговолите разсмотрѣть: что хотя законодательная духовная власть едина учредила воскресный день; но не одной ей надлежитъ входить въ наблюденіе благочинія и порядка, какъ въ сей день, такъ и во всѣ другіе праздники.

Наконецъ, пусть церковь подаетъ намъ свои благочестивые совѣты; но Государь пусть оными управляетъ: истолкователи же законовъ, предстоящіе близъ Монаршаго престола, должны

изпрашивать и имѣть попеченіе о сихъ законахъ, полезныхъ для всего человѣческаго рода: ибо по истиннѣ, Государь должен пещись равно о всѣхъ своихъ подданныхъ.

Мы не требуемъ никакого убавленія изъ истинныхъ правъ церкви; (сохрани насъ отъ того Боже!) но униженно просимъ о правахъ гражданской власти, для благосостоянія всего Французскаго народа, въ коемъ дѣйствительно есть болѣе десяти милліоновъ нещастныхъ тваpей, кои въ жизни своей претерпѣваютъ крайній недостатокъ, и скрываютъ свое убожество: какъ въ то же самое время нѣсколько тысячь блистательныхъ Вельможъ притворно представляютъ себя благополучными, и являясь съ надмѣнною пышностію предъ иностраными, имъ говорятъ: *судите по насъ о Франціи.*

XVI.

Вопль народный

Гишпанія! которая была спокойнымъ жилищемъ Езуитамъ; *Французскій Парламентъ!* который съ самаго установленія сихъ монаховъ всегда законно противу ихъ вооружался; *Португалія!* которая съ лишкомъ много претерпѣла бѣдствій отъ ихъ вредоносныхъ правилъ; *Неаполь! Сицилія! Парма!* и *Мальта!* которымъ также они были извѣстны; всѣ вы наконецъ очистили отъ нихъ ваши земли, не для того, чтобы не было между ими людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, но для того, что вообще разумъ сихъ чернецовъ былъ противенъ пользѣ всѣхъ народовъ, и для того, что дѣйствительно они составляли войско нѣкоего иностраннаго владѣльца.

Въ семъ - то видѣ просвѣщенный разумъ почти всѣхъ державъ Католическихъ налагаетъ нынѣ законное обузданіе на своеволіе монаховъ, кои прежде почитали себя никакимъ законамъ неподвержеными. Сія благополучная перемѣна, которая почиталася совсѣмъ невозможною въ прошедшіе вѣки, (хотя очень легко можно было ее исполнить) принята была нынѣ съ радостнымъ возклицаніемъ отъ всѣхъ народовъ. Нынѣ люди сдѣлавшись просвѣщеннѣе, учинилися чрезъ то разумнѣе и менѣе нещастны. Сія перемѣна произвела бы проклятіе, отлученіе отъ церкви, и междоусобіе, во времяна варварскіе; но въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ слышны были повсюду радостныя возклицанія.

Тѣ самые народы, кои благословляютъ своихъ Государей и ихъ премудрое правленіе, что начали они сіе

столь великое и важное дѣло, надѣются, что оно не останется уже недовершеннымъ. Но когда изгнали *Езуитовъ* за то, что были они главнѣйшимъ орудіемъ всѣхъ требованій двора Римскаго: то какъ было бы возможно оставить въ своемъ дѣйствіи сіи требованія? Какъ можно, чтобъ наказывали тѣхъ, кои служили имъ нѣкоторою токмо подпорою: а съ терпѣніемъ бы еще по нынѣ сносили великія притѣсненія отъ тѣхъ, которые требованія оные исполняютъ.

О ежегодныхъ податяхъ Папѣ.

Отъ чего сіе прозходитъ, что *Франція*, *Гишпанія* и *Италія* платятъ еще по нынѣ ежегодные подати Епископу Римскому? Государи жалуютъ въ Епископское достоинство: а церковь сообщаетъ имъ даръ Святаго Духа. Сіи

два дара по истинне не имѣютъ ничего между собою общаго. Государи установили сїе духовное мѣсто, которое пользуется нѣкоторымъ доходомъ: или лучше сказать, они наслѣдуютъ сїе право отъ тѣхъ самыхъ Государей, кои оное учредили; слѣдственно, таковое жалованїе зависитъ непосредственно отъ короны: ибо единственно по милости Государя, а не Епископа иностраннаго, Епископъ приобрѣтаетъ свое достоинство. Не Папа сообщаетъ ему даръ Святаго Духа: а онъ получаетъ оный отъ просвѣщенїя и рукоположенїя нѣкоторыхъ другихъ, той же земли, Епископовъ. И такъ, естьли долженъ онъ платить Папѣ нѣкоторую сумму денегъ за свое посвященїе, то во ономъ есть оскорбленїе Государственному правленїю; а буде сїи деньги платитъ онъ за получение Святаго Духа, то оное можно почесть продажею святыхъ вещей; нѣтъ

никакого въ томъ посредства. Повидимому хотѣли только прикрыть нѣкоторымъ предлогомъ сей торгъ, оскорбляющїй какъ законъ, такъ и Государство; но никогда не могли ему придать точной справедливости.

Говорятъ, что сїе право уполномочено чрезъ договоръ, учиненный между Королемъ Францискомъ I, и Папою Леономъ X. Но похоже ли это на дѣло! когда въ то время Король и Папа имѣли одинъ въ другомъ нужду, или естьли тогдашнїя ихъ пользы тѣсно ихъ другъ съ другомъ соединяли: то должно ли, чтобы нынѣ Государство отъ того столь великїй вредъ и притѣсненїй претерпѣвало? Надлежитъ ли платить вѣчно то, чего платить совсѣмъ не слѣдуетъ, и должно ли быть невольникомъ въ 18 вѣкѣ по тому, что въ 16 мъ были люди глупы и непросвѣщенны.

О *разрѣшенїяхъ*.

Платятъ весьма дорого Риму за разрѣшенїе жениться на двоюродной сестрѣ и на племянницѣ. Естьли таковые браки прогнѣвляютъ Бога: то какая власть на землѣ, могла бы имѣть право ихъ позволить? и естьли оное Богу противно: то къ чему служитъ разрѣшенїе! Ежели же сїе разрѣшенїе необходимо нужно: то для чего *Шампанецъ* и *Пикардецъ* должны его требовать отъ Первосвященника *Италїянскаго* и платить ему за него деньги? Сїи *Шампанцы* и *Пикардцы* не имѣютъ ли своихъ собственныхъ судебныхъ мѣстъ, кои могутъ разсматривать ихъ брачные договоры: и своихъ Священниковъ, которые, по таковымъ брачнымъ договорамъ, исполняютъ таинство бракосочетанїя.

Не постыдное ли то рабство, которое совсѣмъ противно, какъ правамъ человѣческимъ, такъ достоинству короны, Священному закону и самой природѣ, чтобъ платить иностранцу за позволенiе жениться въ своемъ отечествѣ?

Сiе гнусное мучительство, довело наконецъ до того, что всѣ *почитаютъ*, будто бы одинъ только Папа имѣетъ право дать дозволенiе за деньги, крестному сыну жениться на своей крестной матери. Но что такое значитъ крестная мать? Она не что иное, какъ женщина со всѣмъ безполезная при крещенiи мальчика: приономъ нуженъ одинъ крестной отецъ, а она послѣдуя только ему, отрицается, или отвѣчаетъ за младенца, что онъ будетъ Христiяниномъ. И такъ единственно для того, что она отвѣчала за него, что онъ будетъ сохранять священные правила

Христїянства, почитается преступленїемъ исполнить съ нею брачные тайны, Христїянскимъ закономъ позволенные: и будто одинъ только Папа имѣетъ власть премѣнить сїе преступленїе въ дѣло дозволительное и священное, посредствомъ заплаченной ему суммы денегъ.

Сїе мнимое преступленїе не менѣе также почиталося важнымъ и между кумомъ съ кумою. За то, что они при крещенїи младенца, рожденнаго въ Бавїерѣ, отрицались, что онъ будетъ Христїяниномъ, не могутъ никогда сочетаться бракомъ, естьли Первосвященникъ Римскїй не получитъ отъ нихъ великой суммы денегъ въ заплату за сїе разрѣшенїе! Такимъ то образомъ поступаютъ съ бѣдными человѣками! да они того и достойны по тому, что таковое безчеловѣчїе сносятъ терпѣливо.

О Булле (*) IN COENA DOMINI.

Буллу in coena domini не менѣе можно почесть страннѣйшимъ и достопамятнѣйшимъ знакомъ безумнаго самовластїя, которое съ давняго времяни присвоилъ себѣ дворъ Римскїй. Буллы: *Григорїя* I, и II; *Инокентїя* IV; *Григорїя* IX; и *Вонифантїя* VIII; были безъ сомнѣнїя бѣдственнѣе и вредительнѣе для человѣковъ по тому, что тогда всѣ пребывали въ великомъ невѣжествѣ; но Булла in coena domini, тѣмъ болѣе примѣчанїя достойна, что она была выдана въ такїе уже времяна, когда люди начинали выходить изъ того мрачнаго невѣжества, въ которомъ вся Европа чрезъ столь долгїе вѣки пребывала. Вся Англїя и половина Рима

(*) Булла: Папской указъ, или узаконительная грамота Папы.

возмутясь въ 16 вѣкѣ противъ несносныхъ притѣсненій Римскихъ, казалося, тѣмъ возвѣщали сему двору, чтобы онъ умѣрилъ свое самовластіе. Однакожъ не взирая ни на благопристойность, ни на божественные и человѣческіе права, Епископъ Римскій *Пій V* не умедлилъ издать сію Буллу, которую торжественно провозглашаютъ въ Римѣ каждый годъ, въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, съ наивеличайшею и печальною церемоніею. Въ сей день предаютъ проклятію всѣхъ властей, всѣхъ Епископовъ, и всѣхъ тѣхъ наконецъ, кои призываютъ къ будущему Собору; всѣхъ корабельныхъ начальниковъ, разъѣзжающихъ по морю у береговъ земель духовныхъ; всѣхъ тѣхъ, которые остановляютъ промышленниковъ, доставляющихъ для Папы мясо; всѣхъ Государей, ихъ Канцлеровъ, ихъ Парламенты, или вышніе судилища, которые

вспомоществуютъ къ собиранію податей съ духовенства, подъ какимъ бы то правленіемъ ни было; и всѣ Правительства, а особливо тѣ Парламенты, кои противятся принятію поученія отъ Трентскаго собора. Одинъ только Папа можетъ простить приличившихся въ сихъ важныхъ преступленіяхъ: имъ надлежитъ приходить въ Римъ просить себѣ прощенія у великихъ намѣстниковъ Папскихъ, кои долженствуютъ ихъ ударять своими посохами. Такимъ образомъ всѣ Парламентскіе, во Франціи, члены должны странствовать въ Римъ, чтобъ быть тамъ сѣченными прутьями въ церквѣ св: *Петра*: да для чего же и не такъ! и великій *Генрихъ* IV получилъ таковое наказаніе отъ Прокурора, по спинамъ *Оссатскаго* и *Перронскаго* Кардиналовъ.

О судіяхъ определяемымъ Римомъ.

Священникъ, во Французскихъ провинціяхъ, бываетъ судимъ по всей формѣ духовныхъ законовъ, въ Консисторіи у своего Епископа; по томъ призываютъ его къ Архіепископу, а оттудова къ Примасу. Кажется сего было бы и довольно. Надлежитъ ли еще четвертое судилище, для конечнаго его раззоренія? и должно ли чтобы Римъ избиралъ для него сихъ судей? Сіе называется: призывать его ко Апостоламъ; но мы ни въ какомъ писаніи не видимъ, чтобы Апостолы когда либо рѣшили дѣла въ Іерусалимѣ, по переносу къ нимъ изъ судебныхъ мѣстъ отъ *Галлатовъ*.

Какія могутъ быть причины всѣхъ сихъ требованій?

Притѣсненія Римскаго двора, весьма суть велики и раззорительны: а требованія его очень многочисленны. Но на чемъ же они основаны? и по что Епископъ Римскій поставляетъ себя властителемъ надъ церковію, и главнымъ начальникомъ надъ всѣми законами и Государями? Не для того ли, что онъ называется Папа? Однакожъ подобнымъ сему названіемъ всякій священникъ именуется Попъ, въ Греческой церквѣ, которая есть мать церкви Римской, и которая никогда не согласовалася на таковыя притѣсненія, каковыя оная дочь ея, церковь Римская, употребляетъ. Или не для того ли, что Іисусъ Христосъ точно сказалъ сими словами ученикамъ своимъ: *Тако будутъ послѣд-*

нїи первїи, и первїи послѣднїи? Или не для того ли, что онъ же сказалъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящшїй быти, да будетъ вамъ слуга; и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ?*

Или, можетъ быть, для того, что Папы называютъ себя наслѣдниками святаго Апостола *Петра?* Однакожъ то уже доказано, что *св: Петръ* никогда не имѣлъ никакого начальства надъ другими Апостолами, своими собратїями; да и то также не менѣе доказательно, что *св: Петръ* никогда не бывалъ въ Римѣ; ибо ежели бы онъ когда былъ въ семъ городѣ, то въ дѣянїи Апостольскомъ о томъ было бы сказано; да и первая церковь построенная въ Римѣ, была бы создана въ честь *св: Петру*, а не *св: Іоанну*; и тогда сїя церковь *св: Іоанна* не почиталася бы

еще и по нынѣ Римлянами за первую восточную церковь.

. . . .

. . . .

Возможно ли, чтобъ на таковыхъ ложныхъ увѣренiяхъ человѣческое неразумiе основывало, во времяна варварскiе и непросвѣщенные, чрезвычайнѣйшую власть, съ обидою и притѣсненiемъ земныхъ обитателей! и оная власть почитается справедливою и священною.

Тѣ, кои хотѣли придать нѣкую тѣнь справедливости симъ непостижимымъ притѣсненiямъ, увѣряли, что Римъ будучи столицею мiра гражданскаго, долженъ быть также столицею мiра Христiянскаго. И такъ въ разсужденiи сего, ежели бы Императоръ *Карлъ* великiй, здѣлалъ столицу своей Имперiи въ *Вожирардѣ*; естьли бы потомки его на

всегда сїе установленїе сохранили непоколебимымъ: и ежели бы, наконецъ въ *Вожирардѣ* былъ Епископъ: то безъ всякаго сомнѣнїя слѣдуя симъ правиламъ, сей Архїерей долженъ бы быть начальникомъ, какъ надъ Императорами, такъ и надъ всѣми Царями, и надъ церковїю.

Ежели бы *св: Петръ* и былъ въ Римѣ: то по чему же Епископъ сего города долженъ имѣть преимущество надъ другими Епископами. Римъ никогда не бывалъ начальнымъ мѣстомъ Христїянства: а былъ то Іерусалимъ; почему первенство естественно принадлежало бы Епископу Іерусалимскому; поелику по всѣмъ правамъ, сокровища принадлежатъ тѣмъ, на чьей землѣ ихъ находятъ.

О злоупотребленїяхъ и обманахъ, употребляемыхъ для уполномочїя несправедливости и незаконной власти.

Съ ужасомъ и съ содроганїемъ взираютъ на сїю великую кучу обмановъ, коихъ сплетенїе установило наконецъ Папежское самовластїе, наносящее столь многимъ государствамъ несносныя притѣсненїя. Я не говорю здѣсь ни о ложно-вымышленныхъ узаконенїяхъ Апостольскихъ; ни о несправедливыхъ изданїяхъ худыхъ стиховъ, приписанныхъ нѣкїимъ *Сивилламъ*; ни о подложныхъ письмахъ отъ *св: Павла* къ *Сенекѣ*; ни о ложныхъ предубѣжденїяхъ Папы *Климента*; ниже о всѣхъ многочисленныхъ подлогахъ и обманахъ, кои въ прежнїе времяна почиталися священными и благочестивыми: а говорю толь-

ко о томъ подаренiи *Константиновомъ*, которое случилося въ девятомъ вѣкѣ, и на которое всѣ принуждены были согласиться, подъ опасенiемъ вѣчнаго проклятiя и отлученiя отъ церкви; я говорю здѣсь о тѣхъ гнусныхъ и нелѣпыхъ преданiяхъ, кои чрезъ столь долгое время пребывали основанiемъ церковному праву, и которые повредили правосудiе во всей Европѣ; я говорю о томъ уступленiи, чрезъ которое *Карлъ* великiй уступилъ Епископу Римскому Сардинiю и Сицилiю, коими сей Государь никогда не обладалъ. Каждый годъ прибавлялося по малой частицѣ къ сей желѣзной цѣпи, коею честолюбiе, облекшись въ одежду Священнаго закона, связывало народъ глупый и непросвѣщенный. Не можно пройти ни одной страницы въ Исторiи, на которой не находилося бы слѣдовъ того презрѣнiя и безчеловѣчiя, съ каковыми Римъ посту-

валъ съ родомъ человѣческимъ, не удостоивая его и того, что бы для онаго обмана придать хотя нѣкоторый видъ справедливости.

О независимости Государей.

Самовластїе и независимость, кажется, одно другому весьма суть противны. Каждая Монархїя и каждая Республика имѣетъ одного только Бога надъ собою властителемъ: ибо таково есть естественное и владѣтельное право. Двѣ только вещи могутъ Государя лишить самовластїя, т: е: или сила дерзкаго похитителя, или его собственное неразумїе *Готы* овладѣли Гишпанїею силою; *Татары* такимъ же образомъ покорили Индїю; и Iоаннъ *беззѣмельный* (jean sans terre) отдалъ Англїю Папѣ; однакожъ можно бы было паки возвратить себѣ сїе естественное право, когда

бы имѣли смѣлость; и можно бы также взять обратно свое владѣнїе изъ рукъ Папы, когда бы возъимѣли здравый разсудокъ.

О государствахъ, жалованныхъ Папою.

Ежели кто читалъ Исторїю, тому безъ сомнѣнїя извѣстно, что Папы раздавали, или думали, что они могутъ раздавать по своей волѣ, всѣ государства въ Европѣ, не выключая ни одного, отъ самыхъ ледяныхъ горъ Норвежскихъ до залива Гибралтарскаго; но тѣ, кои никогда не читали Исторїи, конечно тому не повѣрятъ: ибо съ одной стороны столь безмѣрная дерзость, а съ другой чрезвычайнѣйшее уничтоженїе, покажутся имъ со всѣмъ непонятными.

Гильдебрандъ, или *Шильдебрантъ* (монахъ Клуниской, бывшїй Папою подъ

имянемъ *Григорія* VII) есть первый, который по окончаніи Тысящелѣтія развратилъ до таковаго градуса Христіянство. Онъ дерзалъ призывать къ себѣ Императора *Генриха* IV, повелѣвая ему явиться передъ него въ 1076 году, и въ томъ же году обнародовалъ противъ сего Императора указъ, отрѣшающій его отъ престола, въ которомъ было написано: „*Я ему запрещаю упра-„влять Тевтоническимъ Королевст-„вомъ и разрѣшаю всѣхъ подданныхъ „его отъ учиненной ему присяги въ „вѣрности.*

Въ послѣдующій годъ возсталъ противъ его Нѣмецкій Владѣтель, и онъ принудилъ его притти къ себѣ просить прощенія, съ босыми ногами и одѣтаго въ волосяницу.

Въ 1088 году тотъ же самый *Шильдебрантъ*, чрезъ свою злоупотре-

бительную власть, отдалъ Имперію во владѣніе *Родольфу* Горцогу Швабскому.

Урбаній II, также какъ и *Григорій* VII, монахъ Клунійскій, по тѣмъ же стопамъ слѣдовалъ.

Паскаль II, поступилъ еще того далѣе; онъ вооружилъ сына *Генриха* IV противу отца своего, и побудилъ его сдѣлать отцеубійство.

Наконецъ сей великій Императоръ въ 1106 году умеръ, лишенный престола и доведенный до крайней бѣдности Тѣло его погребено было прежде въ Лежѣ; но какъ онъ былъ отлученъ отъ церкви, то собственный сынъ его *Генрихъ* V приказалъ оное изъ земли выкопать, и положить въ Спиррѣ, въ одномъ погребѣ.

И такъ послѣ сего ужаснѣйшаго примѣра, кажется уже безполезно описывать здѣсь всѣ безчисленныя злоумы-

шленіи, которыя Папами употребляемы были противу столькихъ Императоровъ, и всѣ бѣдствія дома Швабскаго.

Папы не дозволяли никогда читать Священнаго Писанія: они довольнымъ для всего народа почитали только то, что себя называли *Викаріями*, или Намѣстниками божіими, и по сему названію присвояли себѣ право повелѣвать всѣми царствами земными. Сіе дѣйствительно походитъ на то, какъ діаволъ предлагалъ Іисусу Христу на горѣ, куда, какъ сказано въ Священномъ Писаніи, онъ Его перенесъ.

О другихъ доказательствахъ того права, которое Папы себѣ присвоили чтобъ повелѣвать всѣми государствами.

Есть около ста Буллъ, изданныхъ отъ Епископовъ Римскихъ, въ которыхъ дѣйствительно увѣряютъ, яко бы всѣ цар-

ства не иначе отдаются во владѣніе, какъ по дозволенію Папскаго престола. Обратимся теперь къ Буллѣ *Адріяна* IV, сообщенной Королю Аглинскому *Генриху* II, въ которой было написано слѣдующее: „*Никто въ томъ не сомнѣвает-„ся: и вы довольно можете быть увѣ-„рены, что каждое Христіянское вла-„дѣніе есть наслѣдіе св: Апостола „Петра, и что, какъ Ирландія, такъ „и всѣ острова воспріявшіе законъ „Христіянской, принадлежатъ Римской „церквѣ: то какъ Мы увѣдомились, „что вы намѣрены покорить себѣ сей „островъ съ тѣмъ, чтобъ съ каждаго „тамъ дома платить подать св: Пе-„тру; въ разсужденіи сего, Мы вамъ „оное съ охотою дозволяемъ и пр....*

Нѣтъ почти ни одного государства въ Европѣ, въ которомъ бы подобныя сей Буллы не проливали вели-

кихъ ручьевъ крови. Поговоримъ только здѣсь о тѣхъ Папахъ, кои отрѣшили отъ церкви и предали проклятію Королей Французскихъ: *Роберта*, *Филиппа* I, *Филиппа Августа*, и *Лудовика* VIII, отца *Лудовика святаго*, преданнаго проклятію простымъ Папежскимъ посланникомъ, который въ знакъ своего покаянія, согласился платить Папѣ десятую часть изъ своего двулѣтняго доходу: и сверьхъ того, босыми ногами и въ одной рубашкѣ предстать при дверяхъ храма Парижской Богоматери, державъ въ рукѣ пукъ прутьевъ, чтобъ быть ими сѣченному чрезъ Каноннйковъ. Сіе покаяніе во всей формѣ, какъ сказываютъ, служители его, вмѣсто своего государя, исполнили совершенно. *Филиппъ благообразный* преданъ былъ діаволу чрезъ *Вонифантія* VIII, и все Королевство его отлучено было отъ церкви и отдано во владѣніе

Алберту Австрійскому : а наконецъ и добродѣтельный Король *Лудовикъ* XII также былъ отлученъ отъ церкви *Іюліемъ* II, и Франція паки предана была проклятію симъ старымъ и бѣшенымъ воиномъ, Епископомъ Римскимъ.

Таковы были несносныя раны, изъ коихъ Папы, производители многихъ во Франціи заговоровъ и притѣсненій, съ тридцать лѣтъ непрестанно кровь сосали. Съ того времяни, какъ Францисканецъ *864*ъ V дерзостно назвалъ *Генриха* IV *незаконно и гнусно происходящимъ отъ дома Бурбонскаго*, и объявилъ его ко владѣнію ни одной наслѣдственной земли совсѣмъ неспособнымъ; надлежитъ о семъ извѣстить нашихъ современниковъ и просить ихъ, дабы они то предали своимъ потомкамъ, что сіи только единые правила вонзали кинжалъ въ сердце славнѣй-

шимъ нашимъ Героямъ и наилучшимъ Государямъ. Должно, съ пролитіемъ слезъ о нещастной судьбинѣ сего великаго мужа, повторить, что съ великимъ трудомъ могли тогда упросить *Климента* VIII, дабы онъ далъ ему разрѣшеніе, въ которомъ онъ не имѣлъ никаковой пользы; и воспрепятствовать, чтобъ сей Папа не включалъ въ сіе разрѣшеніе того, что онъ *полною свою властію возвращаетъ Генриху IV Французское Королевство.*

Нѣкоторые болѣе имовѣрные, нежели въ разумѣ просвѣщенные особы, хотятъ насъ утѣшить, увѣряя, что таковые мерзости никогда уже болѣе не возпослѣдуютъ. Увы! кто вамъ о томъ сказалъ? Человѣческое неразуміе совсѣмъ ли истребилось? Не вѣдаете ли вы, что оно въ состояніи сдѣлать? Я согласенъ, что многіе честные люди

нынѣ довольно уже просвѣщенны, и что правила установленные Парламентомъ, непрестанно какъ во устахъ нашихъ, такъ и въ сердцахъ твердятся; но простой народъ не таковъ же ли и нынѣ, каковъ былъ въ правленїе *Генриха* III, и *Генриха* IV? Не управляется ли онъ также и нынѣ монахами? и не въ триста ли *разъ*, по крайней мѣрѣ, онъ многочисленнѣе, нежели тѣ, кои получаютъ лучшее и разумное воспитанїе? и не можно ли его наконецъ назвать кучею пороха, къ которому нужно только приложить огонь, отъ чего онъ въ одну минуту вспыхнетъ?

Доколѣ будутъ довольствоваться симъ лѣкарствомъ, которое на самое только малое время облегчаетъ оную скорбь, ужаснѣйшую, и съ давнихъ уже лѣтъ застарѣвшую? Доколѣ будутъ почитать себя въ совершенномъ облегченїи,

единственно только по тому, что наши мученія на нѣсколько прекратились? надлежало бы судіямъ и другимъ особамъ, участвующимъ въ бремени правленія, воззрѣть прилѣжнымъ окомъ: какую преграду могутъ они постановить сему бурливому стремленію, которое чрезъ столько вѣковъ земли наши опустошало? Каждый отецъ семьи непремѣнно долженъ разсмотрѣть сіи великіе истинны, впечатлѣть ихъ въ разумъ дѣтей своихъ, и воспитать такихъ потомковъ, которые не знали бы никакихъ другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ изданы въ ихъ отечествѣ.

Еще и по нынѣ употребляютъ между нами бѣдственное названіе *двухъ начальствъ*; но Іисусъ Христосъ никогда онаго не упреблялъ, оно также не употреблялося ни у какого церковнаго начальника, и всегда было неизвѣстно

церквѣ Греческой; Епископъ же Греческїй былъ нѣкогда лишенъ своего достоинства собранїемъ цѣлаго Синода, за то только, что употреблялъ сїе возмутительное названїе.

Нѣтъ никакого кромѣ одного токмо начальства, которое присвояется Государю Церковь подаетъ свои совѣты и дѣлаетъ увѣщанїя: а правительство насылаетъ указы. Точно нѣтъ кромѣ одного начальства: дворъ же Римскїй возмнилъ, будто бы сїе начальство принадлежитъ одному только ему; однакожъ какое правленїе не свергало бы съ себя нынѣ ига сего гнуснаго притѣсненїя? И такъ по что же названїе сего начальства по нынѣ еще господствуетъ, когда дѣйствующая его сила опровержена? и по что бы оставлять подъ пепломъ огонь, который паки возгорѣться когда нибудь можетъ? Не довольно ли и безъ сего на землѣ бѣдствїй для нещаст-

наго рода человѣческаго и по что бы, претерпѣвать еще несправедливое прѣніе между поученіемъ церковнымъ и властію Государей?

Мы не входимъ здѣсь въ сіи важныя изслѣдованія: приличествуютъ ли временныя достоинства священникамъ церкви Іисусовой, который столь часто имянно повелѣвалъ имъ отъ оныхъ отрекаться? Мы не взираемъ и на то, что въ безначальственныя времяна должны ли были Епископы Римскій и Нѣмецкій, будучи простыми Аббатами, присвоять себѣ начальственныя права? Сей предмѣтъ совсѣмъ до насъ не принадлежитъ: а касается единственно до гражданскаго правленія. Мы чтимъ тѣхъ особъ, кои отъ Бога почтены вышнею властію. Боже насъ отъ того избави, чтобъ хотѣли мы нарушать спокойствіе государственное и повреждать пре-

дѣлы, съ давняго времяни установленные! но хотимъ только поддержать неоспоримыя права, какъ Государей, такъ всего правительства, и всѣхъ вообще согражданъ нашихъ, и льстимъ себя надеждою, что сїи права, на коихъ основывается общественное блаженство, пребудутъ вѣчно непоколебимы.

XVII.

ЗАВИСТЬ.

Довольно извѣстно, что древнїе писатели много говорили въ предъосужденїе сей постыдной страсти, и что потомъ новѣйшїе то же самое подтверждали. *Гедїодъ* первый изъ Класическихъ писателей говорилъ о ней слѣдующее:

„Горшечникъ завидуетъ горшечни„ку, художникъ художнику, нищей ни„щему, музыкантъ музыканту, стихо„творецъ стихотворцу.

Кажется, что *Мандевиль*, сочинитель басни о *пчелахъ*, первой хотѣлъ доказывать, что зависть есть страсть самая хорошая и полезная. Съ начала утверждаетъ онъ, „что зависть столь „же естественна человѣку, какъ го„лодъ и жажда; что оная усматри„вается во всѣхъ младенцахъ, также

,,въ лошадяхъ и собакахъ. Ежели бы ,,кто захотѣлъ, что бы дѣти его другъ ,,друга возненавидѣли, то стоитъ только одного ласкать больше, нежели ,,другаго: то симъ можно поселить ,,въ нихъ вѣчную ненависть.

Онъ также доказываетъ, что ,,двѣ ,,молодыя женщины, сошедшись, съ на- ,,чала стараются одна надъ другою ,,подъсмѣяться: а потомъ уже подру- ,,жатся.

Онъ думаетъ, что ,,безъ зависти ,,всѣ науки и художества были бы по- ,,средственны, и что *Рафаелъ* никогда ,,не былъ бы славнымъ живописцемъ, ,,ежели бы не позавидовалъ въ семъ ис- ,,кусствѣ *Мишель Анжу*.

Можетъ быть *Мандевиль* почелъ соревнованіе *завистію*; можетъ быть также, что сіе соревнованіе и въ самомъ дѣлѣ не иное что, какъ *зависть*,

заключающаяся въ предѣлахъ благопристойности.

Мишель - Анжъ могъ бы сказать *Рафаелу*: „твоя зависть не къ иному че-
„му тебя побудила, какъ сдѣлаться въ
„живописи искуснѣе меня. Ты симъ не
„причинилъ мнѣ ни малаго вреда: ибо ты
„не оклеветалъ меня Папѣ, и не старался,
„чтобъ предали меня проклятiю за то,
„что я на картинѣ моей *страшнаго*
„*суда* написалъ хромыхъ, слепыхъ, и не-
„мощныхъ, въ раю: а тучныхъ Кардиналовъ, и прекрасныхъ женщинъ со-
„всѣмъ обнаженныхъ, въ адѣ; и такъ
„сiя твоя *зависть* очень похвальна, и
„ты самой добросовѣстной *завистникъ*:
„будемъ же съ тобою отъ нынѣ хо-
„рошими друзьями.

Но ежели завистникъ, будучи безъ всякихъ дарованiй, завидуетъ другимъ въ хорошихъ достоинствахъ, подобно

какъ нищїе завидуютъ богатымъ; ежели кто подстрекаемый убожествомъ и безчестною склонностїю, сочиняетъ *Новости Парнасскїя*; *Письма отъ госпожи Графини*; *Ученые годы*, и тому подобное: то таковой безумецъ оказываетъ тѣмъ зависть ни къ чему не полезную, которую *Мандевилъ* никогда позволить не можетъ.

Вопросъ: для чего древнїе полагали, что око завистника очаровывало людей на него смотрящихъ? Надлежало бы лучше сказать, что сами завистники очарованы.

Дескортъ говоритъ, *что завистъ раждаетъ желчь желтую, которая происходитъ отъ наружной части печонки: а желчь чорная, происходящая отъ селезенки, разливается отъ сердца по всѣмъ жиламъ и пр.* Но какъ никакая желчь не происходитъ отъ се-

лезенки, то *Декартъ*, говоря сїе, казалося не заслуживалъ того, чтобъ завидывали ему въ его физикѣ.

Нѣкто по имяни *Воїетъ*, очень худой богословъ, которой обвинялъ *Декарта* въ безбожїи, безъ сомнѣнїя весьма былъ боленъ черною желчїю; однакожъ менѣе *Декарта* зналъ, какимъ образомъ его мерзкая желчь развивалася въ крови его.

Госпожа *Пернелла* справедливо сказала: *Завистники умрутъ; но зависть никогда.*

Также не худа и сїя пословица: *лучше возбуждать противъ себя зависть, нежели сожалѣнїе.* И такъ, слѣдуя сему, будемъ возбуждать въ другихъ зависть столько, сколько будетъ возможно.

XVII.

О злодѣянiяхъ, или преступленiяхъ по временамъ и по мѣсту.

Одинъ Римлянинъ убилъ по нещастiю въ Египтѣ освященную кошку, и народъ пришедшiй отъ сего въ ярость, наказалъ сего святотатца, разорвавъ все тѣло его на части. Ежели бы сего Римлянина представили къ суду, и естьли бы судiи имѣли хотя немного здраваго разсудка, то не иначе осудили бы его, какъ просить прощенiе у Египтянъ и у кошекъ, и заплатить штрафъ: или деньгами, или мышами. Они бы ему сказали, что надлежитъ почитать народныя дурачества, ежели кто не въ силахъ ихъ исправить.

Почтенный начальникъ сего судилища, говорилъ бы почти подобнымъ сему образомъ: „Каждый народъ имѣетъ „у себя предписанныя закономъ нелѣпо„сти и преступленiя, соображаемыя со „временами и мѣстомъ. Ежели бы въ ва-

„шемъ Римѣ, учинившемся обладателемъ „всей Европы, ты убилъ священнаго цыпленка, въ то время, когда давали ему „кормъ, желая чрезъ то узнать истинную волю боговъ: то былъ бы ты за то „очень строго наказанъ. Понеже мы вѣримъ, что ты убилъ нашу кошку неумышленно: то дворъ нашъ дѣлаетъ тебѣ за твою неосторожность выговоръ; „поди съ миромъ; но впредь будь осторожнѣй.

Ничего не значитъ имѣть статую въ своихъ сѣняхъ; но естьли бы въ то время, когда *Октавіи*, названный *Августомъ* былъ самодержавнымъ владѣтелемъ, Римлянинъ осмѣлился поставить у себя статую *Брутову*, то былъ бы за то наказанъ такъ, какъ возмутитель Ежели при царствующемъ Императорѣ кто-либо изъ гражданъ имѣлъ у себя статую совмѣстника его въ Имперіи: то сіе почиталося оскорбленіемъ величества, и жесточайшею измѣною.

Одинъ Агличанинъ, не имѣя никакого дѣла, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ видѣлъ нѣкогда Принца *Карла Едуарда* у одного Кардинала, и тѣмъ былъ весьма доволенъ. Возвратившись въ свое отечество, онъ пилъ въ трактирѣ за здоровье сего Принца *Карла Едуарда*, и за то былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и въ величайшей измѣнѣ. Но кому же онъ измѣнилъ, когда говорилъ, пивши вино, что онъ желаетъ здоровья сему Принцу. Ежели бы онъ дѣлалъ покушенія возвести его на престолъ, тогда былъ бы виновенъ противъ своего отечества; но въ семъ случаѣ совсѣмъ не видно, чтобъ Парламентъ, слѣдуя совершенной справедливости, могъ отъ него требовать чего другаго, кромѣ того, чтобъ выпилъ онъ четырѣ стакана за здоровье дома *Гановерскаго*, ежели прежде того выпилъ два стакана за здоровье дома *Стуартовъ*.

XIX.

О мечтательности совершеннаго блага. *

Благополучїе, есть изображенїе мечтательное, составляющееся изъ нѣкїихъ токмо ощущенїй утѣхъ. *Платонъ*, который лучше писалъ, нежели разсуждалъ, вымыслилъ свой *мїръ образцовой*, или *примѣрной*; его *общественныя* мысли о благѣ, о порядкѣ и истиннѣ, изъяснены были такъ какъ бы были нѣкїя особливыя вѣчныя Существа, называемые *порядокъ*, *благо*, *истинна*, отъ коихъ произошли слабыя изображенїя того, что намъ здѣсь кажется истинною, благополучїемъ, и благомъ.

Потомъ послѣ уже Платона, слѣдуя симъ его мыслямъ, многїе философы искали совершеннаго блага, подобно какъ Химики ищутъ философическаго

* Сїя песа издается во первой разъ, и донынѣ нигдѣ еще помѣщена не была.

камня; однакожъ оное не болѣе существуетъ, какъ совершенный четыреугольникъ, или совершенный алый цвѣтъ. То правда, что есть алые цвѣты, есть также и четыреугольники; но нѣтъ особливаго такого Существа, которое бы такъ называлось. Сей мечтательный образъ разсужденія долгое время повреждалъ философію.

Животные чувствуютъ удовольствіе исполнять всѣ дѣйствія, къ коимъ они опредѣлены природой. Воображаемое благополучіе должно бы составлено быть изъ непрерывной цѣпи забавъ и непрестаннаго удовольствія; но таковое установленіе совсѣмъ не согласно съ нашими свойствами и съ нашимъ предъопредѣленіемъ.

Переходить непрестанно, безъ всякаго помѣшательства, отъ одной утѣхи къ другой, есть также одно только мечтательное воображеніе. Беремен-

ной женщинѣ непремѣнно надлежитъ родить, что причиняетъ ей великой трудъ и болѣзнь; а мущинѣ должно распиливать лѣсъ и обтесывать камни, что также не можетъ почесться утѣхою.

Ежели люди даютъ названіе *блага* нѣкоторымъ утѣхамъ, услаждающимъ насъ въ сей жизни: то, въ такомъ случаѣ можно сказать, что есть въ здѣшнемъ свѣтѣ совершенное *благо*. Ежели же дается сіе названіе утѣхѣ непоколебимо всегда пребывающей, или непрестанному продолженію различныхъ пріятнѣйшихъ и услапительныхъ чувствъ; то, въ семъ послѣднемъ положеніи, можно будетъ сказать, что *благо* на семъ земномъ шарѣ совсѣмъ не обитаетъ: а надлежитъ его искать индѣ.

Ежели называютъ *благомъ* одно только человѣческое состояніе, какъ то: *бо-*

гатство, *власть*, *славу* и пр: то и въ семъ не менѣе обманываются: ибо случается иногда, что и дровосѣкъ бываетъ благополучнѣе Государя. Пусть спросятъ у *Кромвеля*: довольнѣе ли онъ былъ тогда, когда былъ владѣтелемъ, нежели когда въ молодости своей хаживалъ по трактирамъ: то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ будетъ отвѣтствовать, что то время, когда употреблялъ онъ надъ людми безчеловѣчную свою жестокость, не весьма его утѣшало. Сколько на свѣтѣ есть безобразныхъ мещанокъ, которыя почитаютъ себя довольнѣя *Елены* и *Клеопатры*.

Но надлежитъ сдѣлать здѣсь небольшое примѣчанïе: когда мы говоримъ, что по видимому такой то человѣкъ благополучнѣе сего другаго; что молодой извощикъ имѣетъ великiя преимущества предъ *Карломъ пятымъ*; что

торговка, продающая модные уборы, довольнѣе Принцессы: то, говоря сїе, должны мы полагаться на слѣдующую вѣроятность: „Понеже весьма то примѣтно, „что извощикъ, будучи здоровъ, утѣ„шается болѣе *Карла пятаго*, стражду„щаго отъ подагры; однакожъ также „легко случиться можетъ, что и *Карлъ* „*пятый*, хотя ходитъ на костыляхъ, „но естьли возхищается мысленно, воз„поминая о томъ, что онъ Короля Фран„цузскаго и Папу Римскаго имѣлъ нѣкогда „своими плѣнниками: то, въ семъ случаѣ, „при всемъ его страданїи отъ болѣзни, „участь его можетъ почесться лучше „участи здороваго извощика.

По истиннѣ, принадлежитъ единому токмо Богу, сему всевидящему Существу, который во всѣ сердца проницаетъ, судить о томъ, который человѣкъ щастливѣе всѣхъ на свѣтѣ. Есть

одинъ только таковой случай, когда человѣкъ утвердительно можетъ сказать о настоящемъ своемъ состоянїи, хуже ли оно, или лучше состоянїя его сосѣда: а сїе можетъ случиться въ разсужденїи соперничества въ любви и въ минуту совершенной его побѣды.

Я полагаю, чтобъ *Архимедъ* имѣлъ назначенный часъ къ ночному свиданїю съ своею любовницею, и тотъ же бы самый часъ назначенъ былъ *Номантанусу* къ тому же свиданїю. *Архимедъ* подходитъ ко входу въ комнату своей любовницы, и отъ него тотъ часъ дверь запираютъ: а отворяютъ оную для его соперника, коего подчиваютъ тамъ хорошимъ ужиномъ, во время котораго насмѣхается онъ надъ *Архимедомъ* и забавляется по томъ съ своею любовницею: *Архимедъ* же, между тѣмъ, стоя на улицѣ терпитъ великое безпо-

койство отъ стужи, дождя, и града. Въ таковомъ случаѣ, по справедливости, *Номантанусъ* можетъ о себѣ сказать: я въ сїю ночь щастливѣе *Архимеда*, ибо имѣю болѣе его удовольствїя; однакожъ надлежитъ ему къ тому присовокупить; что онъ могъ бы назвать себя благополучнѣе *Архимеда* только тогда, когда *Архимедъ* въ ту ночь ни въ чемъ бы болѣе не упражнялся, какъ печалился бы и досадовалъ о томъ, что не имѣлъ хорошаго ужана; что былъ презрѣнъ и обманутъ прекрасною женщиною; что мѣсто его занималъ его соперникъ; и что онъ претерпѣвалъ великое безпокойство отъ дождя, града, и стужи. Ежели же, напротивъ того, сей философъ, въ то время, стоя на улицѣ упражнялся въ разумныхъ размышленїяхъ, и никакая красавица, ниже сильный дождь, не могли нарушить спокойствїя души его. Ежели онъ дѣлалъ рѣшенїе важной какой

задачѣ, и изслѣдовалъ размѣренїе Цилиндра и Сферы: то, будучи въ такомъ состоянїи, могъ онъ ощущать удовольствїя во сто разъ болѣе *Номантануса*.

И такъ, въ одномъ только случаѣ бываютъ чувствуемы истинное утѣшенїе и дѣйствительная досада, когда можно сдѣлать сравненїе между состоянїями двухъ человѣкъ, не входя въ другїя обстоятельства. Нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнїя, что тотъ, кто забавляется съ своею любовницею, бываетъ въ ту минуту щастливѣе своего соперника, который, будучи презрѣнъ, произноситъ жалобу и стенанїе. Человѣкъ здоровый, который ѣстъ хорошихъ рябчиковъ и куропатокъ, безъ сомнѣнїя, въ ту минуту благополучнѣе человѣка страждущаго отъ жестокой колики; однакожъ не возможно еще совершенно воономъ увѣрять, и нѣтъ никакого

способа учинить соразмѣрность въ состоянїи одного человѣка съ другимъ: ибо никакими вѣсами не можно взвѣсить человѣческихъ чувствъ и желанїй.

Мы начали сїю матерїю *Платономъ* и его совершеннымъ *благомъ*; а кончимъ *Солономъ* и его великимъ словомъ, которое выговорилъ онъ весьма удачно: *Никого прежде смерти не подлежитъ называть благополучнымъ.* Сїя рѣчь въ самомъ дѣлѣ ничего не значитъ, равно какъ и многїя другїя древнїя нравоученїя: ибо смертная минута ничего не имѣетъ общественнаго съ приключенїями, случающимися въ жизни человѣческой. Можно погибнуть жестокою и безчестною смертїю: а до самой смерти вкушать всѣ утѣхи и удовольствїя, каковыя природа человѣческая ощущать можетъ. Очень возможно, да и весьма обыкновенно случается, что

самый благополучный человѣкъ наконецъ приходитъ въ нещастїе, и кто бы въ томъ усомнился? однакожъ и онъ въ жизни своей довольно имѣлъ минутъ благополучныхъ.

И такъ, что бы такое значила сїя смерть *Солоноза*? — Не то ли, что онъ не былъ довольно увѣренъ, чтобъ человѣкъ наслаждающїйся утѣхами сего дня, могъ оныя вкушать завтрѣ. Есть-ли онъ мыслилъ такъ, то о сей неоспоримой истиннѣ и говорить труда бы не стоило: ибо оная всѣмъ довольно извѣстна.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Матерїямъ находящимся во II части.